

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1886.

№ 7.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

- Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I и идея священнаго союза (продолженіе). Профессора Императорскаго Харьковскаго университета **В. Надлера** 425—445
- Представители догматико-полемиической проповѣди въ IV вѣкѣ на Востокѣ (продолженіе). Профессора С.-Петербургской духовной академіи **Н. Барсова**. 446—469
- Энциклика Папы Льва XIII. Свяд. **Т. Буткевича** 470—496

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

- Метафизическій анализъ эмпирическаго познанія (продолженіе). Профессора Московской духовной академіи **В. Кудрявцева** 327—346
- Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи **П. Липницкаго** 347—360
- Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій **Диогена Лаэртія, Плутарха, Стобея** и др. (продолженіе). **И. К.** 361—372

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Правленія Харьковской духовной семинаріи.—Копія съ отношенія г. Оберъ-Прокурора на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія епископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Отъ общества спасанія на водахъ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ПИТАВА, НѢМЕЦКАЯ № 26.

1886.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, пзъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области филозофіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи филозофіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ филозофовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ чловѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлію замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884 и 1885 годы, по прежней цѣнѣ, т. е. по 10 рублей за каждый годъ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

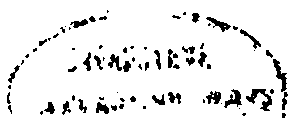
· Πίσται νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, Апрѣля 15 дня 1886 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

(Продолженіе *).

Еще въ письмѣ отъ 9 октября Чарторыжскій отваживался совѣтовать Александру въ томъ случаѣ, если ему прійдется покупать миръ у побѣдоноснаго Наполеона великими жертвами, попытаться облегчить дѣло возведеніемъ на возстановленный польскій престолъ одного изъ младшихъ великихъ князей. При этомъ Чарторыжскій подразумѣвалъ само собою, что въ составъ Польши войдутъ старыя русскія области и Литва, что великій князь русскій, становясь королемъ польскимъ, превратится въ простаго подручника всемогущаго французскаго императора. Такой исходъ, крайне постыдный и гибельный для Россіи, казался Чарторыжскому не только легкимъ и почетнымъ, но даже выгоднымъ для ея императора ¹⁾).

Прошло два мѣсяца; иллюзіи и надежды, возлагаемыя на непобѣдимаго Наполеона, разсѣялись какъ дымъ, и Чарто-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 5.

¹⁾ „Если бы, Государь, Вамъ пришлось подумать о мирѣ и еслибы Вамъ пришлось покупать его великими жертвами, то не облегчилось-ли бы дѣло (прочнымъ и блестящимъ образомъ) возведеніемъ на польскій престолъ младшаго изъ великихъ князей; не было-ли бы то средствомъ сдѣлать миръ болѣе легкимъ и почетнымъ и даже болѣе выгоднымъ, чѣмъ онъ покажется на первый взглядъ“. Письмо Чарторыжскаго отъ 9 октября 1812 г. „Русскій Архивъ“ за 1871 г., стр. 840.

рыжскій вдругъ заговорилъ съ русскимъ императоромъ совершенно инымъ тономъ. „Побѣда,—писалъ онъ Александру 6 декабря 1812 г., повидимому, рѣшительно увѣнчаетъ успѣхъ Вашего Императорскаго Величества. Если вы вступите побѣдителемъ въ Польшу, вернетесь-ли Вы, Государь, къ Вашимъ стариннымъ планамъ относительно этой страны? Покоряя ее, захотите-ли Вы въ тоже время покорить сердца? Пожелаете-ли Вы также сдѣлать узы, связующія обѣ націи, неразрывными, содѣлавъ ихъ произвольными, и установить порядокъ вещей, котораго не могли-бы разрушить никакія превратности, потому что онѣ осуществляютъ желанія и благополучіе покоренной націи?—Мы, можетъ быть, достигаемъ минуты, когда Ваши воинскіе успѣхи дозволятъ Вамъ, наконецъ, приступить къ осуществленію этого дѣла. Въ этомъ случаѣ осмѣлюсь умолять Ваше Величество извѣстить меня о томъ безъ промедленія. Боюсь, чтобы Австрія и Пруссія своими внушеніями не захотѣли отклонить Васъ отъ Вашей мысли. Между тѣмъ Вы не обязаны ни къ какимъ уступкамъ передъ этими державами, и тѣже соображенія политики, славы, чело-вѣколюбія, которыя заставили Васъ принять этотъ планъ, только и могутъ побудить Васъ привести его въ исполненіе, какъ только Вы увидите къ тому возможность“.

Чарторыжскій указываетъ вслѣдъ затѣмъ путь, которымъ долженъ слѣдовать Александръ при возстановленіи Польши. Самодержавный русскій императоръ, побѣдитель непобѣди-маго Наполеона, долженъ обратиться, по его мнѣнію, къ генеральной польской конфедерации ¹⁾, соединить при ея содѣйствіи всѣ умы и воли и возвести при ея помощи прочное зданіе возстановленной Польши. Чарторыжскій обѣщаетъ при этомъ случаѣ государю свою дѣятельную помощь, хотя и настаиваетъ въ тоже время на своей прежней просьбѣ о полной отставкѣ ²⁾.

¹⁾ Не слѣдуетъ опускать изъ виду, что эта конфедерация устроена была поляками по желанію и приказу Наполеона и что главная цѣль ея заключалась въ вооруженіи польской націи противъ Россіи.

²⁾ См. письмо Чарторыжскаго отъ 6 декабря 1812 г. „Русскій Архивъ“ за 1871 г., стр. 841—842.

Земля горѣла подъ ногами польскихъ вожаковъ въ эти критическія минуты. Они сознавали, что теперь или никогда можетъ осуществиться ихъ старая мечта. Наполеонъ обманулъ ихъ ожиданія; надо было употребить всѣ усилія, чтобы его побѣдитель не забылъ въ минуту торжества свои польскіе планы, чтобы онъ произнесъ свое рѣшающее слово, въ тотъ самый моментъ, когда войска его собирались нахлынуть въ предѣлы старой Польши, когда въ Европѣ не было ни одной силы, которая была-бы въ состояніи противиться его намѣреніямъ.

Не дождавшись отвѣта на свое первое письмо, опасаясь, что оно могло не достигнуть своего назначенія, Чарторыжскій уже черезъ недѣлю отправляетъ новое посланіе ¹⁾ къ императору Александру. Онъ закликаетъ государя исполнить свои столько разъ данныя обѣщанія. Онъ умоляетъ его не внимать внушеніямъ континентальныхъ державъ. „Онѣ“, замѣчаетъ онъ, „захотятъ отклонить Васъ отъ мысли, которой онѣ испугаются, и которая слишкомъ прекрасна для того, чтобы поняли ее ихъ кабинеты“. Еще болѣе боится князь ближайшихъ совѣтниковъ императора. Онъ говоритъ о лицахъ, которыя, быть можетъ, по разнымъ соображеніямъ отнесутся враждебно къ плану возстановленія Польши. или ослѣпленные успѣхомъ, забудутъ, что это возстановленіе есть самое выгодное и славное средство для его обезпеченія. Не трудно понять, кого имѣетъ при этомъ въ виду хитрый польскій князь. Онъ хорошо сознаетъ, что такой человекъ, какъ Штейнъ можетъ отклонить императора отъ узкихъ и фантастическихъ польскихъ утопій и указать ему на широкое и блестящее поле освобожденія всего европейскаго міра. Онъ чувствуетъ также, что такіе русскіе государственные люди,

¹⁾ Письмо начинается такими словами: „Воскныя событія приняли оборотъ, повидимому, рѣшительный, и я боюсь, что никто не захочетъ теперь ходатайствовать передъ В. Имп. В. объ интересахъ моей родины. (Князь напрасно беспокоится. Мы уже видѣли, какъ дѣйтельно заботились въ этотъ моментъ о польнѣ Огницкій, Любомірскій, Армфельдтъ и компанія). Поэтому я рѣшился отправить г-на К. съ приложенными при семъ бумагами. Дай Богъ, чтобы онѣ содѣйствовали къ тому, чтобы убѣдить Васъ, Государь“.

какъ Кочубей, Орловъ, Уваровъ, воспротивятся всѣми силами ловкой попыткѣ поляковъ вырвать изъ рукъ Россіи всѣ плоды побѣдоносной войны. Чтобы обезоружить въ глазахъ императора этихъ страшныхъ противниковъ, Чарторыжскій пускаетъ въ ходъ самыя рѣшительныя средства. Онъ объявляетъ, что всѣ его надежды покоятся на одномъ государѣ, на его личныхъ, столько разъ торжественно заявленныхъ чувствахъ. Онъ не хочетъ допустить мысли, чтобы императоръ могъ измѣнить свои намѣренія. „Не могу себѣ представить, чтобы Ваше Величество желавши, когда вы не могли, не желали теперь, когда вы можете все, чего хотите. Это такія минуты, которыя въ жизни не повторяются“. Чарторыжскій старается увѣрить императора, что вся польская нація съ восторгомъ встрѣтитъ его рѣшеніе. „Если Ваше Императорское Величество въ ту минуту, когда вся польская нація ждетъ мести завоевателя ¹⁾, протянете ей руку и предложите ей добровольно то, что для нея было цѣлью борьбы, то это произведетъ дѣйствіе волшебное, ручаюсь вамъ въ томъ Государь; оно превзойдетъ Ваши ожиданія, Вы будете удивлены и тронуты“. Надежды и планы Чарторыжскаго идутъ очень далеко. Онъ считаетъ Александра способнымъ совершенно отдѣлить Польшу отъ Россіи и посадить на престолъ ея великаго князя Михаила. Онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы Александръ царствовалъ надъ Россіею и Польшею, но онъ не можетъ скрыть отъ государя, что цесаревичъ Константинъ Павловичъ внушаетъ страхъ и безпокойство полякамъ. „Вотъ почему они предпочли бы другую вѣтвь Вашего семейства. Дѣйствительно, король польскій, у котораго будетъ въ распоряженіи 300000 русскихъ, какъ только онъ захочетъ не соблюдать законовъ, не исполнять обѣщаній, разрушить то, что было сдѣлано его предшественникомъ, всегда будетъ властенъ это сдѣлать. Такая будущность заставитъ поляковъ настаивать на правильно устроенной конституціи, хотя, въ сущности, и самыя тщательныя предосто-

¹⁾ Самъ князь, слѣдовательно, сознаетъ, что польская нація заслужила своимъ поведеніемъ гнѣвъ русскаго государя и вызвала месть Россіи.

рожности этого рода не могутъ оградить ихъ отъ рѣшительнаго насилія, ни даже отъ измѣненій системы и взглядовъ со стороны одного изъ будущихъ государей Россіи“.

Предлагая, такимъ образомъ, возстановить Польшу, какъ отдѣльное отъ Россіи государство, Чарторыжскій заявляетъ въ то-же время, что онъ не можетъ отказаться отъ Варшавской конфедераціи, къ которой онъ приступилъ, влекомый всѣми своими желаніями за свою родину. „Конечно, не въ ту минуту, когда мои соотечественники опасаются, чтобы ихъ прямодушныя намѣренія, ихъ героическія жертвы, ихъ чувствительныя потери не повели къ еще большимъ бѣдствіямъ,—не тогда, говорю я, когда всѣ надежды моей родины, повидимому, затмѣваются, стану я отступаться и отрекаться передъ Вашимъ Величествомъ отъ дѣла, священнаго для всякаго поляка, которое останется таковымъ и справедливымъ, даже если оно не перестанетъ быть несчастнымъ. Если Вы протянете намъ руку, Государь, хочу испытать вполнѣ восторгъ моихъ соотечественниковъ; если Вы насъ отвергнете, я раздѣлю ихъ горе и ихъ отчаяніе“.

Чарторыжскій считаетъ своимъ долгомъ торопить государя. „Ваше Величество“, задаетъ онъ вопросъ, „не приблизитесь-ли Вы къ театру событій, чтобы удобнѣе управлять ими? Хотите-ли Вы, Государь, чтобы я открылъ переговоры съ конфедераціею и съ Варшавскимъ правительствомъ, или хотите Вы поручить это комунибудь другому? Не нашли-ли бы Вы удобнымъ, чтобы они поручили мнѣ устройство этого дѣла“. Чарторыжскій проситъ также, чтобы государь отдалъ прежде всего соотвѣтствующія приказанія своимъ генераламъ, чтобы опъ снабдилъ ихъ, по возможности, точными и опредѣленными инструкціями ¹⁾. Не трудно понять затаенный смыслъ всѣхъ этихъ настоятельныхъ просьбъ. Чарторыжскій хочетъ, чтобы Александръ связалъ себя какъ можно скорѣе торжественными заявленіями, чтобы онъ окончательно и безповоротно вступилъ на тотъ путь, который могъ имѣть лишь

¹⁾ Чарторыжскій составилъ даже самъ эти инструкціи и препроводилъ ихъ къ государю вмѣстѣ съ письмомъ. Къ сожалѣнію, инструкціи эти не напечатаны до сихъ поръ.

самыя роковыя послѣдствія для Россіи и для ея государя ¹⁾).

Чарторыжскій ошибся, однако-же, на этотъ разъ въ своихъ расчетахъ. Какъ видно, онъ несовсѣмъ изучилъ тонкій и въ высшей степени сложный характеръ своего царственнаго друга. Быть можетъ онъ забылъ, что Александръ любилъ до послѣдней минуты располагать возможностью идти тѣмъ или инымъ путемъ; что, преслѣдуя не рѣдко цѣли различныя, не имѣющія ничего общаго между собою, онъ могъ увлекаться по-очередно то одною, то другою изъ нихъ. Чарторыжскій долженъ-бы былъ знать, что Александръ далеко не былъ такъ торопливъ и быстръ въ своихъ официальныхъ заявленіяхъ, какъ въ частныхъ, интимныхъ письмахъ и бесѣдахъ. Наконецъ, польскій магнатъ не зналъ, да и не могъ знать того внутренняго настроенія, которое господствовало въ этотъ моментъ въ душѣ Александра. Религіозныя идеи, охватившія тогда императора, могли побуждать его стремиться къ восстановленію Польши, къ исправленію неправды, совершенной, по его мнѣнію, его предшественниками, но тѣ же идеи, въ силу своей всеобщности, должны были отклонять его отъ преслѣдованія какихъ-бы то ни было узкихъ исключительныхъ цѣлей. Александръ былъ глубоко убѣжденъ, что онъ призванъ самимъ Провидѣніемъ не для искорененія лишь одной частной неправды, а для водворенія правды во всемъ европейскомъ мірѣ. Богъ, ополчившій его руку такою силою, предъ которою разсыпался въ прахъ непобѣдимыя полчища Наполеона, повелѣлъ ему освободить не одну Польшу, а всю Европу, восстановить права не одной какой-либо націи, а попранныя права всего человѣчества. Эта главная цѣль должна была стоять для него выше всѣхъ второстепенныхъ. Надо было призвать подъ знамена правды и свободы всѣ народы Европы, надо было кликнуть кличъ ко всѣмъ поработеннымъ государямъ Европы, необходимо было поднять прежде всего противъ общаго врага ту Пруссію, которая такъ неохотно стала подъ зна-

¹⁾ См. письмо Чарторыжскаго отъ 15 декабря 1815 г., „Русскій Архивъ“ за 1871 г., стр. 842 - 846.

мена Наполеона, — ту Пруссію, лучшіе люди которой возлагали на Россію всё свои упованія, монархъ которой связанъ былъ съ Александромъ узами самой пѣжной и крѣпкой дружбы. Но этого мало. Для полноты успѣха, для окончательнаго сокрушенія Наполеона, — необходимо было привлечь на свою сторону Австрію и вырвать Германію изъ рукъ французскаго императора. Все это было безусловно необходимо, а между тѣмъ Александръ не могъ не знать, что интересы германскихъ державъ отнюдь не совпадали съ планами возстановленія польскаго королевства, да еще въ томъ видѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ проектировали это Огипскій, Чарторыжскій и другіе польскіе патріоты ¹⁾.

Александръ не думалъ отречься вовсе отъ своихъ польскихъ плановъ, но онъ заботился, чтобы они не помѣшали другимъ высшимъ его цѣлямъ. Онъ охотно выслушивалъ Огипскаго и Чарторыжскаго, онъ дѣлалъ все, что могъ для поляковъ; но еще охотнѣе слушалъ онъ Штейна, который открывалъ передъ нимъ необъятныя перспективы, который указывалъ ему на вѣнецъ освободителя и благодѣтеля чело-вѣчества, а не на польскую корону.

Еще въ началѣ ноября 1812 года Штейнъ подалъ императору слѣдующую докладную записку: „Французское войско погибаетъ отъ голода, болѣзней, меча, Наполеонъ бѣжитъ, покрытый позоромъ, съ яростью и терзаніемъ совѣсти въ сердцѣ, — вотъ успѣхи, достигнутые мудрыми и сильными мѣрами Вашего Величества, изумительною энергіею русскаго народа, храбростью русской арміи. Каковы же должны быть ближайшія послѣдствія этихъ великихъ событій“.

Съ негодованіемъ отвергаетъ Штейнъ мысль, что теперь слѣдуетъ ограничиться одною обороною предѣловъ Россіи. Только ошибочная политика, или невѣжество могутъ подавать голосъ въ пользу оборонительной войны. Такая война продлитъ борьбу Россіи съ Западною Европою на неопредѣленное время, она обратитъ въ пустыню ея пограничныя об-

¹⁾ Александръ отвѣчалъ Чарторыжскому на оба его посланія въ январѣ 1813 г., уже по переходѣ нашихъ армій за-границу. Въ слѣдующей главѣ мы познакоимъ читателей съ содержаніемъ этого отвѣта.

ласти. Такой трусливый и ложный способъ дѣйствія не соотвѣтствуетъ благородному и великодушному характеру императора Александра. Александръ явился уже спасителемъ своей имперіи, онъ долженъ явиться теперь спасителемъ и миротворцемъ всей Европы. Онъ начертитъ планы для своихъ генераловъ ¹⁾, онъ повелитъ имъ вести свои арміи въ сердце Германіи, онъ предложитъ союзъ Австріи и Пруссіи, и они съ восторгомъ и благодарностью примутъ его; онъ потребуетъ, чтобы Англія собрала съ своей стороны армію между Эльбою, Исселемъ и Рейномъ; сообщая съ этою державою онъ установитъ такой политическій порядокъ въ Германіи, который возвратитъ независимость германской націи и дастъ ей возможность противостоятъ Франціи и предохранять Европу отъ новыхъ нападений этой безпокойной и буйной націи. Остается лишь пожелать, чтобы императоръ окружилъ себя самыми глубокими познаніями и самыми сильными характерами своей великой имперіи, чтобы онъ поручилъ исполненіе своихъ благородныхъ политическихъ плановъ уму, вооруженному обширными и основательными знаніями, характеру возвышенному и сильному. Пусть прекратится отнынѣ вліяніе коварнаго и фантастическаго ума, придворнаго, наполненнаго пошлыми, низкими воззрѣніями ²⁾ на государя, предназначеннаго самимъ Провидѣніемъ для блестящаго и счастливаго призванія благодѣтеля рода человѣческаго.

¹⁾ Интересно, что изъ всѣхъ русскихъ генераловъ Штейнъ отдастъ преимущество тому, на котораго особенно настойчиво, хотя быть можетъ, и не вполне основательно указывало русское общественное мнѣніе. „Выборъ генераловъ“, говоритъ онъ, „сопряженъ съ большою трудностью, такъ какъ съ военными талантами они должны соединять качества, могущія привлечь къ нимъ чужіе народы. Счастье, что военныя событія сами опредѣляютъ этотъ выборъ, что блестящіе, постоянные и важныя успѣхи указываютъ на генерала Витгенштейна, соединяющаго воинскій талантъ съ смѣлымъ предпримчивымъ характеромъ, обеспечивающимъ побѣду, за доброту и благородство души котораго ручается любовь его войска и всѣхъ окружающихъ его. Желательно посему, чтобы онъ былъ призванъ къ начальствованію той арміею, которая будетъ призвана къ главному участію въ военныхъ событіяхъ“.

Событія 1813 г. показали, однако-же, что Штейнъ ошибался на этотъ разъ въ своемъ мнѣніи, и что въ рядахъ русской арміи были болѣе искусные вожди, нежели Витгенштейнъ.

²⁾ Дѣло идетъ о канцлерѣ Румянцевѣ.

„Для Вашего Императорскаго Величества наступаетъ великій рѣшительный моментъ. Онъ осуществитъ ожиданія, работы, жертвы предшествующихъ десяти лѣтъ. Онъ принесетъ плодъ великаго времени, неслыханныхъ и непредвидѣнныхъ комбинацій. Вы станете, Государь, во главѣ европейскихъ державъ. Вы возьмете на себя великое призваніе благодѣтеля и возстановителя. Тѣ, которые будутъ служить орудіями Вашихъ благородныхъ цѣлей, должны соотвѣтствовать своему высокому призванію. Вы должны внушить Вашимъ союзникамъ и Европѣ полное и высокое довѣріе. Необходимо проникнуться сознаниемъ, какъ важно избирать лишь такихъ исполнителей, которые извѣстны своими мнѣніями, которымъ предшествуетъ ихъ слава. Подымая руку на возстановленіе Германіи, Вы удовлетворите требованію государственной мудрости, усматривающей въ семъ возстановленіи твердый оплотъ для безопасности и спокойствія Россіи и исполните въ то же время великодушное влеченіе Вашего сердца. Вы вступаете, Государь, на необозримый путь славы,—путь, соотвѣтствующій исполнѣ и способностямъ, и возвышенному характеру Вашего Императорскаго Величества“¹⁾).

Есть основаніе думать, что записка Штейна имѣла рѣшающее дѣйствіе. Она подана была императору въ то время, когда вопросъ о продолженіи войны не былъ еще рѣшенъ окончательно. Теперь послѣдовало рѣшеніе безповоротное. Александръ рѣшилъ продолжать борьбу и придать ей тотъ именно универсальный характеръ, на который указывалъ Штейнъ. Сторонники мира должны были умолкнуть; ихъ глава, канцлеръ Румянцевъ, долженъ былъ сойти со сцены. Послѣ переправы черезъ Березину, императоръ имѣлъ продолжительное совѣщаніе съ Штейномъ по содержанію его докладной записки. „Кого слѣдуетъ мнѣ избрать министромъ иностранныхъ дѣлъ“, спросилъ государь Штейна. „Ваше Величество знаете лучше меня своихъ государственныхъ людей. Вы выберете министра изъ ихъ среды по своему усмотрѣнію“,

¹⁾ Подлинный текстъ записки, изъ которой мы представили лишь извлеченіе и отдѣльные мѣста, см. у Герца, *Stein's Leben*, т. III, стр. 212—220.

отвѣчалъ Штейнъ и на этотъ разъ вѣрный своему основному правилу: не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи ¹⁾. Императоръ не продолжалъ настаивать на своемъ вопросѣ. Хорошо понимая деликатность Штейна, онъ заговорилъ съ нимъ объ общихъ вопросахъ и высказалъ свое твердое намѣреніе продолжать войну и освободить Германію. Императоръ не замедлилъ дать всему свѣту наглядныя доказательства, что и на этотъ разъ онъ намѣренъ также непреклонно держать свое слово, какъ и въ тотъ торжественный моментъ, когда онъ объявилъ, что не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ непріятельскій солдатъ будетъ находиться въ предѣлахъ Россіи.

Князь Кутузовъ, совершенно не посвященный въ широкіе планы императора и считавшій свою задачу законченною изгнаніемъ непріятеля изъ Россіи, доносилъ государю отъ 25 ноября, что онъ намѣренъ остановить главныя силы нашей арміи въ Вильнѣ и продолжать преслѣдованіе непріятеля только одними передовыми отрядами. Императоръ отвѣчалъ на это донесеніе фельдмаршала такими словами: „Поверхность наша надъ непріятелемъ, разстроеннымъ и утомленнымъ, пріобрѣтенная помощію Всевышняго и искусными распоряженіями вашими, и вообще положеніе дѣлъ нынѣшнихъ, требуютъ всѣхъ усилій къ достиженію главной цѣли, не смотря ни на какія препятствія. Никогда время не было столь дорого для насъ, какъ при теперешнихъ обстоятельствахъ. И потому ни что не позволяетъ останавливаться войскамъ нашимъ, преслѣдующимъ непріятеля, ни на самое короткое время въ Вильнѣ. Я уважаю причины въ донесеніи вашемъ помѣщенныя, нахожу полезнымъ остановить въ Вильнѣ единственно небольшую часть войскъ, болѣе другихъ разстроенную, которая собрала-бы отставшихъ и выздоровѣвшихъ людей, равно и баталіоны генераль-маіора князя Урусова; а прочимъ всѣмъ войскамъ какъ большой арміи, такъ арміи адмирала Чича-

¹⁾ Stein antwortete, der Kaiser kenne seine Geschäftsleute, nicht er, und Alexander wedre nach seiner Weisheit wählen. Пердъ, Stein's Lebe n, т. III, стр. 221.

гова и корпуса графа Витгенштейна слѣдовать непрерывно за непріятелемъ, взявъ такое направленіе, чтобы не только внутри, но и внѣ границъ нашихъ, имѣть въ виду ту-же цѣль—отрѣзывать ему сообщеніе и соединеніе съ новыми подкрѣпленіями его“¹⁾.

Повелѣвая, такимъ образомъ, войскамъ своимъ перепести, не медля ни минуты, войну за предѣлы имперіи, императоръ Александръ принималъ въ то же время всѣ зависящія отъ него мѣры для подкрѣпленія своихъ боевыхъ силъ, для укомплектованія тѣхъ страшныхъ потерь, которыя понесли наши арміи, безостановочно преслѣдуя непріятеля въ такое суровое время года. Глубоко убѣжденный въ справедливости своихъ начинаній, смотря на себя, какъ на поборника Провидѣнія, Александръ, скрѣпя сердце, рѣшился потребовать новыхъ жертвъ отъ своего народа. Уже 30 ноября объявленъ былъ новый рекрутскій наборъ съ 500 душъ по восьми человѣкъ. Манифестъ о наборѣ отличался совершенно особымъ характеромъ: императоръ объяснялъ въ немъ своему народу неизбѣжную необходимость новыхъ усилій, новыхъ жертвъ. „Нынѣ“, говорило въ немъ, „хотя и по неизрѣченной къ намъ милости Божіей, огромныя непріятельскія силы побѣдоноснымъ нашимъ воинствомъ и храбрымъ народомъ сокрушены и малые остатки оныхъ ищутъ спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ изъ Россіи; однако-же, для постановленія на твердомъ основаніи прочнаго мира и желаемаго спокойствія, нужно еще войскамъ нашимъ быть въ такомъ числѣ, которое-бы достаточно было поддержать достоинство и славу имперіи. Рогъ сильнаго сломенъ, но предстоить еще надобность не дать снова возникнуть могуществу врага, и уменьшить власть его, надъ другими слабѣйшими народами, которыхъ принуждаетъ онъ повиноваться и служить ему изъ страха“. И такъ цѣль дальнѣйшихъ вооруженій заключается прежде всего въ намѣреніи сломить окончательно силу врага, освободить изъ-подъ его власти поработенныхъ народовъ и тѣмъ самымъ обез-

¹⁾ Высочайшее повелѣніе князю Кутузову было подписано 2 декабря 1812 г. См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны“, т. III, стр. 331—332.

печить Россію отъ новыхъ враждебныхъ посягательствъ. Россія должна продолжать войну не изъ какихъ-нибудь корыстолюбивыхъ, завоевательныхъ цѣлей. „Прострапная, богатая, миролюбивая, она не ищетъ завоеваній, не алчетъ чужихъ сокровищъ, не дерзаетъ присвоить себѣ Богу единому приличной власти, располагать престолами царей: она желаетъ только спокойствія и тишины каждому и всѣмъ. Но при всей кротости и умѣренности своей не потерпитъ и не можетъ терпѣть, дать волю злобѣ устремляться на разрушеніе собственнаго ея и другихъ земель благоденствія. Всѣ свои силы напряжетъ она для обузданія дерзости и сохраненія Вѣры своей и свободы. По симъ причинамъ, сколь ни тяжело сердцу нашему обременять народъ нашъ частыми наборами рекрутъ, отрывая земледѣльцевъ отъ воздѣлыванія полей ихъ, но еще бы тяжело было видѣть любезныхъ нашихъ вѣрноподанныхъ, не огражденныхъ достаточными силами отъ лютой дышущихъ злобою на нихъ враговъ, по дѣламъ которыхъ можно судить, какой жребій приготавливали они Россіи. Но да не сбудется пагубное ихъ желаніе! Надежда наша—Богъ и храброе наше воинство. И такъ, да пребудетъ оно въ томъ важномъ числѣ, какое необходимо нужно для достиженія тишины и удержанія тѣхъ преимуществъ, до которыхъ дошли мы толикими трудами, пожертвованіями и проліяніемъ крови“¹⁾.

Чрезвычайныя вооруженія, призывъ къ оружію новыхъ сотенъ тысячъ людей, пополненіе громадной убыли въ лошадахъ, заготовленіе оружія и припасовъ для арміи,—все это требовало громадныхъ денежныхъ затратъ, а между тѣмъ положеніе русскихъ финансовъ было далеко не блестящее. Страшная дороговизна, на которую жаловались такъ горько современники, происходила, главнымъ образомъ, отъ паденія дѣй-

¹⁾ „Разсмотрѣвъ зрѣло“, говорится въ концѣ манифеста, „и уваживъ для пользы народной всѣ сіи обстоятельства, повелѣваемъ мы вновь произвестъ рекрутскій наборъ, на основаніи изображенныхъ при семъ нижеслѣдующихъ постановленій. Молимъ Всевышняго, да содѣлаетъ впредь ненужными сіи чрезвычайныя и тягостныя мѣры“. См. текстъ манифеста записки Шишкова, т. I, приложение XXXII.

ствительной стоимости нашихъ бумажныхъ денегъ. Ассигнаціи давно уже вытѣснили изъ обращенія звонкую монету, давно уже сдѣлались единственными денежными знаками въ Россіи. Долгое время ихъ дѣйствительная стоимость почти что соотвѣтствовала номинальной; но съ тѣхъ поръ, какъ правительство, стѣсненное чрезвычайными потребностями почти что непрерывающихся войнъ, начало выпускать ихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ, стоимость ихъ начала падать съ возрастающею быстротою. Въ 1812 г. нахлынули на Россію вмѣстѣ съ французами сотни милліоновъ фальшивыхъ ассигнацій, изготовленныхъ по распоряженію Наполеона и русскимъ бумажнымъ деньгамъ нанесенъ былъ смертельный ударъ. Они упали разомъ на 75 процентовъ. Необходимо было предпринять что-либо рѣшительное въ виду угрожающаго финансоваго кризиса ¹⁾. Императоръ искалъ прежде всего совѣта и помощи у заморскаго финансиста, женева Дювернуа. Заморскій художникъ предложилъ, какъ и слѣдовало ожидать, самыя радикальныя мѣры. Государство должно было, по его мнѣнію, понизить цѣну бумажныхъ денегъ со ста на 30 и вознаграждать обладателей ассигнацій, за потерянные ими 70 процентовъ, выдачею особыхъ процентныхъ кредитныхъ билетовъ ²⁾.

Государь не рѣшился, однако-же, одобрить этотъ проектъ государственнаго банкротства и отдалъ его на предварительное разсмотрѣніе Штейна. Штейнъ тотчасъ-же поставилъ дѣло на надлежащую почву. Онъ объявилъ прежде всего, что онъ очень хорошо понимаетъ основанія, на которыхъ построены проектъ Дювернуа, но что, какъ иностранецъ, онъ не можетъ судить, на сколько можетъ быть подобный планъ примѣненъ къ Россіи. Необходимо, заявилъ онъ далѣе, составить, для обсужденія этого важнаго вопроса, особую комиссію изъ свѣдущихъ русскихъ людей и пригласить къ участию въ ней министра финансовъ Гурьева. Государь принялъ предложеніе Штейна. Комиссія была назначена, въ составъ

¹⁾ Объ общемъ положеніи русскихъ финансовъ см. Богдановичъ, „Исторія Александра I-го“. Т. 5, стр. 136 и слѣд.

²⁾ О проектѣ графа Франсиса Дювернуа, см. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 222 — 223.

ея вошелъ и Штейнъ. Мнѣніе, поданное имъ, сводилось къ слѣдующимъ двумъ главнымъ пунктамъ: 1) цѣнность бумажныхъ денегъ не опредѣляется вполне точно количествомъ ихъ, находящимся въ обращеніи; ихъ уменьшеніе не повлечетъ за собою соотвѣтственнаго пониженія цѣны, какъ доказалъ это прошлогодній опытъ въ Австріи; 2) теперешніе обладатели ассигнацій пріобрѣтали ихъ по курсу, слѣдовательно, выданныя имъ процентныя бумаги вознаграждаютъ ихъ за потери, которыхъ они не понесли въ дѣйствительности, такъ какъ эта потеря образовалась постепенно и пала исключительно на прежнихъ владѣльцевъ ассигнацій. Комиссія вполне согласилась съ этими замѣчаніями Штейна и добавила съ своей стороны слѣдующее соображеніе: такъ какъ масса народа не имѣетъ никакого опредѣленнаго понятія о денежныхъ бумагахъ, то возможно опасаться, что предполагаемая къ выпуску государственныя долговыя обязательства достанутся не ей, а попадутъ въ руки нѣсколькихъ ловкихъ ростовщиковъ. Государь, ознакомившись съ соображеніями комиссіи, рѣшительно отвергъ планъ Дювернуа.

Тогда Штейнъ выступилъ съ собственнымъ проектомъ. Онъ совѣтовалъ прежде всего заключить договоръ о субсидіяхъ съ Англіею; въ особенности же онъ настаивалъ на томъ, чтобы пустить въ оборотъ въ занимаемыхъ нами за-границею земляхъ наши ассигнаціи и притомъ по принудительному курсу. Тогда, доказывалъ онъ, Россія получитъ возможность содержать за-границею свои арміи на бумажныя деньги. Для успѣшности этой операціи необходимо соблюдать лишь одно условіе: не слѣдуетъ возбранять возвращенія этихъ денегъ въ Россію; напротивъ, надо позволить иностраннымъ купцамъ покупать за эти деньги русскіе продукты. Далѣе, Штейнъ совѣтовалъ, чтобы Россія предложила своимъ будущимъ союзникамъ выпустить союзныя бумажныя деньги, которыя гарантировались-бы всею собственностью союзныхъ государствъ. Наконецъ, Штейнъ доказывалъ, что Россія имѣетъ полное право взимать бесплатно всѣ необходимыя для ея армій съѣстные и боевыя припасы въ занимаемыхъ ея войсками иностранныхъ земляхъ.

Предложенія ¹⁾ Штейна были на столько просты и практичны и такъ гармонировали съ интересами Россіи и того святаго дѣла, которое отстаивала она, что государь, не колеблясь ни минуты, далъ на нихъ свое согласіе. Переговоры съ Англіею начаты были немедленно, и если не привели тотчасъ-же къ желанному результату, то единственно благодаря мелочной придирчивости ²⁾ британскаго посла, лорда Каткарта. Бумажныя деньги, осужденныя на истребленіе новомодными швейцарскими финансистами, сослужили намъ впоследствии не малую службу. Выпущенные въ количествѣ 20 милліоновъ ³⁾ рублей, они нашли себѣ легкій сбытъ въ нѣмецкихъ торговыхъ городахъ по установленному нашимъ правительствомъ принудительному курсу. Предложеніе выпустить союзныя бумажныя деньги было также осуществлено впоследствии, хотя и въ нѣсколько измѣненной формѣ. Наконецъ, система реквизицій всякаго рода припасовъ, введенная уже Наполеономъ, дала возможность содержать за-границею наши арміи, не прибѣгая къ новымъ и изнурительнымъ для Россіи затратамъ. Штейнъ, не смотря на свой пламенный германскій патріотизмъ, справедливо полагалъ, что Германія, томившаяся подъ властью Наполеона, должна была доставлять денежные средства для своего освобожденія.

И такъ, уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1812 года, въ то время, когда остатки Наполеоновскихъ полчищъ наполняли еще западную окраину Россіи, императоръ Александръ не только рѣшился начать священную войну за освобожденіе Европы, но и изыскалъ уже и силы и средства для веденія этой войны. Великая идея созрѣла окончательно и готовилась вступить въ жизнь; но все остальное оставалось еще смутнымъ, неяснымъ, неопредѣленнымъ. Какъ, какими путями, по ка-

¹⁾ Объ этихъ предложеніяхъ Штейна см. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 222—223.

²⁾ Die Unterhandlungen darüber scheiterten an der kleinlichen Engberzigkeit des englischen Gesandten Lord Cathcart. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 223.

³⁾ Эту цифру находимъ мы у Перца; у Богдановича показано 70 милліоновъ, изъ коихъ 20 милліоновъ переведены черезъ промѣнные конторы обратно въ Россію. См. Богдановичъ, „Исторія Александра I.“ Т. 5, стр. 141.

кому плану, должно было совершиться освобожденіе Европы—на эти вопросы не могли дать тогда яснаго отвѣта ни императоръ Александръ, ни Штейнъ, ни другіе его совѣтники. Императоръ не отказывался отъ своихъ польскихъ плановъ. Онъ повторялъ въ своемъ интимномъ кружкѣ, что онъ намѣренъ примирить Россію съ поляками и возстановить Польшу, но не высказывался точно ни на счетъ средствъ этого примиренія, ни на счетъ объема и формы будущей Польши. Точно также императоръ объявилъ рѣшительно, что онъ твердо намѣренъ освободить Германію изъ-подъ власти Наполеона и создать изъ нея твердый оплотъ противъ будущихъ покушеній Франціи на свободу Европы. Но онъ колебался еще самъ, какая форма государственнаго устройства Германіи будетъ болѣе соответствовать и ея собственнымъ потребностямъ, и интересамъ Россіи и Европы. Государь отлично понималъ, что было-бы смѣшно и нелѣпо возстановлять уродливый и отжившій свой вѣкъ механизмъ священной Римской имперіи; онъ хорошо сознавалъ, что подобная реставрація породила-бы новую опасность для Европы и упрочила-бы навсегда французское вліяніе на правомъ берегу Рейна. Александръ склонялся болѣе всего къ раздѣленію германскихъ земель между Австрією и Пруссією,—другими словами, къ образованію двухъ сильныхъ германскихъ государствъ въ центральной Европѣ, и нельзя не согласиться, что эта идея имѣла на первый взглядъ многое за себя. Объединенная Германія, все равно подъ властью Австріи или Пруссіи, могла представить впослѣдствіи грозную и опасную силу для самой Россіи. Наоборотъ, усиленные германскими землями Австрія и Пруссія должны были держать въ равновѣсіи другъ друга и могли составлять въ тоже время надежный оплотъ для Россіи противъ Франціи ¹⁾).

Намѣренія императора Александра заслуживали полнаго

¹⁾ Изъ „Жизни Штейна“ Перца мы узнаемъ, что такова именно была основная идея Александра. Идея эта, впрочемъ, не встрѣтила всеобщаго одобренія ни въ Германіи, ни въ Россіи. И въ Россіи были политики, полагавшіе, что слѣдовало-бы возстановить старую имперію. См. „Воспоминанія Вигеля“, часть 5, стр. 8.

одобренія съ точки зрѣнія русскаго государственнаго интереса, но они казались несовмѣстимыми съ завѣтными мечтами пламенныхъ германскихъ патріотовъ. И въ самомъ дѣлѣ, что должно было стать съ германскою идеею въ случаѣ раздѣла нѣмецкихъ земель между Австріею и Пруссіею? Штейнъ не задавалъ себѣ, однакоже, подобнаго вопроса. Какъ чловѣкъ дѣла, а не фантазій, онъ, не обинуясь, сталъ на точку зрѣнія императора Александра. Онъ понималъ, что необходимо добиться прежде всего освобожденія Германіи отъ французскаго ига,—все остальное онъ предоставляетъ времени и промыслу Божиему. Неопредѣленность плановъ Александра не могла поколебать его твердой надежды на скорое избавленіе родной страны отъ позорнаго ига. „Дѣла идутъ нѣсколько быстрѣе“, писалъ онъ 20 ноябрю графу Мюнстеру ¹⁾, „но всѣ виды на союзы еще не опредѣлились, ничто не рѣшено, ничто не опредѣлено. Все это могло-бы привести въ отчаяніе, если-бы я не былъ глубоко убѣжденъ, что Провидѣніе ниспровергнетъ шаткое зданіе Наполеоновской тиранніи, не черезъ людей, стоящихъ во главѣ, а вопреки имъ“. Всѣ свои надежды Штейнъ возлагаетъ на императора Александра. Еще недавно онъ придавалъ самъ большое значеніе англійской высадкѣ въ сѣверной Германіи; теперь (18 ноябрю) онъ думаетъ, что дѣло обойдется и безъ нея. Французское войско, запертое между Днѣпромъ, Березиною и Двиною, не избѣжитъ гибели; быть можетъ, и его преступный вождь попадетъ въ руки русскихъ. Русскія арміи двинутся немедленно къ Одеру и Эльбѣ, кто можетъ противостать имъ? Два милліона храбрыхъ германцевъ, всѣ средства Польши и Пруссіи будутъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ распоряженіи завоевателя. Какъ устроить все это, кто и чьимъ именемъ будетъ распоряжаться? Все это покрыто глубочайшимъ мракомъ. Надо надѣяться, что все сдѣлается къ лучшему, и многого можно ожидать отъ благороднаго характера императора Александра,

¹⁾ Графъ Мюнстеръ былъ ганноверскимъ министромъ при особѣ короля англійскаго, бывшаго въ то же время и владѣтелемъ Ганновера. Графъ отличался пламенною ненавистью къ Наполеону, но, какъ узкій партикуляристъ, представлялъ полную противоположность Штейну.

не смотря на его окружающихъ. Все, что можно сдѣлать доводами и представленіями, обращенными къ нему и ко всѣмъ разумнымъ людямъ, я дѣлаю. Отъ старой маркизы я не жду ничего, рѣшительно ничего, ибо она совершенно неразумна, невѣжественна и неблагородна ¹⁾. Швеція—это мыльный пузырь и дѣйствуетъ подобно ему. Мы не нуждаемся въ ней болѣе. Мы много выиграемъ, если будетъ устранено вмѣшательство этой коварной, ненадежной, проникнутой французскимъ духомъ націи и этого революціоннаго героя“ ²⁾.

Бывшій прусскій министръ, Штейнъ возмущается при одной мысли, что его могутъ считать прусскимъ патриотомъ. „Мнѣ очень жаль, пишетъ онъ графу Мюнстеру, что ваше сіятельство, подозрѣвая во мнѣ пруссака, открываете въ себѣ ганноверца. У меня есть лишь одно отечество,—это Германія. И такъ какъ по старому устройству я принадлежалъ только ему какъ цѣлому, а не какой либо особой части его, то я и преданъ всею душою только ему, а не какой-либо части его. Я ко всѣмъ династіямъ одинаково равнодушенъ; въ эту родину величайшихъ событій онѣ не болѣе, какъ орудія ³⁾. Мое желаніе, чтобы Германія была велика и сильна, чтобы она возвратила свою самобытность, независимость и національность, чтобы она удерживала все это въ своемъ срединномъ положеніи между Франціею и Россіею. Въ этомъ заключается интересъ германской націи и Европы“. „Мое убѣжденіе—это единство, исключющее всякій компромиссъ, всякую переходную форму. Поставьте на мѣсто Пруссіи, что хотите; уничтожьте ее, увеличьте Австрію Силезіею, Марками, всею сѣверною Германіею, низведите Баварію, Виртембергъ, Бадельъ, на ту степень, которую они занимали до 1802

¹⁾ Кого понимаетъ Штейнъ подъ старою маркизою,—сказать трудно. Ясно лишь одно: подъ старою маркизою надо подразумѣвать представителя какой нибудь партіи или державы.

²⁾ Т. е. Бернадота. Союзъ съ Швеціею доставилъ очень мало выгодъ Россіи; а Бернадотъ, въ качествѣ главнокомандующаго одной изъ союзныхъ армій въ 1813 году, скорѣе вредилъ общему дѣлу и тормозилъ его, нежели приносилъ пользу.

³⁾ „Mir sind die Dynastien in diesem Augenblick grosser Entwicklung vollkommen gleichgültig, es sind bloss Werkzeuge.“

года, сдѣлайте Австрію господиномъ въ Германіи, я желаю этого, я одобрю это; но перестаньте мечтать о Монтекахъ и Капулетахъ и объ украшеніяхъ старыхъ рыцарскихъ замковъ ¹⁾. Если кровавая борьба, которую ведетъ Германія вотъ уже 20 лѣтъ, и къ которой вновь призываютъ ее теперь, должна окончиться шутовскимъ фарсомъ, то я, по крайней мѣрѣ, не намѣренъ принимать въ ней участія и предпочитаю возвратиться къ частной жизни“ ²⁾.

Стоя на общегерманской почвѣ, не являясь представителемъ сепаратныхъ интересовъ Австріи, Пруссіи, или Ганновера, Штейнъ тѣмъ самымъ являлся самымъ удобнымъ и незамѣнимымъ помощникомъ русскаго императора въ борьбѣ за освобожденіе Германіи и Европы. Онъ одинъ не опускалъ изъ виду первой и важнѣйшей задачи: продолженія побѣдоносной борьбы съ Наполеономъ. Онъ справедливо доказывалъ императору, что эта борьба предохранитъ Россію отъ новыхъ вторженій завоевателя, вознесетъ ее на высоту величія и славы и дастъ ей возможность удовлетворить своимъ законнымъ интересамъ, основать новый порядокъ вещей въ Европѣ, покоющійся на идеяхъ свободы, справедливости и самобытнаго развитія европейскихъ націй. Увѣренность Штейна въ близкомъ и полномъ торжествѣ праваго дѣла росла по мѣрѣ успѣховъ русскаго оружія. „Наши войска, писалъ онъ женѣ (3 декабря), стремятся отъ триумфа къ триумфу; прекраснѣйшія надежды открываются передъ нами въ будущемъ“ ³⁾.

Между тѣмъ великая катастрофа совершилась. „Завоеватель ускользнулъ“ ⁴⁾, но жалкій остатокъ его арміи исчезнетъ

¹⁾ Въ другомъ мѣстѣ того-же письма: „Не возможно возстановить Германію; возстановляя старыя, распавшіяся, гнилыя формы, это значило бы основать систему военной искусственной границы на развалинахъ старыхъ рыцарскихъ замковъ и городовъ, укрѣпленныхъ башнями и стѣнами; это значило бы отвергнуть идеи Вобана, Когорна и Монталамбера“.

²⁾ Письмо къ графу Мюнстеру отъ 1 декабря (нов. ст.) 1812 г. См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 234—237.

³⁾ Изъ письма Штейна къ женѣ отъ 3 декабря 1812 г. Перцъ. Т. III, стр. 228.

⁴⁾ Изъ письма Штейна къ графу Мюнстеру отъ 3 декабря 1812 г. Перцъ. Т. III, стр. 229.

подъ пятами преслѣдующихъ его русскихъ. Французы будутъ отброшены, по крайней мѣрѣ, за Одеръ, война будетъ перенесена въ сердце Германіи. Дай Богъ, чтобы все сплотилось, чтобы все бросилось на нечистаго звѣря, не дающаго покоя Европѣ“.

Такіе неслыханные результаты должны были положить конецъ послѣднимъ колебаніямъ, послѣдней нерѣшительности. Надо было пожать плоды побѣды. Надлежало неутомимо продолжать преслѣдованіе разбитаго непріятеля, проникнуть въ Германію, увлечь за собою все, раздавить послѣднихъ сторонниковъ тирана и положить конецъ его господству въ Европѣ и Франціи. Теперь не было времени вести долгіе переговоры, придумывать сложныя политическія комбинаціи, идти по старой излюбленной стезѣ кабинетной политики. Все на Западѣ должно было или присоединиться къ побѣдоносному шествію Россіи, или ниспровергнуться передъ нимъ. Но кто могъ стоять во главѣ этого триумфальнаго шествія Россіи? Способенъ-ли былъ руководить имъ престарѣлый вождь, осторожность и медленность котораго спасли Россію, но не могли освободить Европы? Понятно, что нѣтъ! Кутузовъ медлилъ теперь болѣе, нежели когда-либо. Онъ остановилъ массы своей арміи въ Литвѣ, онъ самъ называлъ Вильну, правда въ шутку, своею Капуею. Онъ не скрывалъ своихъ антипатій противъ войны за границею, онъ считалъ свою задачу законченною изгнаніемъ Наполеона изъ Россіи. А кѣмъ инымъ возможно было замѣнить Кутузова? Мыслимо-ли было удалить стараго, боготворимаго солдатами вождя, подобно тому, какъ былъ удаленъ въ свое время Барклай-де Толли? Ясно, что положеніе дѣлъ требовало присутствія самого императора на театрѣ войны. Самъ русскій царь долженъ былъ стать во главѣ своего вооруженнаго народа. Только на окраинѣ имперіи, среди своихъ армій, могъ онъ соразмѣрить достаточность своихъ силъ для подъемлемой имъ великой борьбы. Только его личное присутствіе и участіе могло оживить и ходъ военныхъ дѣйствій, и медленное теченіе переговоровъ; лишь онъ одинъ могъ воодушевить своихъ, увлечь чужихъ, явиться передъ Наполеономъ во главѣ грозной европейской коалиціи.

И другіе мотивы неухержимо влекли императора Александра на театр войны. Самъ своими очами хотѣлъ онъ узрѣть кровавыя слѣды страшнаго суда Божія на ледяныхъ поляхъ. Какъ истинный христіанинъ, горѣлъ онъ нетерпѣніемъ явиться ангеломъ-утѣшителемъ среди сотенъ тысячъ страдальцевъ. Уже въ началѣ декабря государь объявилъ о своемъ намѣреніи немедленно же выѣхать въ Вильну. Одинъ выборъ окружающихъ показывалъ, съ какими цѣлями спѣшить онъ на границу своей имперіи. Кромѣ неизбежнаго Аракчеева, императоръ приказалъ ѣхать съ собою: оберъ-гофмаршалу графу Толстому, генералъ-адъютантамъ: князю Волконскому, барону Винцингероде, государственному секретарю Шишкову и Штейну ¹⁾. Румянцевъ, главный сторонникъ мира, остался въ Петербургѣ; вмѣсто него поѣхалъ Нессельроде, не имѣвшій самостоятельныхъ политическихъ взглядовъ, привыкшій исполнять лишь приказанія государя.

Штейнъ ликовалъ. „Потокъ событій стремится неухержимо впередъ“, писалъ онъ графу Мюнстеру. „Сотни тысячъ истреблены, Наполеонъ ниспровергнутъ въ прахъ, армія его бѣжитъ передъ нѣсколькими казаками. Германія открыта передъ Россією“ ²⁾. „Императоръ отправился въ армію, черезъ нѣсколько недѣль онъ будетъ въ Кенигсбергѣ, я встрѣчусь съ нимъ тамъ“ ³⁾.

В. Надлеръ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Мы уже знаемъ, что изъ всѣхъ названныхъ лицъ одинъ только Штейнъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на Александра.

²⁾ Изъ письма Штейна къ графу Мюнстеру отъ 24 декабря 1812 года. Перцъ. Т. III, стр. 230.

³⁾ Изъ письма Штейна къ Гнейзенау отъ 21 декабря и къ Вальмодену отъ 23 декабря 1812 года. Перцъ. Т. III, стр. 231, 232.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ДОГМАТИКО - ПОЛЕМИЧЕСКОЙ ПРОПОВѢДИ

ВЪ ІV ВѢКѢ НА ВОСТОКѢ.

(Продолженіе *).

Св. Аѳанасій Великій ¹⁾.

Однажды св. Александръ, епископъ Александрійскій, глядя изъ окна своего дома на берегъ моря, замѣтилъ на немъ группу дѣтей, въ играхъ своихъ изображавшихъ церковные обряды, между прочимъ крещеніе, при чемъ одинъ изъ мальчиковъ изображалъ собою епископа. Александръ позвалъ къ себѣ дѣтей

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 6.

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ: *Григорія Назіанзена* похвальное слово Аѳанасію (рус. пер. твор. Григорія, ч. II); *Иеронима* каталогъ, с. 87; *Фотій* biblioth. cod. 23, 139, 140, 243, 246, 258, 259, 347; *Созомена* Ц. И. II, 17; *Сократъ* книги I—IV; *Созомена* Ц. И. кн. I—VI; *Θεοδωριτῆς* I, 20, 26, 33; *Кириллъ* Александр. ер. ad monachos; *Епифанія* haeres. 68, 69, 73, 77; *Руфина* hist. eccles. X (I) 5, 14 и др., XI (II) 3. Сочиненія самого Аѳанасія, особенно апологія противъ Арія. Первая полная біографія Аѳанасія Gottfr. Hernant, Paris 1671—два тома. Tillemont, т. IX и въ monum. Ecclesiae t. VIII (цѣлая половина тома). Cave, т. I, p. 191 sq., Du-Pin, т. II, p. 39 sq. Oudin, p. 325 sq. Ceiller, т. IV. Fabricius bibl. graec. V, p. 297—319. Montfaucon въ praefation. gener. ad edit. Benedict., Paris, 1698. Ceiller, histoire generale t. X. IV (по изд. 1860 г.). Weisenbachii—eloqui. Patrum, III, p. 36 sq. *А. В. Горскаго*: „Жизнь св. Аѳанасія“ въ прибавл. къ Твор. св. Отцовъ 1851 г., т. IX. *Е. И. Ловмина*: „О заслугахъ св. Аѳанасія В. для Церкви въ борьбѣ съ аріанствомъ“. 1850 г. *А. Поповичкаго*: „О пасхальныхъ посланіяхъ св. Аѳанасія“ въ „Странникѣ“ 1862 г. Walch, Entw. volst. Geschich. d. Ketzereien, Spaltungen, et caet. Leipzig, 1762 г. Heffele, Conciliengeschichte, Freiburg und Breisgau, 1855—1869 г. Böhlinger, Athanasius und Arius, oder erste grosse Kampf der Orthodoxie und Heterodoxie.

и изъ разспросовъ убѣдился, что имъ въ точности извѣстно все церковное чиноположеніе. Епископствовавшего въ играхъ звали Аѳанасіемъ. Представлявшихъ пресвитеровъ и діаконовъ св. Александръ передалъ ихъ родителямъ, взявъ клятву съ нихъ, что они воспитаютъ ихъ для Церкви и приготовятъ къ тому, чему они подражали въ играхъ, а Аѳанасія взялъ подъ свое непосредственное попеченіе. Такъ рассказываетъ Созоменъ ¹⁾. Изъ этого разсказа видно, что родители Аѳанасія были христіане, хотя и не извѣстно, къ какому классу общества они принадлежали. Когда Аріане называли его „исшедшимъ изъ самой крайней низости“, „ничѣмъ не отличающимся отъ чернорабочихъ“ ²⁾, то, можетъ быть, это было отчасти справедливо. Подобнымъ образомъ и время его рожденія относятъ лишь предположительно къ 296—298 гг., на томъ основаніи, что у него есть сочиненія, писанныя до появленія аріанства (слово

Austgart 1874. Atzberger: die Logoslehre des Athanasius. München 1880. Moeller: Athanasius der Grosse und Kirche seiner Zeit besonders im Kampfe mit Arianismus, Tübingen, 1827 и 1844 г. (два изданія). Французскій переводъ сочиненія Мёлера (капитальное сочиненіе объ этомъ отцѣ): Athanase le grand et L'église de son temps en lutte de l'arianisme. Bruxelles, 1841 г. два тома. „Правосл. Собесѣдникъ“ 1868 г.: „Св. Аѳанасій Александрійскій“ (переводъ изъ книги Штекля, сод. характеристику философскихъ воззрѣній Аѳанасія). Боже подробныя свѣдѣнія о матеріалахъ и пособіяхъ для изслѣдованія Аѳанасія см. у Павлія § 117 и въ статьѣ С. Терновскаго въ „Прав. Собесѣдн.“ 1885 г. Мартъ.

Издаваться начали сочиненія Аѳанасія съ 1481 г.; въ 1527 г. вышло Базельское изданіе Эразма и было повторено въ 1556 г., въ 1601 г.—Гейдельбергское. Лучшія изданія его сочиненій: 1) Opera S. Athanasii, graece et latine (curante I. Piscatore), Paris 1626—1627. 2) Ed. Montfaucon, Paris, in 3 vol. 1698. 3) Дополненія въ этому изданію въ collectio nova Patrum et scriptorum graecorum, t. II, 1706 года, того-же Монфокона. 4) Ed. emendata et. aucta (per episcopum Patavian. N. Aut. Justinianum) ed. Patav. et. Lips. in 4 vol. 1777. 5) Пасхальныя посланія св. Аѳанасія—The festal. lettres of Athanasius, discovered in an ancient Syria version and edited by W. Curton, London 1846 и 1848. Англійскій ихъ переводъ 1854, нѣмецкій—1852 г.; они же изданы въ nova Patrum bibliotheca Romae Aug. Maji, 1844—1871, въ VI томѣ. 6) Migne, Patrol. curs. completus, t. XXV—XXVIII (ser. graeca).—Въ русскомъ переводѣ творенія Аѳанасія изданы въ 4-хъ томахъ въ 1851—1854 годахъ Московск. академіей въ изданіи ея: „Творенія св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ“; кромѣ того по частямъ въ „Воскресномъ Читаніи“ (за 1824, 1833, 1837, 1838, 1839, 1842, 1845, 1847 годы). Здѣсь есть сочиненія, не вошедшія въ Московское изданіе.

¹⁾ Ц. II. II, 17 (по русс. изд. стр. 118—119).

²⁾ Твор. Аѳанасія, въ русс. перев. Моск. акад. т. II, стр. 36.

противъ язычниковъ и слово о воплощеніи Бога-Слова), а также въ виду упрековъ Аріанъ, что онъ возведенъ былъ въ епископы ранѣе каноническаго возраста.

„Подъ благимъ руководствомъ Александра, продолжается историкъ, Аѳанасій получилъ воспитаніе у грамматиковъ и риторовъ, и еще до епископства являлъ себя предъ собесѣдниками мужемъ мудрымъ и краснорѣчивымъ“. Неизвѣстно, кто именно были учителями Аѳанасія; но въ Александріи не могло быть недостатка въ людяхъ науки и вполне хорошихъ учителяхъ, особенно для лицъ, образованіемъ которыхъ брался руководить самъ епископъ, завѣдывавшій знаменитымъ огласительнымъ училищемъ. Аѳанасій прошелъ общеобразовательный курсъ училища—то, что называлось въ немъ еще со временъ Оригена *ἐκκοχλία* ¹⁾, вѣроятно подъ руководствомъ учителей Александрійскаго училища. Хотя Григорій Богословъ и говоритъ, что Аѳанасій „не много времени употребилъ на изученіе наукъ общепотребительныхъ, лишь для того, чтобы не казаться совершенно не знающимъ того, что почиталъ достойнымъ презрѣнія“ ²⁾, но конечно это замѣчаніе допускаетъ ограниченіе, такъ какъ съ одной стороны Григорій, прослушавшій курсъ внѣшней мудрости въ Аѳинской языческой академіи и всю жизнь не оставлявшій научныхъ занятій, судить здѣсь по объему собственныхъ познаній во внѣшней мудрости, а съ другой—видимо въ этомъ своемъ сужденіи Григорій руководится проповѣднической тенденціей восхвалить въ Аѳанасіи преимущественно мудрость божественную. Какъ-бы то ни было, въ сочиненіяхъ Аѳанасія („слово противъ язычниковъ“) мы видимъ полное знакомство съ языческой мифологіей, какъ она излагается у греческихъ философовъ и поэтовъ, особенно у Платона и Гомера, а также съ римскими писателями. Въ тяжбахъ съ Аріанами Аѳанасій обнаружилъ полное знаніе тогдашнихъ обрядовъ и формъ судопроизводства и законовъ церковныхъ и гражданскихъ, въ каковомъ смыслѣ вполне вѣрно усвояемое ему

¹⁾ О значеніи этого слова см. Оригена in Psal. XXXVI hom. 3 (op. Orig. ed. Lomatz, t. 12, p. 189). Также Григорія Неокесар. похвал слово Оригену въ пер. Пѣвницкаго. Труды Кіевской Акад. 1883.

²⁾ Похв. слово Аѳанасію. рус. пер твор. Григорія, т. II стр. 180.

Сульпиціемъ Северомъ названіе „законовѣда“ (jurisconsultum) 1). Но главное вниманіе при образованіи Аѳанасія естественно сосредоточено было на изученіи Св. Писанія, всѣ книги котораго, по словамъ Григорія, онъ изучилъ такъ, какъ ипой не изучитъ и одной“,— въ чемъ руководителями для него были „свидѣтели (μάρτυρες) Божества Христова“ 2), т. е. исповѣдники временъ Діоклитіанова гоненія, вѣроятно изъ числа наставниковъ Александрійскаго училища, каковъ на примѣръ былъ св. Петрѣ, впоследствии епископъ Александрійскій. Къ этому присоединялось самостоятельное изученіе творевій Оригена, по его значенію въ Церкви въ это время обязательное и неизбежное. Завершеніемъ всего его развитія было нравственно-аскетическое образованіе, полученное имъ чрезъ близкія сношенія съ тогдашними великими египетскими подвижниками (особенно съ Автоніемъ), къ числу которыхъ, по свидѣтельству цѣлаго собора 3), принадлежалъ по своему образу жизни и самъ Аѳанасій. Живя вмѣстѣ съ Александромъ въ качествѣ завѣдывающаго письменными его сношеніями (ὄμιλοῦντος καὶ ὁποῦραφεῖς, по выраженію Созомена), какъ сынъ съ отцемъ, по словамъ Кирилла Александрійскаго, „при остротѣ ума, кротости и безпримѣрномъ благоразуміи, руководя его ко всему полезному и во всякомъ дѣлѣ указывая ему лучший путь“ 4), Аѳанасій въ 319 г. былъ возведенъ въ санъ діакона, а ко времени Никейскаго собора— и архидіакона (τοῦ χώρου δὲ διακόνων ἡγουμένους, по Теодориту 5). При первомъ обнаруженіи ереси Арія Аѳанасій явился энергическимъ помощникомъ своего епископа въ борьбѣ съ нею, и въ виду вышеприведенныхъ словъ Кирилла, можно предполагать, что онъ былъ главнымъ дѣятелемъ противъ ереси уже въ это время, и вѣроятно ему принадлежитъ редакция писемъ и окружныхъ посланій Александрійскаго епископа о ереси, писанныхъ до Никейскаго собора. На самомъ

1) Сульп. Северъ *histor. sacra* lib. II, c. 36. Migne, ser. lat. t. XX. col. 149.

2) Аѳанасій въ словѣ о воплощеніи. рус. изд., т. I, стр. 158.

3) Аѳанасій, защит. слово противъ Аріяна. рус. изд., т. I, стр. 199.

4) *Epist. I ad monachos Aegypti*. См. также самого Аѳанасія апол. противъ Аріяна.

5) Ц. И. I, 26.

соборѣ Аѳанасій былъ однимъ изъ болѣе видныхъ дѣятелей, по свидѣтельству всѣхъ историковъ ¹⁾. Мѣсяцевъ черезъ пять по окончаніи собора скончался св. Александръ, назначивъ своимъ преемникомъ Аѳанасія, который былъ въ это время въ отсутствіи. Аѳанасій уклонялся отъ епископства, но единодушная воля народа побудила его принять оное. Такимъ образомъ будучи не болѣе тридцати лѣтъ, онъ сталъ во главѣ всей Церкви, ибо архіепископъ Александрійскій былъ не только митрополитомъ Египта, Ливіи и Пентаполя, но и вселенскимъ папой, первымъ іерархомъ Церкви, по канонамъ вселенскаго собора. Съ тѣхъ поръ до самой его кончины (326—373 г), въ продолженіе почти полстолѣтія, исторія православной Церкви сливается неразрывно съ именемъ Аѳанасія. Въ продолженіе всего этого времени онъ ведетъ борьбу за православіе, ни на минуту не находя покоя, и однакожь никогда не изнемогая и не чувствуя усталости, среди самой тяжелой вѣдущей обстановки обваруживая истинно героическое мужество, неустрашимость и непреклонность, несокрушимую энергію, стремительность, находчивость и твердость духа, равно чуждый и малодушія, и страстнаго раздраженія, всегда сдержанный, ища не смерти для себя, а побѣды для православія, выступая лишь при возможности торжества, и уклоняясь отъ борьбы, когда она не обѣщала успѣха. Императоръ Константинъ, поддавшись клеветамъ Аріанъ, гнѣвался на него и грозилъ ему, но выслушавъ его объясненія, извинялся предъ нимъ и называлъ его другомъ Божиимъ. Констанцій, безопасный на своемъ престолѣ, боялся ²⁾ Аѳанасія. Юліанъ съ судьбою Аѳанасія соединялъ судьбу всего христіанства, въ гибели его надѣялся видѣть торжество язычества. Пять разъ удаляемый на болѣе или менѣе продолжительное время съ своей кафедры, онъ не переставалъ руководить защитой православія изъ своего изгнанія, и въ то время, какъ долженъ былъ скрываться то въ камышахъ на островахъ Нила, то въ высохшихъ цистерпахъ и полуразвалившихся языческихъ храмахъ и пирамидахъ, то сре-

¹⁾ Руфинъ I, 5; Сократъ I, 17; Созоменъ I, 17; Θεодоритъ I, 26.

²⁾ См. твор. Аѳан. въ русс. переводѣ, т. II, стр. 96—97.

ди Оивандскихъ отшельниковъ, отвѣчая оттуда своимъ врагамъ посланіями своей паствѣ, благоговѣнно и послушно внимавшей каждому его слову. Многочисленные и могущественные враги боялись его еще болѣе, чѣмъ ненавидѣли. Когда возстановляемый въ своихъ правахъ изгнанникъ возвращался на свою кафедру, его прибытіе въ Александрію имѣло видъ триумфальнаго шествія побѣдителя; народъ, клиръ и епископы соединялись въ восторженной процессіи, встрѣчая его, и все населеніе страны ликовало, какъ въ самыя священныя торжественныя моменты своей исторіи; церкви наполнялись молящимися, возсылавшими Богу горячія хвалы благодаренія. Его и его дѣятельность справедливо сравнивали то съ дубомъ, который во время бури остается непреклоннымъ и послѣ каждаго удара грозы снова предстаетъ предъ зрителемъ во всей своей величественной силѣ,—то съ лавиной, которая, падая, издали даетъ знать о себѣ и съ непреодолимой силой сокрушаетъ всѣ препятствія,—то съ вулканомъ, который, затихая на время, неожиданно проявляетъ свою, приводящую въ ужасъ, дѣятельность. Справедливо замѣчаютъ ¹⁾, что его борьба принесла больше пользы христіанству и православію, чѣмъ все могущество самого императора Константина. Его слово, по весьма удачному сравненію св. Кирилла Александрійскаго, было цѣлительнымъ бальзамомъ, оживлявшимъ истинно христіанское сознаніе во всей поднебесной ²⁾. Говоря словами Григорія Богослова, его жизнь и нравы суть правила для епископовъ, его догматы—законы православія. Послѣ Оригена ни одинъ изъ церковныхъ учителей не имѣлъ такого сильнаго и продолжительнаго вліянія на послѣдующихъ христіанскихъ богослововъ, какъ Аѳанасій. Ничего не можетъ быть справедливѣе, какъ усвоенныя ему Церковію названія „непобѣдимаго защитника вѣры“, „Великаго“ и „Отца православія“ ³⁾. Скопчался Аѳанасій 2 мая 373 г.

Легко понять, что среди столь бурной и тяжелой жизни, ка-

¹⁾ Willemain, tableau d'histoire chrétienne au IV siècle, изд. 1854 г., стр. 90. Его выраженіе повторяетъ Lutz.

²⁾ Epist. ad presbyteros et caet. въ актахъ Ефесскаго собора. I, с. 1.

³⁾ Epiphani hæres. LXIX, 2.

кою была жизнь Аѳанасія, его учено-литературная и проповѣдническая производительность не могла быть особенно обильною. Число несомнѣнно подлинныхъ его сочиненій, сохранившихся до настоящаго времени, не превышаетъ пятидесяти отдѣльныхъ названій. Многія изъ его сочиненій не сохранились до нашего времени, какъ напримѣръ его посланія, писанныя изъ изгнанія для публичнаго прочтенія въ церквахъ, и извѣстныя подъ именемъ (*ἑορταστικαὶ ἐπιστολαί*); но съ другой стороны многое, ему приписываемое, несомнѣнно ему не принадлежитъ.

Степень литературнаго достоинства сочиненій Аѳанасія оцѣнивается не одинаково. Фотій, а за нимъ и Боссюэтъ безусловно превозносятъ ихъ похвалами, удивляясь столько-же величію его идей, сколько ясности и чистотѣ его рѣчи, благородству, изяществу, красотѣ и силѣ его языка, его необычайному умѣнью, въ діалектическихъ разсужденіяхъ о предметахъ самыхъ трудныхъ и малоповятныхъ, предлагать мысли самыя частыя и возвышенныя, рѣчью, соотвѣтствующею вполне достоинству предмета, художественно украшенною ¹⁾. Не менѣе восторженно говоритъ о немъ Dupin, который также удивляется той простотѣ и ясности, съ какою онъ безъ особеннаго труда въ возможной степени полноты выясняетъ возвышеннѣйшія и таинственнѣйшія истины ученія христіанскаго и неотразимо опровергаетъ почти всѣ заблужденія, какія въ его время еще нуждались въ опроверженіи ²⁾. *Лютцъ*, находя въ сочиненіяхъ Аѳанасія всевозможныя достоинства—возвышенность, простоту, убѣдительность, находитъ въ нихъ недостатокъ разнообразія въ слогѣ и замѣчаетъ, что однако Аѳанасій создавъ былъ для дѣла, для борьбы, для господства, а не для краснорѣчія, излагающаго нравоученіе изящною, легкою и павною рѣчью ³⁾. Мёлеръ, двухтомное сочиненіе котораго объ Аѳанасіи составляетъ лучшее изслѣдованіе въ литературѣ о великомъ отцѣ Церкви; судить нѣсколько иначе. По его словамъ, рѣдко ме-

¹⁾ Bossuet: Defens. de la tradit. et des ss. Pères, part. 1, t. IV, c. XII. Photius, bibliotheca, cod. CXL, CXLI, CCXXXIX.

²⁾ См. Altzog, Patrologie (франц. переводъ). Paris, 1877, стр. 301.

³⁾ Handbuch der Katholischen Kanzelberedsamkeit. Tübingen, 1851, стр. 165.

тодичный, Аѳанасій, пиша свои сочиненія большею частію въ пылу негодованія и среди опасностей для себя, пиша поэтому спѣшно, побуждаемый настоятельною необходимостію возможно скорѣйшей оцѣнки новыхъ обстоятельствъ въ борьбѣ или оповѣщенія вновь найденныхъ учителемъ доказательствъ, опровергающихъ заблужденія, при этомъ нерѣдко въ своихъ сочиненіяхъ повторяется ¹⁾. По словамъ Паниля ²⁾, въ сочиненіяхъ Аѳанасія видна рѣшительность и сила убѣжденія, точное знаніе догматики и большое діалектическое искусство въ полемикѣ. Но ему недостаетъ философскаго духа и систематическаго порядка. Его экзегезисъ—толкованія на псалмы—мелочень, недостаточень, а иногда и ошибочень. Онъ болѣе догматистъ, чѣмъ экзегетъ, болѣе богатъ духомъ и вдохновенъ, чѣмъ ученъ. Онъ не могъ заняться тщательной обработкой своихъ сочиненій, по причинѣ полного отсутствія условій, сколько-нибудь благопріятныхъ для такого занятія. Всѣ его работы появлялись быстро и немедленно по вызову необходимости и несутъ слѣды спѣшности и быстроты. „Но при всемъ томъ, продолжаетъ Паниль, съ точки зрѣнія краснорѣчія его сочиненія стоятъ очень высоко. Они легки и ясны, живы, бизъискусственны, полны силы и огня, и всегда обнаруживаютъ прирожденный автору даръ ³⁾ краснорѣчія“. Къ этимъ сужденіямъ слѣдуетъ прибавить, что между сочиненіями Аѳанасія нѣкоторыя безусловно превосходятъ во всѣхъ отношеніяхъ: таковы прежде всего его „слово прогивъ язычниковъ“ и „слово о воплощеніи Бога-Слова“. Написанныя въ годы юности, еще до появленія аріанства, когда авторъ пользовался достаточно свободнымъ временемъ, они носятъ на себѣ отпечатокъ не только полного знанія предмета и свѣжести мыслей, но также впол-

¹⁾ Alzog. Patrologie (фр., пер.) стр. 300.

²⁾ Pragmat. Geschichte der Chr. Beredsamkeit § 117, стр. 370.

³⁾ Говоря такимъ образомъ, Паниль повторяетъ Эразма Роттердамскаго (въ ecclesiastes), который высказываетъ очень высокое мнѣніе объ учительствѣ Аѳанасія: Athanasius in d o c e n d o mirus est, nec dubito, quin sui similis fuerit in c o n c i o n a n d o, si extarent illius orationes. Онъ-же въ praefatio versorum a se quorundam Athan. scriptor. ad Joannem Lincolniensem, говоритъ: „Аѳанасій имѣлъ нѣчто настоящее διδαχτικὸν апостола Павла“.

нѣ художественнаго изложенія, построенія и языка, вообще всѣхъ качествъ, свойственныхъ начинающему даровитому писателю. За ними по степени достоинства слѣдуютъ: „четыре слова противъ арианъ“, представляющія не эпизодическое, а систематическое изложеніе и опроверженіе арианства, — ими пользовались, какъ первоисточникомъ, Иларій, Григорій Богословъ и Василій Великій, — они представляютъ лучшее, что писано по этому предмету. Затѣмъ слѣдуютъ: „посланія къ Драконцію“, „апологія о своемъ бѣгствѣ“, а особенно „апологія къ Констанцію“, которую Аѳанасій намѣревался произнести лично предъ императоромъ и потому обработалъ съ особенною тщательностію. Искусственныхъ риторическихъ украшеній въ сочиненіяхъ Аѳанасія меньше, чѣмъ у Григорія и Василя, но у него больше, чѣмъ у нихъ, величія и возвышенности рѣчи. У него нѣтъ того метра и округленности фразъ, какія находимъ у великаго художника слова — Григорія; его рѣчь имѣетъ болѣе естественную прелесть, чѣмъ искусственную. Нѣтъ у него также легкаго, плавнаго краснорѣчія Златоуста; въ своей рѣчи онъ больше кратокъ, сжатъ, сентенціонаренъ, чѣмъ Златоустъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣчь его имѣетъ большую остроту, точность и выразительность. Указываютъ въ сочиненіяхъ Аѳанасія нѣкоторыя отдѣльныя мѣста, которыя по степени художественности и по чисто-ораторскому достоинству сравниваются съ лучшими произведеніями ораторства античнаго. Такъ, слова Аѳанасія въ апологіи къ Констанцію: „предъ твоимъ благочестіемъ заявляю яснымъ и громкимъ голосомъ, простерши руку, какъ научился у апостола, *свидѣтеля Бога призываю на мою душу* (2 Кор. I, 23), и какъ написано въ царственныхъ исторіяхъ, да позволено будетъ и мнѣ сказать: свидѣтель Господь, и свидѣтель Христосъ Его (1 Цар. XII, 5), что о твоемъ благочестіи никогда не упоминалъ я худо“¹⁾, приводятъ Лютцу на память подобное-же классическое мѣсто — родъ государственной присяги — у Демосѳена въ рѣчи про согона. Подобнымъ образомъ то мѣсто этой апологіи²⁾, гдѣ Аѳанасій

¹⁾ См. твор. Аѳан. въ русс. переводѣ, т. II, стр. 7.

²⁾ Тамъ-же, стр. 11—15.

оправдывается отъ обвиненій въ сношеніяхъ съ „діаволомъ“, Магненціемъ, Лютцъ находитъ сходнымъ съ введеніемъ къ пятой рѣчи Цицерона противъ Верреса. Письмо къ Епиктету, хотя писано и не въ юности, юношески увлекательно и сильно. Изъ прочихъ его сочиненій особенно высоко цѣнилась „жизнь св. Антонія“, которую еще Іеронимъ и Августинъ превозносили за увлекательность разсказа, ясность и задушевность мыслей и чувствъ ¹⁾. Превосходныя мѣста находятся также въ посланіяхъ къ епископамъ Египта и Ливіи (призывъ къ мужеству въ борьбѣ съ ересью, изображенія лукавства еретиковъ и мелетіанъ и т. д.).

Что Аѳанасій, обладая вполне даромъ импровизаціи, проповѣдывалъ изустно въ церкви настолько часто, насколько представляли къ тому возможности бурныя обстоятельства его жизни, это не подлежитъ сомнѣнію. Когда Аріане влагаютъ въ уста императора Констанція, въ его посланіи къ Александрійцамъ ²⁾, обвиненіе Аѳанасія въ томъ, что онъ „жаждущихъ истины обольщаетъ какъ во тьмѣ, увлекая ко лжи *никогда не предлагаетъ плодотворнаго слова*, совращаетъ-же какимъ-то обаяніемъ и пустыми вещами“, то это, конечно, было не чѣмъ инымъ, какъ ложью, между прочимъ и потому, что въ томъ-же посланіи онъ обвиняется и въ излишнемъ пустословіи ³⁾. Сообразно съ упомянутою ложью объ Аѳанасіи, внушевною Аріанами, Констанцій въ письмѣ къ нему „поставляетъ ему въ обязанность, какъ прилично епископу, учить народъ тому, что требуетъ Божественная вѣра“... ⁴⁾. Какъ-бы отвѣчая на эти упреки Аріанъ, св. Григорій Богословъ замѣчаетъ: „ему немного нужно было словъ, потому что для наставленія другихъ достаточно было его жизни; ему рѣдко нуженъ былъ жезлъ, потому что достаточно было слова“... ⁵⁾. Въ разное время издано было до тридцати восьми проповѣдей (*sermo—λόγος* и *homilia—ὁμιλία*) подъ именемъ Аѳанасія, не говоря

¹⁾ Тамъ же т. II, стр. 36.

²⁾ Тамъ-же т. II, стр. 36.

³⁾ Тамъ-же т. II, стр. 37.

⁴⁾ Тамъ-же т. II, 98.

⁵⁾ Твор. Григ. Бог. въ рус. перев. т. II, стр. 184.

о сочиненіяхъ, не имѣющихъ заглавія проповѣдей (*liber, libellus*), но имѣющихъ нѣкоторые внѣшніе ихъ признаки. Но всѣ они въ настоящее время признаются или сомнительными, или и несомнѣнно не принадлежащими Аѳанасію, и вообще библиографія его сочиненій доселѣ отнюдь не установлена твердо. Если даже и признать нѣкоторыя изъ этихъ проповѣдей подлинными, то онѣ частію такъ длинны, что далеко превосходятъ обычный объемъ проповѣди, частію-же такъ догматически отвлечены, что если и могли быть понятны слушателямъ его времени, то не вполне отвѣчаютъ установившемуся попятію о проповѣди. Кромѣ нѣсколькихъ общихъ увѣщаній къ благочестію, онѣ не обсуждаютъ ни одного предмета нравственнаго ученія, но вращаются всецѣло въ области догматики и полемики. Кромѣ того въ нихъ меньше логической послѣдовательности и внѣшней стройности, чѣмъ въ прочихъ сочиненіяхъ, что обыкновенно и служитъ главнымъ основаніемъ для отрицанія подлинности однихъ изъ нихъ (18 ти поученій, помѣщенныхъ у Монфокова), такъ какъ не могутъ объяснить, какимъ образомъ учитель, владѣвшій тѣмъ замѣчательнымъ даромъ краснорѣчія, который обнаружился въ „словѣ противъ язычниковъ“, „въ посланіи къ Драковцію“, въ „апологіи къ Констанцію“, могъ допустить подобныя слабости. Подлинность другихъ оспаривается частію на основаніи встрѣчающихся въ нихъ выраженій и вообще языка, якобы не свойственнаго Аѳанасію, частію на томъ основаніи, что въ нихъ идетъ рѣчь отчасти уже о несторіанствѣ и еutihianствѣ,—явленіяхъ позднѣйшихъ ¹⁾. *Migne* однѣ изъ нихъ относитъ къ *dubia*, другія — къ *spuria*. Основанія, по которымъ отрицается или заподозривается ихъ подлинность указаны, у него-же, отчасти въ *praefatio* XXV тома греческой Патрологіи, гдѣ онѣ собраны, частію въ отдѣльныхъ краткихъ предисловіяхъ къ каждой изъ проповѣдей. Съ своей стороны не считая себя въ правѣ давать категорическое рѣшеніе вопроса о подлинности приписываемыхъ Аѳанасію проповѣдей, мы думаемъ, что по крайней мѣрѣ стилистическіе недостатки ихъ сами по себѣ еще не могутъ

¹⁾ Hieron. epist. 127 ad principiam, Augustin., confessiones 8, 13, 19, 28.

служить основаніемъ для отрицанія ихъ принадлежности Аѳанасію. Эти недостатки легко могутъ быть объяснены, какъ и подобныя же недостатки другихъ, несомнѣнно подлинныхъ сочиненій Аѳанасія, не искусствомъ скорописцевъ — *ταχὺγραφοί*, спѣшностью, съ какою онѣ составлялись авторомъ, ихъ импровизационнымъ происхожденіемъ. Впрочемъ, если и признать ихъ подлинными произведеніями Аѳанасія, — по своему достоинству онѣ таковы, что ничего не прибавляютъ къ его славѣ.

Не смотря на все выше сказанное, имя Аѳанасія имѣетъ полное право быть упомянутымъ въ исторіи проповѣди. Право Аѳанасія на почетное мѣсто въ исторіи проповѣди основывается не столько на его проповѣднической дѣятельности, сколько на томъ, что сумма богословскихъ идей, внесенныхъ имъ въ общехристіанское сознаніе Церкви, дала обильный матеріалъ для современной ему и послѣдующей христіанской проповѣди, что на почвѣ этихъ идей развивалось все содержаніе догматической проповѣди IV и ближайшихъ послѣдующихъ вѣковъ. Независимо отъ этого, въ самыхъ сочиненіяхъ Аѳанасія, не относящихся непосредственно къ области проповѣди, господствуетъ чисто проповѣдническая тенденція, а иногда и чисто проповѣдническая концепція предмета. Не только его „слова“ (слово противъ язычниковъ, слово о воплощеніи, четыре слова противъ Аріанъ), но и самыя его посланія и другія сочиненія имѣютъ исходнымъ своимъ пунктомъ не спекулятивное мышленіе, не тотъ оригенистическій религіозно-научный гносисъ, для котораго истина религіознаго ученія есть искомое: все это было именно тѣмъ, что видѣлъ Аѳанасій у Арія въ его еаліяхъ ¹⁾ и противъ чего онъ боролся. Его точкой отправленія былъ церковный авторитетъ, преданіе, та церковная *πίστις*, которая была вѣрою мучениковъ и всей Церкви первенствующей, которая содержалась въ словѣ Божіемъ и въ писаніяхъ первыхъ отцовъ Церкви и въ единомысленномъ исповѣданіи всего народа церковнаго, — которую защищали Иринеи и Тертуліанъ. Въ своихъ превосходныхъ разсужденіяхъ Аѳанасій не создаетъ новой доктрины, а лишь

¹⁾ См. Твор. Аѳанасія въ рус. перев. т. II. стр., 162.

выясняетъ ученіе Церкви, формулируетъ его въ подробностяхъ, чтобы укрѣпить православно-церковное сознаніе въ вѣрующихъ; умною и утонченною діалектикою онъ лишь опровергаетъ возраженія еретиковъ ¹⁾. Увѣщанія у него всегда идутъ объ руку съ доказательствами, порицанія—выѣстъ съ опроверженіями и такимъ образомъ концепція его сочиненій оказывается въ концѣ концовъ гомилетическою, проповѣдническою. Возвышенно-ораторское, энтузіастическое одушевленіе предметомъ неизмѣнно сопутствуетъ ему, о чемъ-бы и въ какой-бы формѣ онъ ни разсуждалъ—въ посланіяхъ, также какъ въ „словахъ“, хотя эти слова суть слова—λόγοι отнюдь не въ гомилетическомъ терминологическомъ смыслѣ, а въ такомъ значеніи, въ какомъ обозначались этимъ названіемъ научно-литературныя произведенія христіанскихъ писателей II вѣка, на примѣръ, Климента Александрійскаго λόγος παραηετικός ²⁾.

Евсевій, епископъ Эмесскій ³⁾.

Нѣсколько съ большимъ правомъ, чѣмъ Аѳанасій, занимаетъ мѣсто въ исторіи проповѣди одинъ изъ его противниковъ, Евсевій, епископъ Эмесскій. Онъ былъ родомъ изъ Эдессы въ Месопотаміи ⁴⁾, происходилъ изъ знатнаго семейства, съ дѣт-

¹⁾ Ученіе Аѳанасія въ сжатомъ видѣ хорошо изложено у Альдога, *Patrologiae* стр. 301—319. Также соч. Voigt, *doctrine d'Athanasie*, Bremen 1861.

²⁾ Лютцъ, ссылаясь на апологію къ Констанцію, гдѣ Аѳанасій рассказываетъ, что церква въ Александріи до такой стѣпени наполнялась молящимися, что не только дѣтей, но и взрослыхъ выносили изъ нихъ задушенными (т. II, 19 по русск. пер.) и на исторію аріанства для монаховъ, гдѣ говорится, что многіе дома по благочестію обратились въ домашнія церкви (по русск. пер. т. II, 99), видятъ въ этомъ доказательство дѣйствительности проповѣди Аѳанасія. Но въ контекстѣ рѣчи въ этихъ мѣстахъ нѣтъ основанія для такого объясненія.

³⁾ О немъ: *Иеронимъ*, каталогъ ХСІ, СХІХ, хроника ad ann. 351 (по русск. изд. сочин. Иеронима т. V, стр. 333, 340, 399). *Епифаній*, *Haeres.* 73, с. 25. *Сократъ* Ц. И. II, 9. *Созоменъ* Ц. И. III, 6. *Ebed Jesu catalog.* in *Assemani biblioth. orientalis* т. III, р. 44. Dupin т. II, р. 73. *Tillemont Memoir.* т. VI, р. 134 sq. Oudin т. I, р. 390. Cave т. I, р. 207. *Ernesti narr. de interpr. proph.* р. 948. *Ceiller, hist. gener. edit.* 1860 г. 318—320. *Филаретъ* Истор. уч. § 96.

⁴⁾ *Сократъ* Ц. И. II, 9.

ства любилъ заниматься Св. Писаніемъ ¹⁾, потомъ изучалъ греческую словесность въ отечественномъ городѣ ²⁾, далѣе въ Кесаріи обучался подъ руководствомъ Евсевія Кесарійскаго, Патрофила, епископа Миѳопольскаго (одного изъ вождей арианства), оттуда перешелъ въ Антиохію, гдѣ пользовался наставленіями епископа Евфрова, преемника Евстафія и Флакилла; изъ Антиохіи переселился въ Александрію, гдѣ изучалъ философію. Послѣ удаленія Аѳанасія изъ Александріи, за свое благочестіе, краснорѣчіе и ученость онъ былъ избранъ Аріанами на его мѣсто, но узнавъ о преданности всего населенія своей епархіи изгнанному епископу, онъ отказался заступить его мѣсто и принялъ епископство Эмесское въ Финикіи. Скончался въ 359—360 г. По словамъ Сократа и Созомена, Аріане обвиняли его въ савелліанизмѣ, православные — въ арианствѣ; Евсевій Кесарійскій называетъ его даже вожакомъ арианства. Но по всей вѣроятности и то и другое обвиненіе было несправедливо и онъ, кажется, подобно Евсевію Кесарійскому, уклонялся отъ борьбы партій, и въ своей проповѣди, которую Іеронимъ хвалитъ за популярность, былъ представителемъ древне-церковной простой *πίστις*, какъ единственно любимой народомъ, и избѣгалъ всѣхъ новѣйшихъ умозрѣній въ области христіанскаго вѣроученія Императоръ Ковстансъ такъ высоко цѣнилъ его, что бралъ его съ собою въ походъ противъ Персовъ (въ 338 г.). Особенно онъ славился, какъ человекъ, преданный научнымъ занятіямъ и замѣчательно образованный классически, за что его превозносятъ похвалами: Сократъ, Созомень и Іеронимъ. Эмесское общество подозрительно смотрѣло на его занятія астрономіей, смѣшивая ее съ астрологіей, что послужило причиной временнаго удаленія его изъ своей епархіи къ Георгію епископу Лаодикійскому. Въ истолкованіи Св. Писанія онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые одинаково чуждались крайностей буквализма и аллегоризма, и предпочиталъ грамматически-логическое толкованіе Библии, и въ этомъ смыслѣ нѣкоторые считаютъ его если не основателемъ, то главою Антиохійской экзегетической школы.

¹⁾ Созомень III, 6.

²⁾ Сократъ II, 9.

Не менѣ своей учености Евсевій славился, какъ проповѣдникъ. Иеронимъ, хотя не былъ его сторонникомъ, какъ и вообще не былъ сторонникомъ антиохійскаго богословія, называетъ его человѣкомъ высокаго ума, прекраснаго риторическаго образованія (*vir elegantis et rhetorici ingenii*), написавшимъ безчисленное множество сочиненій (*innumera bilis libri*), соотвѣтствовавшихъ вкусу народному, особенно усердно читавшихся тѣмъ, кто занимался изученіемъ ораторскаго искусства. Изъ этого „безчисленнаго множества“ сохранилось, впрочемъ, весьма немногое, да и то, что сохранилось, извѣстно лишь библиографически, оставаясь доселѣ неизданнымъ. Подозрѣніе въ полуаріанствѣ, тяготѣвшее надъ нимъ, было, вѣроятно, причиною невниманія къ его сочиненіямъ и ихъ послѣдующей утраты. Во времена Иеронима было извѣстно много его краткихъ гомилій на Евангеліе, но и онѣ не дошли до насъ. Многое приписывалось ему въ разное время изъ открываемыхъ древнихъ гомилетическихъ памятниковъ, но затѣмъ критика отрицала принадлежность ихъ Евсевию. Такъ изъ изданныхъ подъ его именемъ въ Кельнѣ въ 1531 г. десяти поученій по манускриптамъ оказываются принадлежащими или Фавсту de Riez (1-е, 2-е, 3-е и 8-е), или Цезарію Арльскому (поученія 4-е, 5-е, 7-е, 9-е и 10-е); сто сорокъ пять гомилій, изданныхъ съ его именемъ въ Парижѣ въ 1554 г., оказались принадлежащими Брунону архіепископу-кардиналу, жившему около 1600 г. и т. д. и т. д. *Августи* ¹⁾ нашелъ въ 1820 г. три проповѣди съ именемъ Евсевія и приписалъ ихъ епископу Эмесскому; но *Тило* ²⁾ доказалъ, что они принадлежатъ Евсевию, епископу Александрійскому, считая Евсевія Эмесскаго авторомъ: 1) фрагментовъ у Липоманія въ катенахъ на книгу Бытія р. 45, sq., и р. 1853; 2) фрагментовъ изъ толкованія на Дѣянія и на 2 посл. ап. Петра—(тамъ же); 3) фрагментовъ ненапечатанныхъ катенъ на кн. Числь, Второзаконія, Іисуса Навина, Судей, Руфъ, Исаи, Дѣяній апостольскихъ, посланій ап. Павла и со-

¹⁾ Eusebii Emesini opuscula, ed. Augusti, 1829 г.

²⁾ См. Ueber die Schriften des Eusebius von Alexandr. und Eusebius von Emisa. Halle, 1832 г.

борныя посланія; 4) *Oratio* или *tractatus* о покаяніи (*de poenitentia*; 5) „похвалы апостоламъ, мученикамъ и прочимъ святымъ“; 6) гомилію на притчу о сѣятелѣ; 7) гомилію на Рождество Христово и 8) отрывки изъ гомилій, находящихся въ армянскихъ кодексахъ. Но принадлежность и этихъ сочиненій Евсевию Эмесскому не доказана. Затѣмъ Тило, а въ слѣдъ за нимъ Паниль усиливаются доказать принадлежность ему двухъ первыхъ гомилій (*de fide, libri duo*) изъ тѣхъ изданныхъ Сирмондомъ подъ именемъ Евсевія Кесарійскаго XIV *opuscula* (которыя мы разсмотрѣли, когда говорили о проповѣдяхъ отца церковной исторіи), указывая на то, что прекрасный легкій слогъ и живой языкъ этихъ двухъ проповѣдей ближе подходитъ къ слогу Эмесскаго, чѣмъ Кесарійскаго Евсевія, что онѣ чужды спекулятивныхъ формъ догматствованія, къ которымъ былъ склоненъ Евсевій Кесарійскій, по которымъ былъ чуждъ Эмесскій, что въ этихъ словахъ прекрасно отражается миролюбивое настроеніе—*irginische Tendenz*, которымъ характеризуется личность Эмесскаго. Тило думаетъ, что эти рѣчи произнесены Евсевіемъ Эмесскимъ именно на Антиохійскомъ соборѣ (341 г.), на которомъ, по сказаніямъ историковъ, онъ „блисталъ своимъ краснорѣчіемъ“. Съ своей стороны мы не можемъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ и считаемъ „двѣ книги о вѣрѣ“ произведеніемъ Евсевія Кесарійскаго, по слѣдующимъ основаніямъ: 1) и онъ бывалъ на соборахъ своего времени и могъ обращаться къ присутствующимъ съ тѣми прекрасными внушеніями мира и согласія, и съ тѣми порицаніями раздѣленія, какія мы находимъ въ концѣ втораго слова;—„ириническая тенденція“ Евсевию Кесарійскому была еще болѣе присуща, чѣмъ его ученику Евсевию Эмесскому; 2) сходство въ содержаніи „двухъ книгъ о вѣрѣ“ съ книгой Евсевія Кесарійскаго противъ Маркелла, на которое указываетъ и самъ Тило, замѣчая, что не было надобности автору сочиненія противъ Марцелла повторяться въ словахъ о вѣрѣ,—доказываетъ, напротивъ, по нашему мнѣнію, скорѣе принадлежность одному автору обоихъ сочиненій, изъ которыхъ въ одномъ говорится о предметѣ подробно и учено, а въ другомъ короче и ораторски; 3) сходство ораторской манеры „книгъ о вѣрѣ“ съ прочими (изданными Сирмондомъ

opuscula изъ XIV), несомнѣнно, какъ можно думать, принадлежащими Евсевию Кесарійскому, совершенно устраняетъ предположеніе, что авторъ „риторически-напыщеннаго“, какъ выражается Тило, слова на освященіе храма въ Тирѣ не могъ писать такъ легко и просто, какъ писалъ авторъ сочиненія о вѣрѣ, которымъ, будто-бы, могъ быть лишь Евсевій Эмесскій, *vir elegantis et rhetorici ingenii*, по замѣчанію Иеронима.

Такимъ образомъ несомнѣнно подлинными гомилетическими произведеніями Евсевія Эмесскаго, дошедшими до насъ, остаются лишь два отрывка, сохраненные Теодоритомъ въ его діалогѣ III ¹⁾, которые по справедливому замѣчанію Паниля, обнаруживаютъ въ авторѣ діалектическую быстроту въ развитіи мысли, остроумный способъ доказательствъ, паглядность и жизненность разсужденія, состоя изъ ряда краткихъ положеній, противоположеній, вопросовъ, истинно проповѣднически представляющихъ предметъ въ ясности и простотѣ.

Angelo Mai ²⁾ въ Ватиканской библіотекѣ нашелъ древній кодексъ (XI в.), содержащій XXXIV гомиліи, озаглавленныхъ: *Incipit liber domui Eusebii, qui translatus est ex hebraeo in latinum*; изъ нихъ однако большинство—XXXII гомиліи—оказались изданными въ *Bibliotheca Patrum* подъ именемъ Евсевія Гальскаго (*Eusebii Gallicani*). Двѣ остальные проповѣди, произнесенныя въ праздникъ Пасхи, Май усвояетъ Евсевию Эмесскому на томъ основаніи, что они называются переведенными съ еврейскаго (точнѣе сирскаго) языка, на которомъ писалъ Евсевій Эмесскій; но они еще не изданы. Минъ приписываетъ Евсевию Эмесскому двѣ проповѣди, которыя Май, въ слѣдъ за другими относитъ къ произведеніямъ Евсевія Александрійскаго,—о сошествіи въ адъ, и о благовѣстіи заключеннымъ въ немъ, Іоанна (Крестителя)—*περί τῆς παρουσίας Ἰωάννου εἰς ἄδην, καὶ περί τῶν ἐκατ' ὄντων*, и о предательствѣ Іуды—*εἰς τὴν προδοσίαν τοῦ Ἰούδα*, которыя обыкновенно соединяются въ древнихъ спискахъ въ одну подъ однимъ заглавіемъ. Хотя еще Левъ Алляцій, основываясь

¹⁾ Migne, p. c. c. s. gr. LXXXIII, col. 312—318. Здѣсь и Минъ замѣчаетъ, что это единственный фрагментъ изъ твореній Евсевія, сохранившійся до насъ.

²⁾ *bibl. nova*, t. II, 528.

на соображеніяхъ Симеона Метафраста, приписывалъ ихъ Евсевию Александрійскому, а Май издалъ ихъ въ новыхъ спискахъ съ именемъ Евсевія Александрійскаго, тѣмъ не менѣе Минь думаетъ, что названіе „Александрійскій“ приписывалось и Евсевию Эмесскому или по ошибкѣ, или потому, что Евсевій Эмесскій былъ и Александрійскимъ въ томъ смыслѣ, что въ Александріи получилъ свое философское образованіе ¹⁾.

Въ этой массѣ противорѣчивыхъ сужденій собирателей и изслѣдователей памятниковъ христіанской древности трудно разобратъ даже въ томъ случаѣ, если-бы тотъ или другой ученый изслѣдованіе о проповѣдяхъ Евсевія Эмесскаго сдѣлалъ предметомъ своего спеціального изученія. Никому доселѣ не приходило въ голову заняться должнымъ разсмотрѣніемъ вопроса о языкѣ, на которомъ проповѣдывалъ Евсевій Эмесскій. Весьма вѣроятно, что такимъ языкомъ былъ еврейскій или, точнѣе, сирскій, такъ какъ, судя по географическому положенію Эмессы, греческій языкъ не могъ быть языкомъ *эмесскаго общества*, да и самъ проповѣдникъ по происхожденію и образованію былъ сиріецъ. Но ни одной проповѣди на еврейскомъ языкѣ подъ именемъ Евсевія неизвѣстно. Кромѣ двухъ изданныхъ Май, Минемъ приписываемыхъ Евсевию, епископу Александрійскому, общій итогъ приписывавшихся въ разное время, по частямъ, Евсевию Эмесскому проповѣдей простирается до двухсотъ, но всѣ они извѣстны или на греческомъ языкѣ, или на латинскомъ; между тѣмъ въ исторіи извѣстно до семидесяти церковныхъ учителей съ именемъ Евсевія, въ томъ числѣ большинство грековъ и латинянъ ²⁾.

¹⁾ Migne, p. c. c. s. lat. t. LXXXVI, col. 505, прим. 20.

²⁾ Migne, p. c. c. s. gr. t. LXXXVI, col. 287, 311, 464 и въ другихъ мѣстахъ того же тома.

Св. Евстафій епископъ Антиохійскій ¹⁾.

Любимый народомъ ²⁾, по желанію котораго вопреки церковнымъ канонамъ былъ перемѣщенъ изъ Беріи Сирійской, гдѣ епископствовалъ, сначала на кафедрѣ Антиохіи, этой Римской столицы Востока, высоко уважаемый всею Церковію, которая устами отцевъ перваго вселенскаго собора утвердила его перемѣщеніе ³⁾ и предоставила ему честь привѣтствовать на соборѣ императора, — превозносимый Афанасіемъ, Златоустомъ, Иеронимомъ, Анастасіемъ Синаитомъ и другими, Евстафій принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ по заслугамъ и трудамъ для Церкви епископовъ IV вѣка (родился въ Памфіліи, въ г. Сидяхъ, скончался въ Филиппахъ около 345 г.).

Всеобщую любовь и уваженіе Евстафій стяжалъ своею горячею преданностію Церкви Христовой, запечатлѣнною исповѣдничествомъ во время послѣдняго языческаго гоненія, въ бытность его епископомъ Беріи, своею неустанною борьбою съ аріанствомъ, противъ котораго первый рѣшительно высказался на Никейскомъ соборѣ и первый писалъ сочиненія, отъ котораго послѣ Афанасія болѣе всѣхъ претерпѣлъ клеветъ и гоненій (будучи сосланъ въ заточеніе, гдѣ и скончался), своимъ высокимъ образованіемъ и ученостію въ наукахъ духовныхъ и мірскихъ (особенно въ философіи), а всего болѣе своимъ искусствомъ проповѣди, которому, по свидѣтельству Созомена ⁴⁾, удив-

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ: Созоменъ, Ц. И. III, 13—14, IV, 24, 27. Златоустъ: похвальное слово Евстафію (см. по русск. изданію первый томъ словъ на разные случаи, стр. 57—72). Сократъ. Ц. И. II, 43. Василия Вел. посл. 223. *Эпифанія Кипр.* ересц, 75, гл. 1. *Теодоритъ*, Ц. И. III, 4. *Иеронимъ*, каталогъ, гл. 85. *Фотій*, cod. 225. Филарета. „Истор. ученіе объ отцахъ“, § 104. (Здѣсь указаніе второстепенныхъ источниковъ).

Сочиненія его изданы у Галланда въ IV т. его *biograph. Patrum* и у *Minia patr. c. compl. ser. gr. t. XVIII*. Часть ихъ и у Фабриція въ *Biblioth. graeca t. IX*. Дополненія къ нимъ изданы Майемъ въ *Collect. veter. Patr. t. VII*.

²⁾ Теодоритъ. Ц. И. I, 7: ψυφω κοινῆ.

³⁾ Theophanus, *Chronogr.* ed. Paris pag. 16 ἡ σύνοδος Εὐστάθιον ἐκώρωσε.

⁴⁾ Созоменъ II, 19, (по русск. изд. стр. 123) пишетъ о Евстафій: ἀνὴρ τότε ἄλλα καλὸς καὶ ἀγαθὸς, καὶ ἐπὶ εὐγλωττία δικαίως θαυμαζόμενος, ὡς ἐκ τῶν φερομένων αὐτοῦ λόγων συνιδεῖν ἔστιν. ἀρχαιότητι φράσεων καὶ

лялись всѣ его современники. Къ сожалѣнію изъ несомнѣнно подлинныхъ сочиненій Евстафія сохранилось въ цѣломъ видѣ только два, изъ другихъ-же сочиненій (къ числу которыхъ относится по словамъ Іеронима ¹⁾ „великое множество писемъ, которыя трудно было-бы перечислить“), дошли до насъ лишь небольшія извлеченія въ сочиненіяхъ Θεодорита, Евлогія и др. Изъ того, что сохранилось отъ Евстафія, видно, что онъ по своему направленію примыкаетъ къ Антиохійской школѣ толкователей Св. Писанія. Такъ, сочиненіе объ Аэвдсрской волшебницѣ написано спеціально „противъ Оригена“; въ немъ онъ неоднократно укоряетъ Оригена за аллегорическое толкованіе ²⁾; напр. о толкованіи Оригеномъ колодцевъ Авраама Евстафій говоритъ: „не изъясняетъ-ли онъ аллегорически колодцы Авраама и прочее, относящееся къ тому, въ длинной рѣчи, давая всему другой смыслъ, тогда какъ доселѣ ихъ можно видѣть въ той странѣ обыкновенными глазами?“ Что касается плодовъ его ораторства, то изъ нихъ сохранилась лишь въ полномъ составѣ его рѣчь императору на соборѣ Никейскомъ, и нѣсколько отрывковъ (въ 8—10 строкъ) слишкомъ краткихъ для того, чтобы по нимъ дѣлать какія-бы то ни было соображенія о немъ, какъ ораторѣ ³⁾. Можно, впрочемъ, замѣтить,

σωφροσύνη νοημάτων, καὶ ὀνομάτων κάλλει, καὶ χάριτι ἀπαγγελίας, εὐδοχιμούντων. Заслуживаетъ вниманія также свидѣтельство о немъ Анастасія Сиваита (*Anag. contempl. in haecum lib. IV*): *ὁ πολὺς ἐν Θεολογίᾳ Ἐυστάδιος ὁ θεῖος καὶ προσομιλητῆς, καὶ μαρτύρ, καὶ χορυφαῖος τῆς ἐν Νικαίᾳ συνόδου διδάσκαλος.*

¹⁾ Каталогъ гл. 85 (по русск. перев. соч. Іеронима т. V, стр. 331).

²⁾ См. Migne, patr. c. c. s. gr. t. XVIII, col. 655—658 гл. XXI соч. о чревоущательницѣ.

³⁾ Предположительно ему-же усвояютъ вѣкоторыя 10-ю изъ бесѣдъ Оригена на кн Бытія. Migne, p. c. c. s. g. t. XVIII, col. 612 in notitia. Изъ несомнѣнно ему принадлежащихъ сочиненій сохранились отрывки: 1) Изъ слова (λόγος, sermo) на слова Притч. VIII, 22: „Господь созда мя начало путей Своихъ“ (у Θεодорита, Ц. II, 1, 8; и въ діалогахъ его-же I и II). 2) Изъ слова на слова Притч. IX, 5: „идите мой хлѣбъ и пійте вино, еже растворихъ вамъ“ (въ актахъ II Никейскаго собора). 3) Изъ толкованій надписанія псалмовъ XV и LVI (у Θεодорита въ діалогахъ I и III). 4) Изъ книгъ о душѣ (у Θεодорита и др.). 5) Изъ VIII книгъ противъ Аріанъ. Всѣ эти отрывки собраны у Миня. P. c. c. s. gr. t. XVIII, col. 675 sq. Левъ Аляцій издалъ въ 1620 году, подъ именемъ Евстафія, объяс-

что, судя по всему, проповѣдь Евстафія отличалась стремленіемъ къ общепонятности, силою логики, ясностію и плавностію языка. Приводимъ небольшой отрывокъ изъ рѣчи его императору: „Мы благодаримъ, великій государь, Бога, Который вѣрталъ тебѣ земное царство (ἐπίγειον βασίλειον), Который чрезъ тебя испровергъ идолослуженіе и далъ спокойствіе духа и свободу вѣрующимъ. Престалъ смрадъ демоновъ, оставлены святыни эллинскаго многобожія, прогнанъ мракъ невѣдѣнія. Вселенная освѣтилась свѣтомъ боговѣдѣнія, прославляется Отець, превозносится Сынъ, проповѣдуется Св. Духъ. Проповѣдуется міру равносущная (ὁμοούσιος Τριάς) Троица, одно Божество въ трехъ лицахъ и влостасяхъ; ею укрѣпляется сила твоего, государь, благочестія, сохрани ее намъ ненарушенною (ἄσολον). Ни одинъ еретикъ да не проникнетъ въ Церковь, да не похититъ едино нѣчто отъ Троицы, оставя прочее не полночестнымъ (κατακομπάνων τὸ λιπομένον ἅτιμον). Арій, который за бѣшенство (μανίας) получилъ свое имя, служитъ причиною настоящаго собранія и этой рѣчи,—онъ, который,—не знаемъ, какимъ образомъ,—безъ нашего вѣдома избранный въ санъ пресвитера Церкви Александрійской (ἐγκαταλεγείς), будучи враждебенъ (ἄλλότριος ὑπάρχων) ученію блаженныхъ пророковъ и апостоловъ. Ибо онъ не страшится лишать Единороднаго Сына и Слово Божіе единосущія (ὁμοουσιότητος) съ существомъ отчимъ и Творца твари причислять къ твореніямъ. Не соблаговолишь-ли, о самодержецъ, убѣдить его оставить свое заблужденіе и не противиться болѣе апостольскимъ ученіямъ; или, если онъ будетъ твердо держаться своего ложнаго мнѣнія и безбожія, отлучить его отъ Христа и нашего общенія, чтобы не губилъ простыя души своимъ нечистымъ и коварнымъ ученіемъ“.

неніе на шестодневъ (εἰς τὴν ἕξαήμερον ὑπόμνημα); но Минемъ вслѣдъ за другими это сочиненіе относится къ spuria.

Св. Мелетій епископъ Антиохійскій ¹⁾.

Уроженецъ Митилены въ Арменіи, нѣкоторое время (около 357 г.) епископъ Севастіи изъ Беріи Сирской, гдѣ жилъ въ уединеніи, Мелетій былъ, по однимъ, аріанами, по другимъ, ими совмѣстно съ прасославными, поставленъ на кафедру Антиохійскую, остававшуюся праздною послѣ св. Евстаѳія. Когда онъ прибылъ въ этотъ городъ, все населеніе, даже евреи и язычники вышли ему на встрѣчу, но такъ какъ объясняя, по предложенію императора Констанція, слова книги притчей: „Господь созда мя“, выразилъ пониманіе вѣры противоаріанское ²⁾, то чрезъ мѣсяць по избраніи былъ сосланъ въ заточеніе. При Юліанѣ онъ былъ возвращенъ, но потомъ снова сосланъ; возвращенный Іовиніаномъ, былъ опять удаленъ Валентомъ. На вселенскомъ соборѣ 381 г. онъ былъ избранъ въ предсѣдатели, но во время самаго собора скончался. Повидимому этотъ кротчайшій изъ людей (ὁ πάντων ἀνθρώπων παύτατος), по выраженію Θεодорита, старался держаться въ дали отъ догматическихъ споровъ и предлагать своей паствѣ чисто еван-

¹⁾ Свѣдѣнія о немъ: *Теодоритъ*, Ц. И. II, 31, III, 4, IV, 13, V, 3, 7, 8, 31, Рус. пер. стр. 190—192, 199, 255—6, 307, 314. *Сократъ* Ц. И. (см. по указателю къ русск. переводу изд. 1850 г.). Созоменъ Ц. И. (см. по указателю въ к. русск. перевода 1851 г.). Иеронимъ въ *Хроникѣ*, XXXV (по русск. изд. сочин. Иеронима т. V, стр. 403). *Григорія Нисск.*, Похвальное слово Мелетію. *Златоуста*, слово въ похвалу св. Мелетію. Отзывъ Василія Вел. въ его письмахъ къ Аѳанасію и Петру Александрійскому (epist. 67 и 266). Рѣчь Мелетія у Елпфанія haeres. 73, § 29, у Gallandi bibl. Patr. t. V.

²⁾ При этомъ произошло обстоятельство, на которое ссылаются раскольники въ своемъ ученіи о перстосложеніи. „Когда (послѣ проповѣди) раздавались восклицанія народа, говоритъ Теодоритъ (II, 22), и его просили, чтобы онъ преподавалъ наставленіе свое кратко, онъ, показавъ три перста, потомъ два согнувъ, а одинъ оставивъ, произнесъ: три представляемъ въ умѣ, но бесѣдуемъ какъ съ Едипымъ.—Τρεῖς ὑποδείξας δάκτυλους, εἶτα τοὺς δύο συναγαγὼν καὶ τὸν ἕνα καταλιπὼν... ἐχείνην ἀφήνευ φωνήν τρία τὰ νοόμενα, ὡν ἓμι δε διαλεγόμεθα. Созоменъ (IV, 28) говоритъ: „сначала поучалъ народъ нравственными мыслями, наконецъ ясно сказалъ, что Сынъ одной сущности съ Отцомъ. Говорятъ, что архидіаконъ, подбѣжавъ, рукою зажалъ ему уста... Но онъ рукою исиѣе, чѣмъ словами, обозначилъ мысль свою: сперва протянувъ три пальца, потомъ опять согнувъ и выпрямивъ одинъ, изображалъ положеніемъ руки то, чего не давали ему говорить“.

гельское ученіе сообразно съ нуждами всего христіанскаго общества по возможности примиряя и соглашая разномыслищихъ. Этимъ объясняется, что императоръ Θεодосій, припавшій отъ него коронованіе, любилъ Мелетія, какъ сынъ отца, по выраженію Θεодорита (V, 7) и встрѣчая его на соборѣ, долго „наслаждался сначала его лицезрѣніемъ, потомъ обпялъ его и цѣловалъ его очи, уста, грудь, голову и короновавшую его правую руку“. Избраніе его въ предсѣдатели 2-го вселенскаго собора и порученіе ему соборомъ Антіохійскимъ сдѣлать письменное изложеніе православнаго ученія для императора, вообще то уваженіе, какое оказывала ему вся Церковь, устами Григорія Нисскаго и Златоуста произнесшая ему панегирики, доказываютъ, что Мелетій считался между современниками и наиболѣе компетентнымъ въ богословіи, и наиболѣе искуснымъ въ словесномъ изложеніи богословскихъ мыслей. Бурныя обстоятельства его времени и тоекратное его заточеніе не дали ему возможности, по всей вѣроятности, сдѣлать изъ своихъ учительныхъ способностей всего того примѣненія для назиданія паствы посредствомъ проповѣди, какое онъ-бы могъ сдѣлать, и единственными памятниками учительской дѣятельности Мелетія служатъ: упомянутая рѣчь его, сказанная по прибытіи въ Антіохію, въ присутствіи Констанція, сохраненная у Еулифанія въ книгѣ противъ ересей (LXXIII, 29),—и исповѣданіе вѣры, составленное имъ по порученію собора для императора Іовиніана, сохранившееся у Θεодорита ¹⁾ и Сократа ²⁾. Въ первомъ, имѣющемъ нѣкоторый видъ правильнаго построенія (приступъ, начинающійся словами: „конецъ цѣли лучше, чѣмъ начало“, и затѣмъ представляющій обильный и вполне цѣлесообразный выборъ текстовъ и всю нужную доказательность), онъ объясняетъ, что искреннее общеніе со Христомъ, Сыномъ Божіимъ есть основаніе всей христіанской жизни; кто позналъ Сына, тотъ пребываетъ и въ Отцѣ. Сынъ Божій есть Богъ отъ Бога (ἐκ Θεοῦ), единый отъ единого, единопородный отъ нерожденнаго, особенное рожденіе родившаго, Сынъ, достой-

¹⁾ Церк. Ист. VI, 4, по русск. изд. стр. 383.

²⁾ Ц. Ист. III, 25, по русск. изд. стр. 313.

ный безначальнаго, исповѣдимый толкователь исповѣдимаго... Мы будемъ въ общеніи съ Сыномъ и съ Отцемъ, если не будемъ стыдиться своего исповѣданія, не только предъ Богомъ и избранными ангелами, но и предъ царемъ. Наконецъ онъ убѣждаетъ не предаваться неумѣстному изслѣдованію того, чего нельзя постичь и словами апостола говорить, что неизвѣстное намъ здѣсь откроется въ жизни будущей. Краткое изложеніе вѣры отъ лица собора Антиохійскаго одобрялъ св. Аѳанасій (въ посл. о соборахъ), хотя въ немъ встрѣчаются полуаріанскія выраженія, что по существу Сынъ подобенъ Отцу (ὁμοιος), т. е. подобосущенъ (ὁμοούσιος).

И. Барсовъ

(Окончаніе будетъ).

ЭНЦИКЛИКА ПАПЫ ЛЬВА XIII *).

1-го ноября 1885 года (по новому стилю) папа Левъ XIII издалъ энциклику „о христіанскомъ устройствѣ государства“. Для характеристики ватиканскихъ воззрѣній нашего времени эта энциклика представляетъ не малый интересъ, а потому мы и рѣшаемся познакомить съ нею своихъ читателей по переводу съ нѣмецкаго текста „Зальцбургскаго церковнаго листка“ (№ 1251, отъ 19-го ноября 1885 г.).

Вотъ эта энциклика:

„Къ досточтимымъ братьямъ, патріархамъ, примасамъ, архіепископамъ и епископамъ всего католическаго земнаго папа, имѣющимъ благоволеніе и общеніе съ апостольскимъ престоломъ.

Левъ XIII.

„Достопочтимые братія!

„Привѣтствіе вамъ и апостольское благословеніе.

„Безсмертное дѣло милосердаго Бога, которое есть Церковь, прежде всего и естественно имѣеть, конечно, въ виду спасе-

*) Помѣщая въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ переводъ этой энциклики, какъ послѣдняго слова католичества объ отношеніи между свѣтскою властію и церковною, мы присовокупляемъ затѣмъ и разборъ высказанныхъ здѣсь папою воззрѣній съ выясненіемъ того, насколько эти воззрѣнія соответствуютъ или противорѣчатъ ученію истинной Христовой Церкви. Къ сожалѣнію, въ одной книжкѣ журнала не могутъ быть помѣщены, какъ переводъ энциклики, такъ и предлагаемый нами разборъ ея. Вотъ почему мы нашли нужнымъ мѣста энциклики, противорѣчащія или, по крайней мѣрѣ, не согласныя съ ученіемъ истинной Христовой Церкви и основывающіяся лишь на однихъ софизмахъ, печатать курсивомъ и просимъ своихъ читателей обратить на нихъ свое особенное вниманіе.

ніе душъ и достиженіе небеснаго блаженства. Но также и въ области временныхъ дѣлъ оно производитъ столь многія и великія блага, что болѣе важныхъ и болѣе многочисленныхъ выгодъ оно не могло бы доставлять даже и тогда, если бы оно было учреждено собственно и преимущественно для споспѣшествованія и покровительства земной жизни.

„Дѣйствительно, во всѣхъ мѣстахъ, куда Церковь ступила своею ногою, она тотчасъ улучшаетъ состояніе и растворяетъ нравы народовъ какъ неизвѣстными дотолѣ добродѣтелями, такъ и новою культурою; и всѣ народы, принявшіе ее, отличаются кротостію, справедливостію и славными дѣлами. Не смотря на это уже издавна были подняты жалобы на Церковь, будто бы она находится въ противорѣчій съ требованіями общественнаго блага и ни въ какомъ случаѣ не можетъ оказывать какого-либо содѣйствія тѣмъ выгодамъ и усовершенствованіямъ, къ которымъ справедливо и естественно стремится каждое благоустроенное государство. Уже въ первыя времена существованія Церкви мы видимъ христіанъ, враждебно встрѣчаемыхъ такими несправедливыми подозрѣніями и вслѣдствіе этого преслѣдуемыхъ ненавистью и угнетеніемъ такъ, что ихъ называли даже врагами государства. Вину всѣхъ бѣдствій, постигавшихъ государство, міръ тогда охотно сваливалъ на христіанское имя, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности Богъ, какъ каратель пороковъ, только справедливо наказывалъ виновныхъ. Эта клевета не безъ причины вооружила геній святаго Августина и заострила его трость (Griffel). Особенно въ книгахъ о градѣ Божіемъ онъ выставилъ силу христіанской мудрости въ ея отношеніи къ общественному благу въ такомъ ясномъ свѣтѣ, что, повидимому, онъ не столько послужилъ дѣлу христіанъ своего времени, сколько напротивъ достигъ продолжительнаго триумфа надъ всѣми ложными обвиненіями.

„Тѣмъ не менѣе жалкая охота къ такого рода нападкамъ и оклеветаніямъ не прекратилась; и дѣйствительно очень многіе думали, что порядокъ общественной жизни долженъ быть почерпнутъ изъ какого-то другаго источника, чѣмъ ученія, одобреннаго Церковію. Въ новѣйшее время начало по мѣстамъ получать значеніе и господствовать такъ называемое „новое пра-

во“, которое будто-бы является пріобрѣтеннымъ, благодаря успѣху свободы, достояніемъ міра, между прочимъ вышедшаго уже изъ дѣтскаго возраста. Но какъ ни много было многими дѣлаемо попытокъ, — не подлежитъ сомнѣнію то, что никогда не было найдено лучшаго способа устройства и управленія государственною жизнью, кромѣ того, который самъ собою вытекаетъ изъ ученія Евангелія. Поэтому намъ кажется въ высшей степени важнымъ и приличнымъ Нашему апостольскому служенію — новыя мнѣнія относительно государственной жизни сравнить съ христіанскимъ ученіемъ, ибо Мы увѣрены, что такимъ образомъ чрезъ свѣтъ истины будутъ устранены причины заблужденія и сомнѣнія, и каждый легко можетъ познать тѣ возвышенныя правила жизни, которымъ онъ долженъ слѣдовать и которымъ онъ долженъ повиноваться.

„Какой видъ и форму приметъ государство, если общественною жизнью будетъ править христіанская мудрость, — можно указать безъ большаго труда. Человѣку назначено природою жить въ гражданскомъ обществѣ. Такъ какъ въ уединеніи онъ не можетъ пріобрѣсти необходимыхъ средствъ къ жизни, точно также какъ и совершенства духа, то Богомъ предуставлено, что онъ рождается для связи и общенія съ другими людьми, т. е. какъ для домашняго, такъ и для гражданского общества, которое только и можетъ доставить совершенную полноту жизни. Но такъ какъ никакое общество не можетъ существовать, если всѣми не будетъ управлять кто-либо, который дѣйствительными и равномѣрными понужденіями всѣхъ направляетъ къ общимъ цѣлямъ, то оказывается, что для гражданского общества необходимъ авторитетъ, которымъ оно управляется, и что онъ не иначе, какъ и само общество, имѣетъ свое происхожденіе отъ природы, а слѣдовательно и отъ Самого Бога.

„Съ этимъ паходится въ связи дальнѣйшій выводъ, что общественная власть сама въ себѣ и по себѣ происходитъ только отъ Бога. Ибо одинъ только Богъ есть истинный и наивысшій Господь всѣхъ вещей, Которому все и каждое должно быть подчинено и обязано повиновеніемъ, такъ что, кто кромѣ Него владѣетъ правомъ повелѣвать, сначала получилъ его не иначе, какъ отъ Бога, наивысшаго всѣхъ владыкъ. „Нѣтъ вла-

сти не отъ Бога“ (Рим. 13,1). Впрочемъ, право владычества само по себѣ не соединяется необходимымъ образомъ съ какимъ нибудь определеннымъ устройствомъ государства, напротивъ государство законно можетъ принимать самыя различныя формы, на сколько оны только дѣйствительно способствуютъ общему благу и пользамъ.

„Всегдашнее-же устройство государства таково: носители власти постоянно должны имѣть въ виду Бога, высшаго правителя міра и въ управленіи государствомъ принимать Его для себя за образецъ и руководство. Именно,—какъ Богъ, въ вещахъ, находящихся внѣ насъ и представляющихся чувственному глазу, сотворилъ второстепенныя причины (Secundäre Ursachen), въ которыхъ нѣкоторымъ образомъ отражается природа и дѣятельность Самого Бога, и которыми этотъ видимый міръ приводится къ предпоставленной ему цѣли, такъ и въ гражданскомъ обществѣ Онъ благоволилъ быть управленію, носители котораго пользовались-бы имъ, какъ отобразомъ божественной власти надъ людьми и божественнаго Провидѣнія. Такимъ образомъ управленіе должно быть справедливымъ, не деспотическимъ, но отеческимъ, потому что владычество Божіе надъ людьми въ высшей степени справедливо и соединено съ отеческою благодатью; оно должно быть направлено къ благу лицъ, принадлежащихъ къ государству, такъ какъ начальствующій потому единственно и есть начальствующій, что онъ заботится о благѣ страны. И ни въ какомъ случаѣ не должно быть того, чтобы государственная власть служила интересамъ одного или нѣсколькихъ, такъ какъ она и установлена только для общественнаго блага. Но когда носители власти управляютъ несправедливо, когда они впадаютъ въ гордость и высокомеріе, когда они причиняютъ вредъ благу народа, тогда они пусть знаютъ, что нѣкогда они должны будутъ дать Богу отчетъ, и при томъ тѣмъ строже, чѣмъ священнѣе была должность, которою они были облечены, и чѣмъ выше ранговая степенъ, которую они занимали. „Державнымъ крѣпко настоятъ испытаніе“ (Прем. 6, 7).

„Такимъ образомъ величіе общественной власти найдетъ благородное и душевное уваженіе у лицъ, принадлежащихъ къ

государству. Ибо какъ скоро они пріобрѣли убѣжденіе, что управляющіе получаютъ свою власть отъ Бога, они признаютъ также справедливою обязанностію повиноваться приказанію правителя и оказывать ему, подобно какъ дитя отцу, уваженіе, т. е. почтеніе и любовь. „Всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется“ (Рим. 13, 1). Неуваженіе къ законному авторитету, въ какомъ-бы лицѣ онъ ни представилъ предъ нами, также мало позволительно, какъ и противодѣйствіе божественной волѣ, которымъ приготовляютъ себѣ добровольную гибель. „Противящійся власти противится Божію установленію, а противящійся (сему) самъ навлекаетъ на себя осужденіе“ (Рим. 5, 2). Поэтому отказъ въ послушаніи и возбужденіе мятежа между массаами есть преступленіе противъ величества не только человѣческаго, но и противъ величества Божія.

„Установленное такимъ образомъ государство должно соответствовать многимъ и великимъ обязанностямъ, соединяющимъ его съ Богомъ, также и общественною религіозностію. Тотъ же самый законъ, которымъ природа и разумъ повелѣваютъ отдѣльному лицу свято и добросовѣстно чтить Бога, поелику мы находимся въ его власти и поелику мы, вышедши отъ Него, къ Нему должны возвратиться, обязательны также и для гражданскаго общества. Ибо люди, соединенные въ общество, какъ таковые, не менѣе находятся во власти Божіей, какъ и отдѣльныя лица; общество не менѣе отдѣльныхъ лицъ обязано также и своею благодарностію къ Богу, по предопредѣленію Котораго оно произошло, по волѣ Котораго оно сохраняется и по благодати Котораго оно получило неизмѣримую полноту блага, которыми оно богато. Поэтому, какъ никто не долженъ пренебрегать своими обязанностями въ отношеніи къ Богу, а наивысшая изъ всѣхъ обязанностей есть та, чтобы въ сердцѣ и въ жизни принимать не какую-угодно, а ту именно религію, какую предписываетъ Богъ, и которая доказала себя истинною очевидными и несомнѣнными признаками: такъ точно и государства безъ преступленія не могутъ существовать такъ, какъ будто вовсе нѣтъ Бога, или заботу о религіи, какъ чуждое для нихъ и бесполезное дѣло, оставлять на произволъ судьбы или изъ многихъ религіозныхъ формъ избирать одну

безъ различія, по личному произволу; напротивъ, относительно почитанія Божества, они должны принимать тотъ же самый способъ и правила, которыя точно установилъ Богъ для Своего почитанія.

„Итакъ, имя Божіе должно быть свято для правителей государства, и они должны смотрѣть, какъ на одну изъ своихъ преимущественнѣйшихъ обязанностей, на то, чтобы оказывать религіи свое расположеніе, съ охотою защищать ее, гарантировать ее своимъ уваженіемъ и издаваніемъ законовъ и ничего не вводить или не рѣшать такого, что могло-бы вредить ея благосостоянію. Этимъ они обязаны и предъ гражданами, которыми они управляютъ. Ибо мы всѣ люди рождены и призваны къ достиженію блага надъ всѣми благами, которое какъ наша послѣдняя конечная цѣль, къ которой мы должны направлять всѣ свои стремленія, сохраняется для насъ на небѣ, будучи свободною отъ измѣнчивости и краткости этой земной жизни. А такъ какъ отъ этого зависитъ всесторонне совершенное блаженство людей, то въ достиженіи упомянутой цѣли для отдѣльныхъ личностей заключается не многое только, но и все. Слѣдовательно государство, какъ установленное природою для общественнаго блага, въ заботѣ объ этомъ общественномъ благѣ, должно имѣть въ виду интересы гражданъ въ такой степени, чтобы въ отношеніи къ тому высшему и неизмѣнному благу, къ которому они добровольно стремятся, оно не только не полагало имъ на пути никакого препятствія, но оказывало все возможное содѣйствіе. А къ этому относится преимущественно то, чтобы государство содѣйствовало сохраненію и поддержанію религіи, исполненіе требованій которой соединяетъ людей съ Богомъ.

„А какая религія есть религія истинная,—это не трудно увидѣть тому, кто рѣшаетъ этотъ вопросъ съ явнымъ и правильнымъ разсужденіемъ. Ибо очень многими и ясными свидѣтельствами, какъ, напр., исполненіемъ пророчествъ, множествомъ чудесъ, быстрымъ повсюду распространеніемъ среди враговъ и необычайно великихъ затрудненій, свидѣтельствомъ мучениковъ и другими подобными доказано ясно, что единственно истинная религія есть та, которую основалъ Самъ Иисусъ Хри-

стось и передалъ Своей Церкви для сохраненія и распространенія.

„Да, единородный Сынъ Божій основалъ на землѣ общество, которое называется Церковію, и передалъ ему постоянное имѣющее существовать до конца временъ продолженіе высокаго божественнаго служенія, которое Онъ получилъ отъ Отца. „Какъ послалъ Меня Отецъ, такъ Я посылаю васъ“ (Іоан. 20, 21). Поэтому какъ Іисусъ Христось пришелъ на землю, чтобы люди „имѣли жизнь, и имѣли съ избыткомъ“ (Іоан. 10, 10), также точно и Церковь своею ковечною цѣлію имѣетъ вѣчную жизнь душъ. На этомъ основаніи по самой природѣ она такова, что должна обнимать всѣхъ людей, не опредѣляясь какими-либо границами времени или мѣста: „проповѣдуйте Евангеліе всей твари“ (Марк. 16, 15). Для такого-то великаго множества людей Самъ Богъ учредилъ правителей, которые должны были совершать свое служеніе со властію свыше. *Между ними одинъ опять-таки по Его волѣ долженъ былъ быть первымъ и величайшимъ и достовѣрнѣйшимъ учителемъ и получилъ ввѣренныя ему ключи царствія небеснаго.* „И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго“ (Матѣ. 16, 19). „Паси овецъ Моихъ... Паси агнцевъ Моихъ“ (Іоан. 21, 16, 17). „Я молился о тебѣ, чтобы не оскудѣла вѣра твоя“ (Лук. 22, 32).

„Хотя это общество также, какъ и государственное общество, состоитъ изъ людей, но ради цѣли, которая ему представлена, и средствъ, при помощи которыхъ оно стремится къ этой цѣли, оно сверхъестественно и духовно, и такимъ образомъ не тождественно и отлично отъ гражданскаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ также—и это очень важно—по своей сущности и правамъ общество совершенное, потому что по волѣ и благодати своего божественнаго Основателя оно въ себѣ и само собою обладаетъ всѣми средствами, необходимыми для своего существованія и своей дѣятельности. Затѣмъ далѣе,—какъ цѣль, къ которой стремится Церковь, есть самая возвышеннѣйшая, такъ точно и ея власть есть превосходнѣйшая изъ всѣхъ властей, поэтому она не можетъ быть поставлена ниже государственной власти или подчиненною ей какимъ-либо образомъ. Дѣйствительно, Христось предоставилъ своимъ

апостоламъ свободное распоряженіе святыми дѣлами, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и право издавать собственные законы, какъ и соединилъ естественно вытекающую отсюда двойную власть суда и наказанія; „дана Намъ всякая власть на небѣ и на землѣ; и такъ идите, научите всѣ народы... и учите ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ вамъ“ (Матѣ. 28, 18—20). И въ другомъ мѣстѣ: „если не слушаете ихъ, скажите Церкви“ (Матѣ. 18, 19). И опять: „мы готовы наказывать всякаго непослушнаго“ (2 Кор. 10, 6). Наконецъ: „я буду поступать строго сообразно власти, которую далъ мнѣ Господь для созиданія, а не для разоренія“ (тамъ же 13, 10). Согласно этому не государство, а Церковь должна служить людямъ путеводительницею къ небу. И ей также поручено отъ Бога судить и рѣшать дѣла, касающіяся религіи, учить всѣ народы, распространять область христіанскаго имени, на сколько то для нея возможно, вкратцѣ управлять дѣлами христіанской религіи свободно и безпрепятственно по своему усмотрѣнію.

„Этотъ самъ въ себѣ совершенный и самостоятельный авторитетъ, противъ котораго уже давнымъ давно открыла борьбу лѣстящая державамъ философія, Церковь никогда не переставала признавать за собою и публично проявлять, послѣ того, какъ уже приписали его себѣ апостолы, которые, получивъ отъ предстоятелей синагогъ запрещеніе возвѣщать Евангеліе твердо отвѣчали: „должно повиноваться болѣе Богу, чѣмъ людямъ“. Этотъ-же самый авторитетъ при нуждѣ сильными доводами защищали св. отцы Церкви, а римскіе папы никогда не переставали съ непоколебимою твердостью защищать его противъ враговъ. Да, самые цари (Fürsten) и правители республикъ словомъ и дѣломъ признали его, поелику они имѣли обыкновеніе договорами, сношеніями, обмѣномъ посольствъ и другими дѣловыми обращеніями вступать въ сношенія съ Церковію, какъ съ законною самодержавною (sovereänen) властію. И конечно не безъ особеннаго рѣшенія божественнаго Промысла случилось то, что эта духовная власть была усилена также и свѣтскимъ владычествомъ, какъ превосходною защитою ея свободы.

„Итакъ, завѣдываніе родомъ человѣческимъ Богъ, слѣдователь-

но, раздѣлилъ между двумя властями, именно духовною и государственною, изъ которыхъ одна предназначена для дѣлъ божескихъ, другая—человѣческихъ. Каждая изъ этихъ двухъ властей въ своей области есть наивысшая; каждая имѣетъ свои опредѣленные границы, въ которыхъ должна она держаться, и которыя опредѣлены природою каждой (власти) и ея цѣлю. И такъ нѣкоторымъ образомъ описанъ кругъ, въ которомъ должна двигаться дѣятельность каждой (власти) въ силу собственнаго права. Но поелику обѣ (власти) управляютъ одними и тѣми-же людьми и легко можетъ случиться, что одно и то же дѣло, хотя и въ различномъ отношеніи, принадлежитъ къ правамъ и сужденію обѣихъ (властей), — божественный Промыслъ, Которымъ установлены обѣ власти, въ законномъ порядкѣ долженъ былъ назначить пути обѣихъ (властей). Что существуетъ, распределено Богомъ. Если-бы этого не было, часто являлся-бы поводъ къ прискорбнымъ распрямъ и борьбѣ, и человѣкъ часто долженъ-бы былъ останавливаться на распутіи безпокойнаго чувства, не зная, что онъ долженъ дѣлать, такъ какъ обѣ власти, требованія которыхъ согласно своимъ обязанностямъ онъ отклонить не можетъ, предлагаютъ ему противоположныя вещи. Но это ни въ какомъ случаѣ не должно быть мыслимо относительно мудрости и благости Бога, Который уже въ чувственныхъ вещахъ, хотя онѣ принадлежатъ къ далеко низшему порядку, все-таки естественныя силы и причины привелъ въ согласіе одну съ другою съ удивительною соразмѣрностію и въ прекрасной гармоніи, такъ что ни одна изъ нихъ не оказываетъ препятствія остальнымъ и всѣ вмѣстѣ надлежащимъ образомъ содѣйствуютъ къ достиженію цѣли, къ которой стремится міръ.

Поэтому, между обѣими властями необходимо должна существовать правильно установленная связь, которая не несправедливо сравнивается съ *того* связью, посредствомъ которой соединяются въ человѣкѣ тѣло и душа. Но какого рода и какъ велика она, — можно судить, какъ мы сказали уже, не иначе, какъ принимая во вниманіе природу обѣихъ властей и имѣя въ виду превосходство и возвышенность относящихся дѣлъ, такъ какъ одной ближайшимъ образомъ и преимуще-

ственно принадлежитъ забота о временныхъ дѣлахъ, другая должна заботиться о приобрѣтеніи благъ небесныхъ и вѣчныхъ. Что такимъ образомъ въ человѣческихъ вещахъ всегда есть святаго въ какомъ-нибудь отношеніи, что всегда принадлежитъ къ спасенію душъ и къ почитанію Бога, — по природѣ-ли своей или только по цѣли, къ которой оно относится, — все это принадлежитъ власти и суду Церкви. Остальныя-же вещи, которыя обнимаетъ гражданская и политическая область, согласно порядку должны быть подчинены гражданскому авторитету, такъ какъ Иисусъ Христосъ повелѣлъ воздавать кесареви кесарево и Божіе Богу. Но бываютъ иногда времена, когда является годнымъ и другой способъ соглашенія для сохраненія мирной свободы, именно тогда, когда главы государствъ и римскій папа вступаютъ въ соглашеніе относительно извѣстныхъ вещей. Въ такія времена Церковь доставляетъ отличныя доказательства своей материнской любви, потому что она обыкновенно оказываетъ всегда столько вниманія и уступчивости, сколько для нея только возможно.

„Таковъ христіанскій порядокъ гражданскаго общества, и при томъ *непроизвольно и безосновательно измышленный, но выведенный изъ наивысшихъ и самыхъ истинныхъ основоположеній*, которыя подтверждаются также и естественнымъ разумомъ.

„Такого рода государственное устройство не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что могло-бы казаться недостойнымъ величія князей или менѣе почетнымъ для нихъ, и *слишкомъ далеко отъ того, чтобы уменьшать права такого величія, напротивъ, оно усиливаетъ ихъ и дѣлаетъ возвышеннѣе*. Да, при точномъ соображеніи усматривается, что такое устройство обладаетъ высокимъ совершенствомъ, котораго лишены остальныя формы правленія, а въ дѣйствительности изъ него должны-бы были получаться различнѣйшіе, величественнѣйшіе плоды, если-бы только отдѣльныя части твердо удерживали свое положеніе и вполнѣ слѣдовали обязанностямъ и служенію, которыя ввѣрены каждому. Дѣйствительно при такомъ порядкѣ государственной жизни правильнымъ образомъ распределяется, что прилично Богу и что прилично человѣку; права граж-

данъ сохраняются и защищаются законами божескими, естественными и человѣческими; обязанности отдѣльныхъ лицъ устанавливаются соотвѣтственно мудрости и ихъ исполненіе гарантируется цѣлесообразнымъ способомъ. Какъ каждый знаетъ, что на опасномъ и трудномъ пути къ вѣчному граду небесному онъ имѣетъ въ Церкви надежнаго путеводаителя для шествованія и помощника для достиженія цѣли, такъ онъ знаетъ также и то, что другіе помогаютъ ему достигнуть или сохранить безопасность, благосостояніе и другія выгоды, доставляемые общественною жизнію. Семейное общество получаетъ необходимую прочность въ святости единого и нерасторжимаго брачнаго союза; заботы и обязанности людей, связанныхъ бракомъ, распредѣляются мудрою правдою и справедливостію; женѣ оставляется принадлежащее ей достоинство, авторитетъ мужа устанавливается по первообразу авторитета Божія; отеческая власть находитъ свойственныя ей границы въ достоинствѣ жены и дитяти; наконецъ наилучшимъ образомъ устанавливается забота о покровительствѣ, благополучіи и воспитаніи дѣтей. Въ политической и гражданской области законы имѣютъ въ виду общественное благо и устанавливаются не по обманчивому произволу и сужденію толпы, но по истинѣ и справедливости. Авторитетъ князей получаетъ положительно болѣе, чѣмъ человѣческое освященіе и *удерживается въ границахъ*, такъ что онъ не уклоняется отъ справедливости и не переступаетъ мѣры въ своихъ приказаніяхъ. Не менѣе нравственнаго достоинства и значенія получаетъ повиновеніе гражданъ, такъ какъ оно является не служеніемъ челвѣка челвѣку, но *подчиненностію волю Божіей*, проявляющей чрезъ челвѣка свое владычество; а кто убѣжденъ и проникнутъ этимъ, тотъ понимаетъ, какъ требованіе справедливости, то, чтобы оказывать почтеніе величію правителя, съ постоянною вѣрностію повиноваться общественной власти, не поднимать мятежа и свято хранить государственный порядокъ. Равнымъ образомъ съ усердіемъ проявляются добродѣтели взаимной любви, единенія и щедрости. *Нѣтъ противорѣчащихъ другъ другу законовъ, которыми гражданскіе и христіанскіе разрывается въ противоположныя стороны.* Наконецъ, для гражданского общества при-

обрѣтаются также и всѣ тѣ богатя блага, которыми *само собою* христіанская религія наполняетъ и смертную жизнь людей, — также здѣсь въ своей полной истинности находитъ для себя мѣсто извѣстное изреченіе: „отъ религіи, которою почитается Богъ, зависитъ благо государства, и между этимъ и тою существуетъ *тѣсное* сродство и дружба“.

„Силу этихъ благъ святой Августинъ чуднымъ образомъ, какъ это онъ обыкновенно дѣлаетъ, изобразилъ во многихъ мѣстахъ, особенно же когда онъ говоритъ къ католической церкви слѣдующими словами: „Ты образовываешь и поучаешь дѣтски отроковъ, сильно—юношей, спокойно стариковъ, какъ приличествуетъ тѣлу и духу каждаго возраста жизни. Ты подчиняешь жену мужу не для удовлетворенія похоти, но для воспитанія потомства и для цѣлей семейной жизни въ цѣломудренномъ и вѣрномъ послушаніи. Ты ставишь мужа выше жены не для того, чтобы онъ игралъ слабостію ея пола, но посредствомъ законовъ правильной любви. Ты подчиняешь сыновей родителямъ видомъ свободнаго послушанія, и въ нѣжномъ господствѣ ставишь родителей выше сыновей. Ты связуешь гражданъ съ гражданами, народы съ народами, и вообще всѣхъ людей напоминаніемъ о первыхъ прародителяхъ, не только обществомъ, но и положительнымъ братствомъ. Царей ты учишь заботиться о народахъ; народы ты увѣщаешь подчиняться царямъ. Ревностно ты учишь, кому подобаешь честь, кому любовь, кому уваженіе, страхъ, утѣшеніе, увѣщаваніе, ободреніе, воздержаніе и наказаніе, поелику ты показываешь, что не всѣмъ принадлежитъ все, но всѣмъ однако любовь и никому несправедливость“. И въ другомъ мѣстѣ онъ порицаетъ неразумныхъ философскихъ политиковъ: „Тѣ, которые утверждаютъ, что ученіе Христа не мирится съ государствомъ, пусть намъ сначала дадутъ такое войско солдатъ, какими солдатамъ повелѣваетъ быть ученіе Христа, далѣе такихъ—гражданъ, мужей, женъ, родителей и дѣтей, такихъ господъ и рабовъ, такихъ царей, судей, наконецъ, такихъ плательщиковъ подати и такихъ собирателей подати, какими хочетъ имѣть ихъ христіанское ученіе,—и потомъ пусть скажутъ, *непримиримо-ли христіанское ученіе съ государствомъ*; но они тогда также согла-

сятся, что оно (христіанское ученіе), когда ему слѣдуетъ, есть великое спасеніе для государства“.

„Было время, когда государства были управляемы по ученію Евангелія, когда христіанская мудрость своею божественною силою проникала законы, установленія, нравы народовъ и всѣ порядки государственной жизни, когда установленная Иисусомъ Христомъ религія, твердо поддерживаемая въ соотвѣтствующемъ ей достоинству положеніи благосклонностью князей и покровительствомъ магистратовъ, процвѣтала повсюду, когда священство и царство счастливо соединены были согласіемъ и взаимнымъ услуженіемъ. Установленная такимъ образомъ, жизнь государствъ приносила повсюду величественные плоды, воспоминаніе о которыхъ еще продолжаетъ жить и будетъ продолжать жить въ безчисленныхъ памятникахъ, которыхъ противники не въ силахъ уничтожать или затемнить никакимъ искусствомъ. Если христіанская Европа обуздавала варварскіе народы и отъ дикости привела къ кротости, отъ суевѣрія къ истинѣ; если она побѣдоносно отразила нападенія магометанъ; если она постоянно стояла во главѣ цивилизаціи и для остальныхъ частей міра служила наставникомъ и путеводителемъ ко всѣмъ благамъ образованности; если она даровала народамъ истинную свободу и при томъ по самымъ разнообразнѣйшимъ направленіямъ; если она основала столь многія учрежденія для утѣшенія бѣдныхъ и несчастныхъ: то безъ сомнѣнія великою благодарностію она обязана религіи, которая ее руководила къ предпріятію столь великихъ дѣлъ, содѣйствовала и помогала къ совершенію ихъ.“

„Конечно, блага эти еще продолжали-бы существовать, если бы продолжало существовать согласіе обѣихъ властей; и съ полнымъ правомъ слѣдовало-бы ожидать еще и большихъ (благъ), если-бы съ большимъ довѣріемъ и постоянствомъ слѣдовали авторитету, ученію и совѣтамъ Церкви. Ибо должно признать закономъ, имѣющимъ значеніе для всѣхъ временъ, то, что, Ivo von Chartres писалъ къ папѣ Насхалію II (Ep. 238): „Когда царство и священство находятся въ согласіи, міръ управляется хорошо. Церковь процвѣтаетъ и приноситъ богатые плоды. Но когда они находятся въ раздѣлѣ, тогда не только приоста-

навливается ростъ малыхъ вещей, но приходятъ въ полное разстройство также и величайшія вещи“.

„Но то пагубное и достойное сожалѣнія стремленіе къ новизнѣ, которое возгорѣлось въ шестнадцатомъ вѣкѣ, потрясши сначала христіанскую религію, въ своемъ естественномъ развитіи проникло скоро въ философію, а изъ философіи и во всѣ порядки гражданскаго общества. Изъ этого источника произошли тѣ новыя осчовоположенія необузданной свободы, которыя были изобрѣтены въ насильственныхъ революціяхъ прошлаго вѣка и возвѣстили себя принципами и основаніями новаго права, которое прежде было извѣстно и уклоняется не только отъ христіанскаго, но и отъ естественнаго права, болѣе, чѣмъ въ одной какой-либо части. Важнѣйшимъ изъ этихъ принциповъ является слѣдующій: всѣ люди, подобны другъ другу какъ сами по себѣ, такъ и по происхожденію и природѣ, равны между собою также и фактически въ практической жизни. Каждый есть самъ себѣ господинъ въ такой степени, что онъ ни въ какомъ случаѣ не подчиняется авторитету другаго; никто не имѣетъ права повелѣвать другими. Гдѣ надъ обществомъ господствуютъ такія ученія,—тамъ нѣтъ другаго господства кромѣ воли народа, который, какъ единственно имѣющій власть надъ собою, единственно только и издаетъ себѣ законы; онъ выбираетъ только отдѣльныхъ лицъ, которымъ ввѣряетъ себя, тѣмъ не менѣе такъ, что онъ вручаетъ имъ правленіе не столько какъ право, сколько какъ порученіе, и притомъ какъ порученіе, выполняемое въ его имя. О божественномъ владычествѣ гробовое молчаніе, какъ будто-бы Бога или вовсе нѣтъ, или онъ никакимъ образомъ не заботится о человѣческомъ обществѣ,—какъ будто-бы далѣе люди, отдѣльные-ли то или соединенные въ общество, ничѣмъ не были обязаны Богу, или какъ будто-бы мыслимо правительство, которое-бы въ Самомъ Богѣ не имѣло своей причины и не обладало-бы всею своею силою и авторитетомъ. Такимъ образомъ государство, очевидно, есть не что иное, какъ сама себя руководящая и управляющая толпа; а такъ какъ народъ самъ въ себѣ долженъ обладать источникомъ всѣхъ правъ и всякой власти, то слѣдуетъ, что государ-

ство не связано никакимъ родомъ обязанностей въ отношеніи къ Богу, что оно публично не исповѣдуетъ никакой религіи, даже воздерживается спрашивать о томъ, какая изъ многихъ единственно истинная, чтобы затѣмъ предпочесть одну другимъ и особенно ей покровительствовать; напротивъ, всѣмъ видамъ должно быть предоставлено равное право, на сколько ими не приносится лишь ущерба государственному порядку. Всякій вопросъ о религіозныхъ вещахъ послѣдовательно предоставляется всецѣло сужденію каждаго отдѣльнаго лица; каждому дается свобода слѣдовать той религіи, какая ему нравится, или даже и никакой, если ему не нравится ни одна. Отсюда естественно вытекаютъ самыя дурныя послѣдствія: полная безпорядочность для каждаго въ отношеніи къ сужденію его совѣсти, самыя свободныя мнѣнія о почитаніи Бога и объ уничтоженіи его, неограниченный произволь мышленія и публикаванія мыслимаго. Если же теперь уже положены такія распрославленные основанія государственной жизни, то легко понять, въ какое неестественное положеніе поставлена Церковь. Ибо гдѣ дѣйствія находятся въ согласіи съ такими ученіями, — равное мѣсто будетъ и для католической церкви въ государствѣ съ враждебными ей обществами или даже еще худшее. Церкви, которая, по повелѣнію и порученію Иисуса Христа, должна научить всѣ народы, запрещается заботиться объ общественномъ наставленіи народа. Въ вещахъ, принадлежащихъ къ смѣшанному праву, государственные правители дѣйствуютъ по собственному произволу и гордо презираютъ относящіеся сюда святѣйшіе законы Церкви. Такимъ образомъ они подчиняютъ своей подсудности браки христіанъ, произнося даже рѣшенія относительно брачнаго союза, относительно единства и состоянія брака. Они дѣлаютъ посягательства на собственность клириковъ, утверждая, что Церковь не должна владѣть своими имуществами. Кратко, — они поступаютъ съ Церковію такъ, что, съ отрицаніемъ ея характера существенно и воплѣ совершеннаго общества, они ставятъ ее на одну ступень съ остальными общинами, которыя включаетъ въ себѣ государство. Сообразно этому всѣмъ, чѣмъ она владѣетъ по праву и полномочію къ дѣйствию, она будто-бы владѣетъ только

по одолженію и благоволенію государственнаго правительства. Если же Церковь при законномъ признаніи утверждаетъ въ государствѣ свое положеніе и осуществляется офиціальное единеніе между обѣими властями,—кричатъ прежде всего, что дѣла Церкви должны быть отдѣлены отъ дѣлъ государства, и этого домогаются съ тою цѣлю, чтобы невозмутимо дѣйствовать противъ соглашенія и по устраненіи препятствій съ неограниченнымъ произволомъ всѣмъ распоряжаться и заправлять. Если же потомъ Церковь не можетъ терпѣливо относиться къ этому,—ибо она не можетъ бросить на произволъ судьбы своихъ священнѣйшихъ и непремѣнныхъ обязанностей,—и прямо требуетъ, чтобы вѣрно и добросовѣстно были выполняемы состоящіеся относительно ея обязательства: тогда часто происходятъ споры между священной (heiligen) и государственною властями, которые обыкновенно кончаются тѣмъ, что первая, какъ менѣе обладающая человѣческими вспомогательными средствами, подчиняется послѣдней, какъ болѣе сильной.

„Такимъ образомъ въ той формѣ государственной жизни, за которую теперь многіе ратуютъ, все направлено къ тому, чтобы или совершенно изгнать Церковь или по крайней мѣрѣ связанною и скованною держать ее во власти государства. Къ этой цѣли направляютъ также дѣйствія и государственной власти; законы, управление, нерелигіозное воспитаніе юношества, разореніе и искорененіе религіозныхъ орденовъ, *ниспроверженіе свѣтской власти римскаго папы*,—все это направлено къ тому, чтобы урѣзать значеніе церковныхъ установленій и ограничить свободу католической церкви и уничтожить ея остальные права.

„Но что такіе взгляды на управление государствомъ слишкомъ далеки отъ истины, это доказываетъ уже естественный разумъ. Сама природа свидѣтельствуетъ, что всякая власть, гдѣ-бы она ни была, *исходитъ отъ Бога*, какъ своего совершеннѣйшаго и возвышеннѣйшаго источника. Идея народнаго самодержавства (Volks-Souverenität), которая безъ отношенія къ Богу должна быть усвояема толпѣ природою, превосходно умѣетъ льстить многимъ страстямъ и воспалять ихъ, вовсе не имѣетъ для себя разумнаго основанія и не можетъ имѣть

также достаточно силы твердо охранять общественную безопасность и мирное постоянство порядка. Въ дѣйствительности вслѣдствіе такихъ ученій дѣло зашло уже такъ далеко, что нѣкоторые думаютъ, будто-бы вполне согласно съ основою государственнаго права и потому можно считать себя уполномоченнымъ—возбудить возстаніе. Гдѣ именно господствуетъ мнѣніе, что князя не болѣе, какъ люди избранные для того, чтобы исполнять волю народа, тамъ необходимо все и должно быть измѣняемо по усмотрѣнію народа, такъ что приходится жить при постоянномъ страхѣ предъ возстаніемъ.

„Если затѣмъ относительно религіи думаютъ, что нѣтъ существеннаго различія между разнообразнѣйшими и противоположными формами ея, то это необходимо имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что собственно говоря совершенно не хотятъ признавать никакой религіи. Это можно отличать отъ атеизма только по имени; въ дѣйствительности никакого различія не существуетъ. Ибо кто убѣжденъ въ существованіи Бога, тотъ, если хочетъ остаться послѣдовательнымъ и не хочетъ впасть въ самое грубое противорѣчіе, долженъ также понять, что существующіе виды богопочитанія, между которыми находятся столь великія различія, а въ самыхъ важнѣйшихъ вещахъ—несходство и противорѣчіе, всѣ не могутъ быть одинаково цѣнны, одинаково хороши и одинаково пріятны Богу.

„Равнымъ образомъ не знающая умѣренности свобода — все, что угодно, думать и публиковать въ печати—сама по себѣ ни въ какомъ случаѣ не есть добро, которому справедливо могло-бы радоваться человѣческое общество, но—источникъ и корень всякаго зла. Свобода, какъ совершенствующая людей добродѣтель, должна имѣть дѣло съ тѣмъ, что истинно, что хорошо; но природа добраго и истиннаго не можетъ быть измѣняема по прихоти людей, а всегда остается одною и тою же, и также неизмѣнна, какъ и сущность вещей. Когда разсудокъ допускаетъ ложныя мнѣнія, а воля принимаетъ въ себя зло и направляется къ нему, тогда ни одна изъ этихъ обѣихъ душевныхъ способностей не достигаетъ своего совершенства; напротивъ обѣ теряютъ свое естественное достоинство и гибнутъ. Поэтому несправедливо распространять и поставлять предъ

глазами людей то, что всегда противно добродѣтели и истинѣ, а еще гораздо менѣе справедливо благопріятствовать ему и ставить его подъ защиту законовъ. Только хорошо проводимая жизнь есть путь къ небу, къ которому мы всѣ стремимся; поэтому государство погрѣшаетъ и противъ порядка и противъ требованія природы, когда необузданность мнѣній и дурныя дѣйствія оно допускаетъ въ такой мѣрѣ, что безнаказанно можно отвлекать умы отъ истины, сердца—отъ добродѣтели.

„Великою и пагубною ошибкою является далѣе то, когда Церковь, основанную Самимъ Богомъ, устраняютъ отъ законовъ, отъ воспитанія юношества, отъ семейства. Безъ религіи государство не можетъ быть хорошо устроено также и въ нравственномъ отношеніи; и уже теперь, болѣе чѣмъ нужно, стало очевиднымъ, какого сорта такъ называемая „гражданская мораль и житейская мудрость“ и куда она ведетъ. Истинная учительница добродѣтели и хранительница нравовъ есть Церковь Христова. Она ненарушимо вѣрно содержитъ тѣ основоположенія, изъ которыхъ выводятся обязанности, а такъ какъ она представляетъ самые дѣйствительные мотивы нравственной жизни, то она повелѣваетъ не только избѣгать злыхъ дѣлъ, но подавляетъ противоразумныя движенія души прежде, чѣмъ они проявляются внѣ. Наконецъ великая несправедливость, большая дерзость—желаніе подчинить Церковь государственной власти въ управленіи ея должностными лицами. Такимъ поведеніемъ извращается порядокъ, такъ какъ естественное становится выше сверхъ-естественнаго. Уничтожается или по крайней мѣрѣ слишкомъ сокращается чрезъ это полнота благъ, которыми Церковь, когда она въ томъ не встрѣчаетъ препятствія, наполняла-бы жизнь государствъ. Наконецъ, такимъ образомъ прокладывается путь къ раздорамъ и борьбѣ, дурныя послѣдствія которыхъ для обоихъ обществъ слишкомъ часто были обнаруживаемы въ исторіи.

„Такого рода ученій, не одобряемыхъ уже разумомъ и имѣющихъ столь великое вліяніе на государственную жизнь, римскіе папы, ваши предшественники, въ ясномъ сознаніи требованій своего апостольскаго служенія, не оставляли ненаказанными. Такъ Григорій XVI въ окружномъ посланіи Mirari

vos отъ 15 августа 1832 года съ великою энергіею осуждаетъ слѣдующія ученія: въ отношеніи къ богочитанію совершенно нѣтъ нужды дѣлать выбора; каждый свободенъ судить о религіи по своему усмотрѣнію; совѣсть каждаго есть его единственный судія; наконецъ позволительно каждому все, что онъ думаетъ, публиковать и затѣвать возмущеніе въ государствѣ. Относительно раздѣленія между Церковію и государствомъ тотъ-же папа говоритъ: „Лучшихъ плодовъ для религіи и свѣтскаго правительства мы не можемъ ожидать отъ стремленія тѣхъ, которые хотятъ видѣть Церковь отдѣленною отъ государства и уничтожить взаимное соглашеніе царства съ священствомъ“. Дѣйствительно не подлежитъ сомнѣнію, что то соглашеніе, которое постоянно было-бы благодѣтельнымъ и спасительнымъ для священныхъ, какъ и для государственныхъ интересовъ, въ высшей степени страшно для любителей самой безстыдѣйшей свободы. Подобнымъ образомъ и Пій IX, когда представился случай, осудилъ нѣкоторыя изъ ложныхъ мнѣній, получившихъ наибольшее значеніе и приказалъ потомъ соединить ихъ въ сборникъ, дабы католики имѣли указаніе, которому-бы они могли слѣдовать среди такого наплыва погрѣшностей *).

„Изъ этихъ опредѣленій папъ ясно вытекаютъ слѣдующія ученія. Начало общественной власти должно быть выводимо отъ Самого Бога, а не отъ толпы; произволь революціи противъ рѣчь разуму. Государствамъ не менѣе, какъ и отдѣльнымъ лицамъ, непозволительно или совершенно пренебрегать религі-

*) Достаточно привести здѣсь немногія изъ этихъ положеній. Положеніе 19: Церковь не есть истинное и совершенное, вполнѣ свободное общество и не владѣетъ своими собственными и постоянными, данными ей ея Божественнымъ Основателемъ правами, но дѣло государственной власти опредѣляетъ права Церкви и границы, среди которыхъ она можетъ пользоваться этими правами (*Allocution Singulari quadam* отъ 9 декабря 1854. *All. Multis gravibusque* отъ 17 декабря 1860. *All. Maxima quidem* отъ 9 іюня 1862). Положеніе 39: государство, какъ начало и источникъ всѣхъ правъ, владѣетъ вполнѣ безграничнымъ правомъ. (*All. Maxima quidem* отъ 9 іюня 1862). Положеніе 55: Церковь слѣдуетъ отдѣлять отъ государства, государство—отъ Церкви (*All. Acerbissimum* отъ 27 сентября 1852). Положеніе 79: Ложно, что государственная свобода всѣхъ культовъ и гарантируемая всѣмъ полная свобода—дѣлать публично извѣстнымъ всякое какое угодно мнѣніе и возрѣніе—служить легчайшею порчею правовъ и душъ и распространеніемъ заразы ядифферентизма (*All. Nunquam fore* отъ 15 декабря 1856).

озными обязанностями, или быть равнодушными къ различнымъ формамъ религіи; неограниченное право мыслить и мыслимое бросать въ публику не принадлежитъ къ правамъ гражданъ и ни въ какомъ случаѣ не должно быть причисляемо къ вещамъ достойнымъ благоволенія и покровительства. Равнымъ образомъ твердо установленными оказываются и нижеслѣдующія положенія. Церковь не менѣе, какъ и государство, по существу и правамъ есть совершенное общество и главы государствъ не должны позволять себѣ принуждать Церковь служить имъ, или подчинять себѣ, или ограничивать ея свободу въ управленіи своими дѣлами, или какъ-нибудь сокращать другія права, предоставленныя ей Иисусомъ Христомъ; а въ дѣлахъ смѣшаннаго права *природы и цѣлямъ Бога ни въ какомъ случаѣ не соответствуетъ отдѣленіе одной власти отъ другой*, не говоря уже о борьбѣ, но прилично соглашеніе соответственное ближайшимъ цѣлямъ, съ которыми основаны оба общества.

„Вотъ тѣ правила, которыя предписываются католическою церковію относительно устройства и управленія государствами.

„Этими ученіями и предписаніями, если судить правильно, не порицается впрочемъ самъ по себѣ ни одинъ изъ различныхъ видовъ государственнаго устройства, такъ какъ сами по себѣ они не имѣютъ ничего такого, что противно католическому ученію и всѣ, если они ведутся мудро и законно, могутъ хранить государство въ хорошемъ состояніи. Далѣе, не разъ высказывается порицаніе за то, что большее или меньшее участіе въ управленіи государствомъ принимаетъ народъ, — что при извѣстныхъ обстоятельствахъ и по извѣстнымъ законамъ не только служитъ ко благу гражданъ, но и можетъ быть даже ихъ обязанностію. Столь же мало изъ вышеприведенныхъ ученій вытекаетъ законное основаніе обвинять Церковь въ томъ, что она слишкомъ малодушна и неуступчива, или враждебно относится къ законной и справедливой свободѣ.

„Дѣйствительно, если Церковь признаетъ не позволительнымъ различнымъ родамъ религіозныхъ проявленій приписывать тоже самое право, что и истинной религіи, то этимъ она вовсе не осуждаетъ тѣ государственныя правительства, которыя, ради достиженія великаго блага или ради охраненія отъ велика-

го зла, практически относятся терпѣливо къ тому, что въ государствѣ существуютъ различные культы. Церковь имѣетъ обыкновеніе обращать всегда вниманіе и на то, чтобы никто противъ желанія не былъ принуждаемъ къ принятію католической вѣры, поелику, какъ мудро напоминаетъ Августинъ, „человѣкъ можетъ вѣровать только, когда желаетъ“ (Tract. 22 на Іоан. 2).

„Затѣмъ Церковь во всякомъ случаѣ не можетъ одобрять той свободы, которая презираетъ святѣйшіе законы Божіи и отвергаетъ надлежащее повиновеніе законной власти; ибо это скорѣе развратъ, чѣмъ свобода, и весьма вѣрно называется Августиномъ (Ер 105, 2, 9) „свободою погибели“, а святымъ Петромъ (1 Петр. 2, 16) „прикрытіемъ зла“; даже, поелику она противоразумна, ее слѣдуетъ считать собственно рабствомъ; ибо „всякій, дѣлающій грѣхъ, есть рабъ грѣха“ (Іоан. 8, 34). Истинною и желательною является только та свобода, которая въ частной жизни освобождаетъ человѣка отъ служенія погрѣшностямъ и страстямъ, какъ самымъ ненавистнѣйшимъ деспотамъ, а въ общественной жизни позволяетъ гражданамъ содѣйствовать мудрому управленію, богато доставляетъ имъ средства и возможность къ достиженію своихъ интересовъ, и гарантируетъ государство отъ чужаго произвола. Эта почетная и достойная людей свобода была вполнѣ одобряема Церковію и Церковь никогда не переставала стремиться и дѣйствовать къ тому, чтобы всецѣло и ненарушимо сохранялась она у народовъ. Истинно, исторія прошлыхъ временъ свидѣтельствуетъ, что *католическая церковь постоянно вызывала къ жизни, поддерживала и охраняла все то, что въ гражданскихъ обществахъ особенно содѣйствуетъ общественному благу, что было вводимъ съ пользою, чтобы удержатъ въ границахъ произволъ князей, вредившихъ благу народа,—что препятствуетъ высшимъ властямъ несправедливо вторгаться въ дѣла общинъ или семействъ, что содѣйствуетъ охраненію достоинства личной свободы, равноправности между частными гражданами. Всегда вѣрная себѣ, она съ одной стороны отвергаетъ безсмертную свободу, которая какъ частныхъ лицъ, такъ и народы приводитъ къ разнузданности или рабству, а съ другой стороны охотно и радост-*

но пріотстствуетъ каждый шагъ впередъ, который приноситъ съ собою время, предполагая, что онъ по истинѣ способствуетъ улучшенію этой жизни, которая есть тоже ристалище, чрезъ которое мы достигаемъ другой, вѣчной жизни.

Поэтому, когда говорятъ, что Церковь смотритъ завистливымъ окомъ на новые успѣхи государствъ и безразлично осуждаетъ всѣ изобрѣтенія новаго времени, то это пустая и наглая клевета. Конечно, она осуждаетъ безумныя теоріи, она осуждаетъ нечестивыя стремленія къ возмущенію и особенно то направленіе, которое заключаетъ въ себѣ начала произвольнаго отрицанія Бога. Но поелику всякая истина непременно имѣетъ свое начало въ Богѣ, то въ каждой истинѣ, открываемой изслѣдованіемъ, Церковь также познаетъ слѣдъ Божій. И такъ какъ въ природѣ нѣтъ ни одной истины, которая-бы обезсиливала вѣру въ божественное откровеніе, напротивъ есть много, что окрѣпляетъ ее, такъ какъ далѣе всякое откровеніе истины можетъ побуждать насъ къ познанію и прославленію Самого Бога, то Церковь охотно и съ радостію привѣтствуетъ всякое расширеніе области наукъ и, по обычаю, съ тою-же ревностію поддерживааетъ и поощряетъ естественныя науки, какъ и всѣ прочія. Церковь ничего противъ того не имѣетъ, когда въ этихъ наукахъ умъ открываетъ что-либо новое; она не препятствуетъ тому, чтобы старались открывать еще и больше для улучшенія и выгодъ жизни; напротивъ, такъ какъ она ненавидитъ лѣность и бездѣйствіе, она желаетъ отъ всего сердца, чтобы отъ своей дѣятельности и образованія человѣческой духъ получалъ богатые плоды, и всѣми способами стремится возбуждать искусство и работу; а такъ какъ всѣми своими силами она направляетъ это стремленіе на нравственныя блага и душевное спасеніе, она старается воспрепятствовать тому, чтобы чрезъ свое знаніе и свою работу человѣкъ не уклонялся отъ Бога и божественныхъ дѣлъ.

Впрочемъ, эти столь разумныя и мудрыя ученія Церкви теперь пренебрегаются, когда государства не только отказываются поступать по правилу христіанской мудрости, но съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отъ нея удаляются. Тѣмъ не менѣе, поелику приведенная въ свѣтъ истина обыкновенно рас-

пространяется сама собою и постепенно проникаетъ умы,—Мы въ сознаниі своего высокаго и священнаго служенія, принуждаемые апостольскою миссіею, которая Намъ поручена въ отношеніи ко всѣмъ народамъ, высказываемъ истину, какъ и подобаетъ, свободно и открыто,—не потому, что какъ будто-бы Мы не знали обстоятельствъ времени или отвергали благородные и полезные успѣхи нашего времени, но потому что Мы желаемъ видѣть основы государствъ твердо положенными, а ихъ путь противъ *враждебствъ* лучше обезопасеннымъ, и притомъ — безъ причиненія вреда истинной и законной свободѣ народовъ; ибо мать и лучшая охранительница свободы у людей есть истина: „истина сдѣлаетъ васъ свободными“ (Іоан. 8, 32).

„Итакъ, если католики, какъ слѣдуетъ, выслушаютъ насъ, то при настоящемъ запутанномъ положеніи дѣлъ они легко познаютъ, какія обязанности возложены на каждого какъ относительно мнѣній, такъ и относительно дѣйствій.

„Что касается мнѣній, то *все то, что повелѣли или повелятъ римскіе папы, необходимо твердо содержать съ рѣшительнымъ убѣжденіемъ, а при нуждѣ и открыто исповѣдывать.* Именно относительно такъ называемыхъ „свободъ“ новаго времени должно твердо держаться сужденія апостольскаго престола и судить такъ, какъ онъ судить. Должно беречься, чтобы не обмануться ихъ прекраснымъ видомъ, и хорошо обдумать, изъ какихъ началъ онѣ вышли и какими стремленіями онѣ поддерживаются и распространяются. Опытъ уже достаточно показалъ, какія въ государствахъ происходятъ отъ нихъ дѣйствія; ибо онѣ много произвели такихъ плодовъ, о которыхъ честные и мудрые мужи могутъ только сожалѣть. Если гдѣ-либо уже существуетъ или имѣется еще только въ виду такое государство, которое открыто и тирански преслѣдуетъ христіанъ, и съ ними сравнивается государство новѣйшаго вида, о которомъ идетъ рѣчь, то послѣднее можетъ показаться сносно; однако основанія, на которыхъ оно стоитъ, по истинѣ таковы, что они, какъ показывали Мы раньше, никѣмъ не могутъ быть одобряемы.

„Дѣйствія могутъ совершаться въ частной или домашней и общественной жизни. Въ частной жизни первая обязанность—

самымъ ревностнымъ образомъ приводить въ согласіе съ требованіями Евангелія жизнь и нравы, и не отказываться пострадать и претерпѣть какую-либо непріятность за христіанскую добродѣтель. Далѣе всѣ должны любить Церковь, какъ общую мать свою, въ послушаніи соблюдать ея законы, служить ея чести, охотно сохранять ея права и стремиться къ тому, чтобы съ такою-же преданностію любили и почитали ее и тѣ, на которыхъ она производитъ вліяніе. Къ интересамъ общественнаго блага принадлежитъ то, чтобы умно участвовать въ городскомъ управленіи и особенно стараться о томъ, чтобы для воспитанія юношей въ духѣ религіи и нравственности и приличнымъ для христіанъ образомъ было учреждено общественное заведеніе; ибо отъ этого много зависитъ благо отдѣльныхъ городовъ. Затѣмъ вообще полезно и честно, чтобы католики не ограничивались этимъ полемъ, но занимались дѣлами государства. Мы говоримъ „вообще“, потому что эти предписанія наши относятся ко всѣмъ народамъ. Впрочемъ по мѣстамъ можетъ случаться, что весьма важныя и справедливыя основанія исключаютъ политическую дѣятельность и занятіе политическихъ должностей. Во всякомъ случаѣ совершенное отреченіе отъ общественныхъ дѣлъ также есть ошибка, какъ и нежеланіе трудиться для общей пользы,—тѣмъ болѣе, что католики приглашаются увѣщаніемъ извѣстнаго имъ ученія вѣрно и честно дѣлать свое дѣло. Напротивъ, когда они праздны, тогда слишкомъ легко сорвутъ съ себя узду тѣ, образъ мыслей которыхъ заставляетъ опасаться и ожидать чего-либо дурнаго. А христіанству это причинило-бы невыразимый вредъ; ибо тогда большою властію воспользовались-бы тѣ, которые исполнены ненависти къ Церкви, между тѣмъ какъ благомыслящіе были-бы безсильны. Отсюда ясно, что католики имѣютъ побудительныя причины заботиться о государственныхъ дѣлахъ. Ибо они дѣлаютъ это и должны дѣлать не потому, что одобряютъ тѣ негодныя установленія, которыя нынѣ существуютъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, но потому, что во всѣ жили государственнаго тѣла они хотятъ ввести мудрыя ученія и нравственный законъ христіанства, какъ дѣлительный жизненный сокъ.

„Не иначе случалось и въ первые вѣка Церкви. Нравы и стремленія язычниковъ слишкомъ далеко уклонялись отъ стремлений и нравовъ евангельскихъ. Тѣмъ не менѣе и среди суевѣрія христіане оставались невредимыми и неизмѣнными и быстро проникали всюду, куда только открывался доступъ. Представляя образецъ вѣрности князьямъ и законамъ, они распространяли по всѣмъ сторонамъ чудный блескъ святости; они старались приносить пользу братіямъ, остальныхъ призывать къ истинѣ Христовой; но они также были готовы оставить свои мѣста и храбро претерпѣть смерть, если было невозможно безъ потери добродѣтели и чести сохранять должности и господство. Вслѣдствіе этого они быстро вносили христіанскія установленія не только въ частные дома, но также и въ лагеря, въ общественное управленіе, въ царскіе дворцы. „Мы только вчерашніе и тѣмъ не менѣе мы наполняемъ все ваше, — города, острова, замки, общины, товарищества, даже лагеря, трибуны и декуріи, дворецъ, сенатъ и форумъ“ (Tertull. Apol. 11. 37). Отсюда произошло, что христіанской вѣрѣ было дозволено какъ-бы закономъ открыто исповѣдовать Евангеліе, она не осталась въ колыбели, но возрасла и уже достаточно сильною выступала во многихъ государствахъ.

„Въ наши времена полезно возобновить эти примѣры предковъ. Всѣ католики, достойные этого имени, прежде всего должны быть любящими чадами Церкви и таковыми являться; что не соотвѣтствуетъ этому имени, они должны отвергнуть безъ замедленія. Установленіями народовъ они должны пользоваться для поддержанія истины и справедливости, на сколько это можетъ быть сдѣлано честнымъ образомъ, — они должны заботиться, чтобы свобода дѣйствія не переступала мѣры, опредѣляемой естественнымъ и божественнымъ закономъ, — должны стремиться, чтобы все государство было установлено по вышеизображенному христіанскому идеалу.

„Для достиженія этого нельзя предписать одного опредѣленнаго пути, такъ какъ должно сообразоваться съ различіемъ мѣста и времени. Тѣмъ не менѣе прежде всего должно сохранять единство хотѣнія и стремиться къ однообразію въ дѣйствіи. То и другое лучше всего достигается тогда, когда остъ

будутъ считать предписанія апостольскаго престола закономъ своей жизни и слушаться епископовъ, которыхъ „Духъ Святой поставилъ управлять Церковію Божіею“ (Дѣян. 20, 28). Защита католическаго дѣла настойчиво требуетъ, чтобы при исповѣданіи преданнаго Церковію ученія у всѣхъ господствовало одно. убѣжденіе и величайшая твердость и чтобы остерегались какъ-нибудь сходиться съ ложными мнѣніями или оказывать имъ незначительное противодѣйствіе, когда дѣло идетъ объ истинѣ. Въ дѣлахъ, на которыя могутъ быть различныя взгляды, нужно спорить съ умѣренностію и съ стремленіемъ узнать истину, но безъ оскорбительнаго подозрѣнія и взаимныхъ упрековъ.

„При этомъ дабы не расторгалась связь умовъ необдуман-ными обвиненіями, всѣ должны имѣть въ виду слѣдующее. Чистота католическаго исповѣданія ни въ какомъ случаѣ не можетъ существовать вмѣстѣ съ мнѣніями, ведущими къ натурализму или раціонализму, въ концѣ концовъ совершенно уничтожающими христіанскія установленія и съ отверженіемъ вводящими въ общество господство челоуѣка; столь-же мало позволительно въ частной и общественной жизни слѣдовать различнымъ правиламъ, такъ что въ одномъ случаѣ авторитетъ Церкви уважается, въ другомъ пренебрегается. Ибо это значитъ смѣшивать честное съ безчестнымъ и вводить челоуѣка въ разладъ съ самимъ собою, тогда какъ напротивъ онъ постоянно долженъ, оставаться послѣдовательнымъ и ни въ какомъ дѣлѣ, ни въ какомъ жизненномъ занятіи не долженъ отпадать отъ христіанской добродѣтели.

„Если дѣло идетъ о чисто политическихъ вопросахъ, объ управленіи государствами по той или другой системѣ, то конечно здѣсь съ честію можетъ имѣть мѣсто различіе мнѣній. Но противно справедливости—невѣрный взглядъ на такого рода дѣла вмѣнять въ недостатокъ такимъ людямъ, которыхъ благочестивый образъ мыслей въ остальномъ извѣстенъ, и которые имѣютъ добрую волю въ послушаніи принимать рѣшенія апостольскаго престола. Еще несправедливѣе то, когда ихъ обвиняютъ, будто-бы они потеряли католическую вѣру или подозрѣваютъ ихъ вѣру,—что къ сожалѣнію случается

часто. Вообще этому предписанію должны слѣдовать тѣ, которые имѣютъ обыкновеніе писать свои мысли, особенно люди прессы. Ибо при такой борьбѣ о высшихъ дѣлахъ не должно давать мѣста внутреннимъ раздорамъ и стремленіямъ партій, но съ одинаковою ревностію всѣ должны стремиться къ одной общей цѣли—оказать поддержку религіи и государству. Если же произошелъ раздоръ, то предать его добровольному забвенію; что случилось непредвидѣнно и прстивузаконно, то виновные снова могутъ исправить взаимною любовію и вмѣстѣ всеобщимъ повинновеніемъ апостольскому престолу.

„Такимъ путемъ католики достигнутъ двухъ важныхъ вещей: они помогутъ Церкви въ сохраненіи и распространеніи христіанской мудрости, и принесутъ очень много добра гражданскому обществу, благоденствію котораго сильно вредятъ послѣдствія дурныхъ ученій и стремленій.

„Вотъ, достопочтенныя братья, тѣ мысли, которыя мы хотѣли бы сообщить всѣмъ народамъ католическаго міра о христіанскомъ устройствѣ государствъ и объ обязанностяхъ частныхъ гражданъ.

„Въ остальномъ съ искреннѣйшею молитвою Мы должны взывать къ небожителямъ и просить Бога, чтобы Онъ привелъ къ желанному концу Наши желанія и стремленія, направленные къ Его чести и общему благу рода человѣческаго, Онъ, просвѣщающій умъ людей и движущій ихъ волю. Тѣмъ не менѣе, какъ залогъ божественныхъ дарованій и во свидѣтельство отеческаго благоволенія Нашего вамъ, достопочтенныя братія, какъ духовенству, такъ и всему народу, ввѣренному вашей вѣрности и бдительности, Мы даемъ о Господѣ апостольское благословеніе.

„Дано въ Римѣ у св. Петра 1 полября 1885.

Левъ XIII, Папа“.

(Окончаніе будетъ).

МЕТАФИЗИЧЕСКІЙ АНАЛИЗЪ ЭМПИРИЧЕСКАГО ПОЗНАНІЯ.

(Продолженіе *).

Въ предыдущихъ формахъ идеализма вопросъ о происхожденіи „призрака“ конкретно чувственнаго бытія рѣшался болѣе съ онтологической, чѣмъ гносеологической точки зрѣнія, обращаясь въ вопросъ о происхожденіи вообще міра явленій изъ абсолютнаго начала бытія. Но какое значеніе имѣетъ собственно наше представленіе о чувственномъ мірѣ къ нашему конкретному познающему я? Рѣшеніе этого вопроса съ идеалистической точки зрѣнія, повидимому, представляетъ значительныя затрудненія. Всего естественнѣе и послѣдовательнѣе предположить, что міръ мною представляемый по отношенію ко мнѣ имѣетъ тоже значеніе, какъ и міръ феноменальный вообще къ я абсолютному или абсолютной субстанціи; онъ есть граница, полагаемая моимъ я и имъ-же снимаемая (Фихте), или спеціальнѣйшій миражъ моего собственнаго я. Но затрудненіе здѣсь въ томъ, что самое мое конкретное я для идеализма не имѣетъ самостоятельнаго значенія; оно само, какъ конкретное, стоящее на ряду со множествомъ другихъ индивидуальныхъ я, подпадаетъ подъ понятіе бытія неистиннаго, призрачнаго, такъ что рассматриваемое съ этой точки зрѣнія мое представленіе о внѣшнемъ мірѣ есть какой-то двойной миражъ, фантомъ, производимый фантомомъ конкретнаго я, который мы-же представляемъ чѣмъ-то самостоятельнымъ. Такимъ образомъ послѣ-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 6.

довательно проведенный идеализмъ запутывается въ области безвыходныхъ затрудненій; съ познаваемымъ нами міромъ исчезаетъ и самъ познающій субъектъ—наше я.

Это затрудненіе, повидимому, устраняется въ той формѣ идеализма, представителемъ которой служитъ Берклей. Отъ крайностей идеализма его удерживаетъ съ одной стороны ясное сознание отличія отъ моего конкретнаго я и его собственныхъ обнаруженій представленій о внѣшнемъ мірѣ, не допускающее мысли о томъ, что эти представленія могутъ быть созданіями моего я. Съ другой стороны, ту несамостоятельность и призрачность, которая характеризуетъ внѣшнее бытіе, Берклей не рѣшался приписать нашему собственному, конкретно-духовному я, что дѣлаетъ послѣдовательный идеализмъ. Кромѣ существа абсолютнаго—Бога, онъ допускаетъ самостоятельное существованіе ограничено-духовныхъ субстанцій, сотворенныхъ Богомъ, т. е. душъ. Но при этихъ условіяхъ какъ-же объяснить происхожденіе въ этихъ духовныхъ субстанціяхъ представленій о несуществующихъ реально предметахъ внѣшняго міра? Такъ какъ виновниками этихъ представленій не можемъ быть мы сами, и въ силу ограниченности нашей природы и въ силу яснаго сознанія какъ отличія ихъ отъ насъ, такъ и того, что не мы ихъ создали; такъ какъ далѣе, кромѣ Бога нѣтъ никакой внѣшней причины, которая могла-бы ихъ произвести, потому что матеріальный міръ самъ по себѣ не существуетъ, то очевидно остается одно—считать производящею причиною ихъ само Божество. Къ такому заключенію и пришелъ Берклей. Міръ представленій о внѣшнихъ предметахъ, существующій въ нашей только душѣ, а не внѣ ея реально, есть произведеніе не нашего я, а нѣкоторой чуждой и внѣшней ему причины. Гармоническая связь этихъ представленій и ихъ законосообразность, служитъ доказательствомъ, что причиною ихъ должно быть существо высочайше разумное и совершенное—Богъ. То обстоятельство, что эти представленія производятся не нашею душею, а только въ нашей душѣ—Божествомъ, объясняетъ то, почему они кажутся намъ представленіями вещей внѣ насъ существующихъ.

Но если теорія Берклея лучше объясняетъ, чѣмъ другія иде-

алистическія теоріи, возникновеніе представленій въ нашемъ конкретномъ я и фактъ отличенія отъ нашего я, то никакъ нельзя сказать того-же объ отношеніи этихъ призранныхъ представленій къ ихъ производящей причинѣ—Божеству. Для чего Богъ представляетъ нашему духу непонятную фантазмагорію міра матеріальнаго, если въ ней нѣтъ ничего реальнаго? Какое отношеніе такая фантазмагорія, такой призранный міръ имѣетъ къ самому Божеству? Есть-ли онъ его твореніе, самоограниченіе, какъ у Фихте, или моментъ саморазвитія, какъ у Гегеля? Берклей склоняется къ первому рѣшенію. Но въ такомъ случаѣ не понятно, почему область сотвореннаго распадается на бытіе дѣйствительное, каково напр. бытіе душъ, нашего я, и на бытіе призранный, каковъ міръ, кажущійся намъ матеріальнымъ? Еще болѣе непонятна цѣль и значеніе такой призранныости. Скажутъ: Богъ, какъ абсолютный духъ, могъ произвести только сродное себѣ—духовное, но не радикально противоположное себѣ, каково матеріальное. Но отсюда могла-бы слѣдовать только та мысль, что истинная сущность бытія, называемаго матеріальнымъ, есть нѣчто духовное (напр. монады Лейбница), но викакъ не слѣдуетъ, чтобы это бытіе было несамоостоятельнымъ, призраннымъ. Не говоримъ о томъ, что противоположность бытія матеріальнаго духовному нисколько не служитъ препятствіемъ къ происхожденію его отъ абсолютнаго начала, какъ скоро міръ признается не саморазвитіемъ Божества, какъ у прочихъ идеалистовъ, но его твореніемъ, что допускаетъ Берклей. И между міромъ конкретно духовнымъ (т. е. душами) и абсолютнымъ духомъ (Богомъ) существуетъ радикальная противоположность въ томъ, что первые конечны и условны, а послѣдній нѣтъ; но если это не препятствуетъ ихъ созданію, то точно также не можетъ служить препятствіемъ къ созданію дѣйствительныхъ, а не призранныхъ матеріальныхъ вещей ихъ противоположность абсолютно-духовной субстанціи.

Изъ сказаннаго нами видно, что существованіе въ нашей душѣ представленій о внѣшнихъ предметахъ точно также, какъ и существованіе чувственнаго міра вообще, остается совершенно необъяснимымъ для идеализма, — и въ этомъ его коренной недостатокъ. Теперь взглянемъ внимательнѣе на это необъясни-

мое для идеализма представленіе конкретно-чувственного бытія, существующее въ нашемъ духѣ, и мы увидимъ, что оно можетъ быть объяснено не иначе, какъ при предположеніи реальнаго существованія внѣ насъ и независимо отъ насъ чувственныхъ предметовъ, совокупность которыхъ мы называемъ внѣшнимъ міромъ.

Прежде всего насъ встрѣчаетъ всеобщій, необходимый и, какъ мы знаемъ, недоступный сомнѣнію фактъ противоположенія нашимъ сознаниемъ я и не я. Въ насъ существуетъ ни чѣмъ неискоренимая увѣренность, что одни изъ фактовъ сознанія, одни изъ ощущеній и представленій принадлежатъ мнѣ непосредственно, — таковы представленія нашихъ душевныхъ состояній, образы фантазій, мысли и сужденія о вещахъ и пр.; а другія не зависятъ отъ меня, не суть сознанія моего я или его феномены, — таковы представленія о внѣшнихъ предметахъ. Отъ чего происходитъ такое различіе представленій въ нашемъ сознаніи? Въ самомъ нашемъ я и въ одномъ сознаніи нѣтъ никакого основанія, чтобы одни изъ своихъ произведеній считать своими, другія не своими (если предположить, что все находящееся въ сознаніи есть его произведеніе); слѣдовательно, должна быть внѣшняя причина, условливающая это различіе и производящая своимъ дѣйствіемъ представленія о внѣшнихъ предметахъ, — слѣдовательно существуетъ міръ внѣшній. Безъ признанія реальности этого міра появленіе въ нашей душѣ образовъ предметовъ внѣшнихъ было-бы явленіемъ безпричиннымъ и необъяснимымъ тѣмъ болѣе, что многія изъ такихъ представленій носятъ на себѣ слишкомъ ясные признаки того, что они не отъ насъ происходятъ. Въ нихъ мы не только не сознаемъ, что они суть произведенія нашей мыслящей или представительной силы, но напротивъ прямо чувствуемъ, что они возникли въ нашей душѣ противъ воли нашего я; многія впечатлѣнія вторгаются въ нашу душу насильно, противъ нашего желанія. Въ высшей степени странно было-бы считать модификаціею нашего я такія представленія о внѣшнихъ вещахъ, которыя не только не желательны намъ, но возбуждаютъ въ насъ страданіе, отвращеніе, страхъ, чѣмъ слишкомъ живо и убѣдительно даютъ чувствовать всю независимость ихъ происхожденія отъ нашего я.

Кромѣ необъяснимаго съ точки зрѣнія идеализма сознанія отличія отъ нашего я и его психическихъ феноменовъ представленій о внѣшнихъ предметахъ, самостоятельное бытіе послѣднихъ подтверждаетъ и сравненіе различныхъ формъ нашего сознанія по отношенію къ одному и тому-же предмету. Такъ въ нашемъ сознаніи какого-либо внѣшняго объекта мы различаемъ: самый объектъ, непосредственное чувственное воззрѣніе его, представленіе и наконецъ понятіе о немъ съ различными степенями ясности, точности и правильности. Всѣ эти формы сознанія относятся къ одному и тому же предмету. Происхожденія ихъ мы никакъ не можемъ объяснить иначе, какъ тѣмъ, что содержаніемъ всѣхъ ихъ служитъ дѣйствительный, отличный отъ насъ предметъ, подѣйствовавшій на наши чувства, а что различныя формы сознанія выражаютъ только различныя степени субъективнаго усвоенія или пониманія его. Такъ, на примѣръ, мы ясно сознаемъ, что впечатлѣніе отъ предмета, какъ-бы оно живо ни было, не есть самый предметъ; что въ представленіи его менѣе непосредственной наглядности и точности отображенія предмета, чѣмъ въ воззрѣніи, что въ понятіе о немъ входятъ не всѣ, а только нѣкоторые существенные признаки предмета. Эти различныя формы сознанія близости или отдаленности нашего представленія о предметѣ отъ самаго предмета возможны только при дѣйствительномъ существованіи самаго предмета внѣ насъ. Далѣе, къ тому же заключенію ведетъ насъ и обратное отношеніе нашего я къ внѣшней дѣйствительности. Такъ, мы различаемъ мысль и ея осуществленіе, намѣреніе и дѣйствіе, представленіе, вызванное нами изъ памяти или созданное воображеніемъ и предметъ ему соотвѣтствующій. Хотя-бы то и другое совершенно совпало, дѣйствительность оказалась вполнѣ соотвѣтствующею нашему представленію о ней, насъ никогда не оставляетъ сознаніе, что одно принадлежитъ намъ, а другое не намъ, а міру внѣшнему, что наше представленіе и вещь представляемая, какъ бы сходны ни казались, въ сущности совершенно различны. Такъ, на примѣръ, мы задумываемъ какой-либо планъ, предпринимаемъ какое-либо дѣло; художникъ начертываетъ въ своей фантазіи картину, съ цѣлью перенести ее на полотно; но какъ

бы точно ни исполнился въ дѣйствительности нашъ планъ, какъ бы вѣрно ни выражала созданную воображеніемъ дѣйствительная картина, въ насъ никогда не исчезнетъ убѣжденіе въ отличіи субъективнаго представленія отъ реальнаго бытія представляемаго объекта. Смѣшеніе внутреннихъ произведеній нашей мысли и воображенія съ дѣйствительными вещами есть признакъ ненормальнаго состоянія ума. Но съ точки зрѣнія идеализма подобнаго рода факты не объяснимы, даже невозможны. Если внѣшняя дѣйствительность есть произведеніе моего я, то намѣреніе и осуществленіе, представленіе и предметъ его должны - бы совпадать въ нашемъ сознаніи и быть тождественными. Но внутренній и внѣшній опытъ, показывая противное, свидѣтельствуетъ тѣмъ самымъ, что есть отдѣльная отъ насъ самостоятельная реальность—міръ внѣшній.

Столько же, какъ анализъ нашего сознанія и различныхъ отношеній его къ сознаваемому бытію, подтверждаетъ это заключеніе и разсмотрѣніе содержанія нашихъ представленій о внѣшнемъ бытіи. Самое общее въ представленіи этого бытія конечно то, что оно представляется намъ, какъ агрегатъ различныхъ вещей количественно отдѣльныхъ и качественно различныхъ. Но въ одномъ нашемъ сознаніи, какъ таковомъ, не дано и не можетъ быть дано никакого основанія къ тому, чтобы различать, какъ опредѣленное количество вещей, такъ и различныя качества и индивидуальныя особенности ихъ. Такое различіе объяснимо лишь при томъ предположеніи, что реальныя дѣйствія вещей, внѣ насъ находящихся, вынуждаютъ насъ представлять ихъ въ томъ или другомъ числѣ, съ такими или другими качествами. Иначе мы никакъ не объяснимъ, почему, напримѣръ, видя три отдѣльныя вещи, мы обязаны именно представлять ихъ, какъ три, а не какъ одну или пять; почему далѣе, мы должны считать такой-то предметъ зеленымъ, а не краснымъ и пр. Если представленія конкретныхъ вещей суть субъективныя произведенія нашего духа, то обязательность и принудительность для нашего сознанія именно тѣхъ, а не иныхъ представленій исчезаетъ; для насъ не только возможно, но и вполнѣ законно, представлять вещи и такъ и иначе. Но нелѣпость такого вывода очевидна: не только мы,

но и самый рѣшительный идеалистъ назоветъ безумнымъ того человѣка, который вопреки очевидности сталъ-бы видѣть три вещи тамъ, гдѣ всѣ видятъ одну, — сталъ-бы называть предметъ бѣлымъ, когда другіе считаютъ его чернымъ.

Всѣ эти факты нашего сознанія вполне удостовѣряютъ для насъ существованіе отличныхъ отъ насъ конкретныхъ вещей, съ ихъ количественнымъ и качественнымъ различіемъ. Оставляя безъ вниманія и безъ объясненія эти столь очевидныя факты, отрицая дѣйствительность бытія множественнаго и конкретнаго, какъ несомвѣстимаго съ понятіемъ бытія единнаго, истинно-сущаго, идеализмъ неизбежно запутывается въ противорѣчіяхъ, показывающихъ его несостоятельность.

Прежде всего нельзя не видѣть противорѣчія его уже въ томъ, что отрицая множественность и качественное различіе, какъ свойства чувственнаго бытія, онъ въ то же время вноситъ эти самыя понятія въ область своего единнаго, абсолютно духовнаго бытія, какъ реальныя его опредѣленія, потому что и его абсолютное не пребываетъ неподвижнымъ въ своемъ абстрактномъ единствѣ, но представляетъ количественныя и качественные различія модусовъ-ли то, моментовъ, или формъ развитія. У Спинозы, напр., абсолютная субстанція имѣетъ безчисленное множество атрибутовъ, изъ которыхъ намъ извѣстны только два: мышленіе и протяженіе. У Гегеля абсолютная идея проходитъ по различнымъ моментамъ самоопредѣленія и каждый моментъ по содержанію отличенъ отъ другаго. Но разъ допустивъ множественность и различіе въ своемъ абсолютномъ, идеализмъ уже не имѣетъ права отрицать ее и считать явленіе призрачнымъ въ представленіи конкретныхъ вещей; потому что множественность и различіе, допущенное идеализмомъ въ абсолютномъ (въ видѣ, наприм., моментовъ въ его развитіи), и конкретность вещей, о которой говоритъ наше сознаніе, различаются только степенью общности и абстрактности, а не существомъ самаго дѣла. Тамъ и здѣсь неизбежно является тоже понятіе раздѣльности и количества, и если въ первомъ случаѣ мы признаемъ это понятіе чѣмъ-то реальнымъ, а не субъективнымъ миражемъ нашего сознанія, то такое-же значеніе оно должно имѣть и здѣсь. Если идеа-

лизмъ признаетъ реальнымъ опредѣленіемъ абсолютнаго бытія моменты его развитія, различные роды и виды существъ, какъ общія идеи ихъ, то онъ не имѣетъ никакого права отрицать реальность конкретныхъ предметовъ на томъ только основаніи, что они представляютъ собою бытіе множественное и качественно различное.

Въ общемъ идеализмъ, конечно, не уклоняется и не можетъ уклониться отъ этого столь послѣдовательнаго вывода, подтверждаемаго и неоспоримымъ свидѣтельствомъ нашего сознанія, признающаго реальность конкретнаго, — свидѣтельствомъ, которое онъ не можетъ оставить по крайней мѣрѣ безъ объясненія. Онъ вынужденъ допустить въ той или иной формѣ понятіе индивидуальности въ свою систему. Но такъ какъ это понятіе совершенно не вяжется съ его принципомъ, то не удивительно, что идеализмъ не даетъ намъ ни сколько-нибудь яснаго понятія объ индивидуальности, ни сколько-нибудь удовлетворительнаго выведенія его изъ абсолютнаго и примиренія съ его единствомъ. Этотъ недостатокъ идеализма сознаютъ сами идеалисты. Такъ, по вѣрному замѣчанію Гартмана, идеализму до сихъ поръ не удалось еще примирить своего монизма съ плюралистическимъ индивидуализмомъ. Такъ Спиноза, точно такъ же какъ и древніе идеалисты, вопросъ о множественности бытія оставляетъ совершенно безъ отвѣта; онъ догматически объявляетъ, что индивидуумы суть модусы единой субстанціи; но почему эта субстанція развивается въ извѣстныхъ модусахъ и почему каждый модусъ отличается отъ другаго и образуетъ каждый въ своемъ родѣ единичную сущность, для насъ совершенно неизвѣстно. Что касается до рѣшенія вопроса объ индивидуальномъ бытіи у Шеллинга, то Гартманъ признается, что онъ позавидовалъ-бы тому, кто изъ приведеннаго имъ мѣста у Шеллинга вычиталъ-бы какой-нибудь понятный смыслъ. По ученію Гегеля, только общее понятіе есть истинная сущность вещей и весь процессъ развитія абсолютнаго есть не что иное, какъ абсолютная діалектика понятій, но по его собственному признанію, изъ понятій никоимъ образомъ нельзя вывести единичныхъ вещей, индивидуумовъ. Конечно, въ процессъ развитія своего абсолютнаго на ряду съ другими категоріями,

Гегель вводитъ и понятіе множественности; но діалектическое саморазложеніе единого на многое, хотя даетъ намъ множественность, какъ чистое понятіе, но не множественность, какъ принадлежность реальныхъ явленій; это понятіе не можетъ объяснить намъ саморазложенія міровой души на многія реальные индивидуумы. Реальное множество есть нѣчто иное, — большее, чѣмъ понятіе множественности; оно есть сумма индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый не походитъ на другаго, каждый совершенно единиченъ и не можетъ быть выведенъ ни изъ какого понятія, но познаніе о которомъ мы можемъ получить только посредствомъ возрѣнія *). Что касается до самого Гартмана, то найти истинное примиреніе монизма съ индивидуализмомъ ему также мало удается, какъ и его предшественникамъ по пути идеализма.

Но можетъ быть мы лучше объяснимъ существующее въ насъ представленіе о конкретной множественности вещей, если не будемъ выходить за предѣлы нашего конкретного я и въ немъ одномъ будемъ искать разъясненія этого представленія? Этимъ путемъ, какъ извѣстно, идетъ идеализмъ субъективный, который оставляя въ сторонѣ, какъ не разрѣшимый—вопросъ о возникновеніи многаго въ единомъ абсолютномъ, думаетъ объяснить эту множественность, какъ феноменъ нашего человѣческаго, я. Но о несостоятельности такого рода попытки совершенно вѣрно замѣчаетъ Гартманъ: „субъективный идеализмъ (Кантъ, Фихте, Шопенгауеръ) полагаетъ, что онъ достаточно сдѣлалъ, когда множественность въ мірѣ объявилъ субъективнымъ миражемъ (Schein), который возникаетъ изъ формъ субъективнаго возрѣнія—пространства и времени, и вислолько не заботится о томъ, что, во-первыхъ, при этомъ затрудненіе не уничтожается, а только переносится изъ объективной области въ субъективную и здѣсь остается столько-же неразрѣшимымъ, какъ и прежде; что, во-вторыхъ, здѣсь совершенно остается безъ отвѣта вопросъ: какъ при отрицаніи множе-

*) Hartmann, Philosophie des Unbewussten. 1876. 2 B. p. 252—254. Замѣчанія о Гартмановой теоріи индивидуализаціи,—см. у Vaiginger'a въ его соч. Hartmann, Dühring und Lange 1876. p. 79—80.

ственности возможенъ этотъ самый, въ своемъ родѣ единственный, отъ каждаго ему подобнаго отличающійся и созерцающій индивидуумъ (т. е. ваше я) и какъ согласно его бытіе съ монистическимъ принципомъ? Потому что если этотъ индивидуумъ, это я, мы будемъ понимать существующимъ, какъ одно между многими другими я, то непослѣдовательно введемъ опять непонятную реальность множественнаго; если же признаемъ это я единственно существующимъ (допустимъ солипсизмъ), то опять останется для насъ непонятною ограниченность этого самоединаго, созерцающаго субъекта *).

Конечно изъ этихъ двухъ неизбѣжныхъ выводовъ идеализмъ, не заботясь о послѣдовательности, останавливается на первомъ. Самаго завзятаго идеалиста не можетъ не смутить нелѣпая мысль, что если міръ есть мое представленіе, то въ дѣйствительности существую только я и ничего больше, такъ какъ все окружающее меня есть только моя фикція, мое представленіе. Отвергая самостоятельное бытіе предметовъ внѣшняго міра, онъ не рѣшается отвергнуть самостоятельное существованіе другихъ людей, другихъ я, кромѣ своего собственнаго. Но въ этомъ заключается рѣшительная непослѣдовательность идеализма и противорѣчіе его себѣ самому. Въ самомъ дѣлѣ, если я отвергаю реальное существованіе предметовъ внѣшней природы на томъ основаніи, что они суть мои представленія, то и о другихъ людяхъ я знаю потому только, что имѣю представленія о нихъ; да и представленія эти я получаю точно такимъ же образомъ, какъ и представленія о другихъ внѣшнихъ предметахъ; и о другихъ людяхъ я знаю потому, что о нихъ говорятъ мнѣ мои внѣшнія чувства. Итакъ, не только міръ физическихъ объектовъ, но и духовныхъ существъ есть мое представленіе; на этомъ основаніи я одинаково долженъ отрицать реальность какъ чувственнаго, такъ и духовнаго міра; истинно существующимъ остаюсь одинъ я.

Но и на этомъ странномъ возрѣвнн не можетъ остановиться идеализмъ. Онъ неизбѣжно долженъ придти къ отрицанію реального существованія не только другихъ я, но и своего соб-

*) Phil. d. Unbew. 2 B. 252.

ственного я; потому что если все существующее (включая сюда и другихъ людей) я знаю только въ своихъ представленіяхъ, то есть въ состояніяхъ своего сознанія, и на этомъ основаніи отрицаю независимое отъ моего сознанія бытіе существъ внѣшняго міра, то вѣдь и мое собственное я доступно мнѣ только, какъ состоявіе моего сознанія, какъ представленіе. И оно не есть какая-либо вещь сама по себѣ сущая, но тотъ же феноменъ, какъ и всѣ другія представляемая мною вещи, что довольно послѣдовательно и призналъ Кантъ. Но если такъ, то какое-же мы имѣемъ право выдѣлять наше я изъ всѣхъ другихъ представленій? Все существующее сводится къ состояніямъ сознанія, къ феноменамъ, не имѣющимъ однакоже никакого самобытнаго субъекта, которому-бы они принадлежали. Но допускать бытіе феноменовъ, представленій, безъ существа, которому что-либо является и которое представляетъ, значитъ впадать въ явное логическое противорѣчіе *).

До сихъ поръ мы старались показать несостоятельность онтологическаго принципа идеализма указаніемъ противорѣчій, къ какимъ ведетъ отрицаніе, познаваемой эмпирически, дѣйствительности внѣшняго міра. Теперь, какъ и въ критикѣ матеріализма, мы обратимъ вниманіе на дальнѣйшія слѣдствія, къ которымъ неминуемо приведетъ послѣдовательное проведеніе идеалистическаго принципа въ область какъ знанія, такъ и практической жизни.

Идеализмъ, въ лицѣ своихъ новѣйшихъ представителей (Гегель, Шеллингъ), выдаетъ себя за направленіе по преимуществу философское,—даже болѣе, за единственное направленіе, при помощи котораго возможно знаніе не только видимости, но и самаго существа вещей—знаніе абсолютное. Основаніе къ такому мнѣнію онъ находитъ въ самомъ понятіи о сущности нашего познанія и цѣли его—достиженіи истины. Въ самомъ дѣлѣ, что такое истина и истинное знаніе? Обыкновенно говорятъ, что истина есть согласіе нашего представле-

*) Болѣе подробное раскрытіе этого самопротиворѣчія идеализма см. у В. Соловьева, въ его брош. „О дѣйствительности внѣшняго міра“. (Отвѣтъ К. Д. Кавелину).

вія о предметѣ съ самымъ представляемымъ предметомъ. Но при такомъ опредѣленіи истины мы никогда не можемъ достигнуть ея, если предположимъ, что кромѣ представленій существуютъ внѣ насъ находящіяся, самостоятельныя вещи; потому что, въ такомъ случаѣ, чтобы знать истину, мы должны бы выйти за предѣлы нашего мыслящаго я, возвыситься, такъ сказать, надъ объектомъ и собственнымъ представленіемъ о немъ, чтобы сравнить ихъ между собою и сказать, соотвѣтствуютъ-ли они другъ другу или нѣтъ. Но это, очевидно, невозможно и невысказуемо; кто истинною называетъ согласіе представленія съ предметомъ, тотъ, по мнѣнію Гегеля, совершенно не понимаетъ, что такое познаніе и что такое философія. Поэтому, чтобы объяснить возможность познанія, нужно признать тождество предмета и представленія, бытія и мышленія; только при этомъ предположеніи мы можемъ быть увѣрены, что понятіе или представленіе содержитъ въ себѣ предметъ, какъ онъ дѣйствительно существуетъ, и можемъ достигнуть такимъ образомъ истиннаго знанія. При такомъ только тождествѣ для насъ не будетъ невыполнимой необходимостью выходить изъ области познающаго субъекта, такъ какъ всѣ предметы будутъ полагаемы тѣмъ-же субъектомъ.

Очевидно, что въ этомъ возрѣніи идеализма на сущность познанія, повторяется, только въ нѣсколько иной, гносеологической формѣ, та же самая мысль о невозможности будто-бы познанія при предположеніи самостоятельнаго существованія внѣшняго міра, которая высказана была Берклеемъ. Исходнымъ началомъ какъ мнѣнія Берклея, такъ и сейчасъ приведеннаго нами возрѣнія служитъ мысль, что для осуществленія познанія необходима однородность, или точнѣе, — тождество познаваемаго съ познающимъ. Но что сказано нами по поводу мнѣнія Берклея, имѣетъ полное приложеніе и здѣсь. Мысль о необходимости такого тождества, напоминающая гносеологическую теорію древнихъ іонійскихъ философовъ, что подобное познается подобнымъ, есть чистое предположеніе, противорѣчащее и опыту и законамъ нашего познанія. Сущность познанія и состоитъ именно въ томъ, что въ каждомъ актѣ познанія мы различаемъ субъектъ отъ объекта, представленіе отъ

представляемой вещи; безъ этого различенія не возможно никакое познаніе. Даже тогда, когда мы познаемъ самихъ себя, мы должны различить себя, какъ субъектъ и объектъ, если не по существу, то формально, и это возможно только потому, что мы рефлектируемъ надъ нашими собственными состояніями и дѣйствіями и отдѣляемъ отъ нихъ или отличаемъ свое я. Если-же для каждаго человѣческаго (дискурсивнаго, а не интуитивнаго) познанія необходимо различеніе представленія и представляемаго объекта, то необходимо должно быть между ними и дѣйствительное различіе и, такимъ образомъ, отличіе представленія и предмета есть необходимое условіе нашего познанія. Для узнанія этого различія, для осуществленія познанія нѣтъ никакой нужды выходить изъ самого себя; это различеніе, какъ показываетъ опытъ, совершается въ области самого-же субъекта и не только при познаніи нашихъ собственныхъ состояній, но и при познаніи міра внѣшняго. Познаніе есть внутренній, имманентный актъ субъекта; и при познаніи внѣшняго міра наше я не выходитъ изъ себя, но скорѣе внѣшній міръ извѣстнымъ путемъ входитъ въ наше сознаніе и объектъ становится достояніемъ познающаго субъекта. Именно посредствомъ внѣшнихъ чувствъ объектъ приходитъ въ соприкосновеніе съ субъектомъ и вызываетъ въ немъ соотвѣтствующіе образы—представленія. Такимъ образомъ внѣшній міръ, не смотря на свое различіе отъ нашего познающаго я, можетъ быть предметомъ нашего познанія, если не по самому существу своему, то соотвѣтственно природѣ познающаго субъекта.

Если-же отличеніе познаваемаго отъ познающаго необходимо требуется самымъ существомъ нашего познанія, то очевидно, что идеализмъ, отвергающій такое различіе, въ концѣ концовъ необходимо долженъ привести къ уничтоженію достовѣрности всякаго познанія. Онъ начинаетъ тѣмъ, что отвергаетъ истину познанія и истину бытія чувственныхъ предметовъ; но мы видѣли, что отвергая эту истину на томъ основаніи, что эти предметы представляются намъ, какъ множественные и качественно-разнообразные, онъ послѣдовательно долженъ отвергнуть и истину бытія духовнаго, въ какой мѣрѣ оно представляется намъ, какъ бытіе множественное и качественно-различ-

ное, — истину бытія какъ нашего собственнаго я, такъ и другихъ конкретныхъ я. Отъ такого заключенія и не отказывается идеализмъ. По отношенію къ абсолютной субстанціи и наше я, какъ и всѣ конкретныя вещи, есть бытіе не самостоятельное, не истинное, преходящій феноменъ одного истиннаго бытія — абсолютнаго.

Но въ такомъ случаѣ, уничтоживъ истину бытія каждаго конкретнаго я, каждаго личнаго разума и мышленія, принесши въ жертву наше отдѣльное я всепоглощающему абсолютному, идеализмъ разрушаетъ всякое познаніе и долженъ привести къ возрѣнію на него болѣе крайнему и неутѣшительному, чѣмъ абсолютный скептицизмъ. Послѣдній только сомнѣвается въ истинѣ нашего познанія; идеализмъ долженъ рѣшительно признать не истину его, потому что самый носитель и производитель его, наше личное я, не имѣетъ истиннаго бытія; отъ призрачнаго бытія и знанія можетъ произойти только призрачное. Но въ такомъ случаѣ, что же останется для насъ истиннымъ и достовѣрнымъ? Единственно твердымъ и истиннымъ, среди постоянно смѣняющихся образовъ бытія и познанія частнаго, въ идеализмѣ, повидимому, остается понятіе о бытіи абсолютномъ. Но достовѣрность и этого понятія должна поколебаться, когда вспомнимъ, что самая мысль объ абсолютномъ есть однако-же мысль, принадлежащая мнѣ, существу конечному и поэтому самому не имѣетъ никакого ручательства своей истинны. Если-же такимъ образомъ самое понятіе объ абсолютномъ, какъ данное въ конечномъ разумѣ, теряетъ свою достовѣрность, то единственно твердымъ и достовѣрнымъ во всей идеалистической философіи оказывается не бытіе абсолютное, а развѣ только бытіе образовъ, феноменовъ, призрачныхъ явленій безъ какого-бы то ни было носителя этихъ феноменовъ, такъ какъ такимъ носителемъ не можетъ быть ни наше я, какъ конкретное, ни абсолютное, мысль о которомъ принадлежитъ тому-же я. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ полному отрицанію какъ истиннаго бытія, такъ и истиннаго знанія.

Что имѣющій смѣлость быть вполне вѣрнымъ себѣ и послѣдовательнымъ идеализмъ не отказывается и отъ этого крайняго вывода, приходитъ къ совершенному отрицанію всякой ис-

тины и дѣйствительности, чувственной-ли то или духовной, во всемъ видить одну только непонятную игру призрачныхъ явленій, доказательствомъ тому могутъ служить слѣдующія слова Фихте, одного изъ наиболѣе послѣдовательныхъ идеалистовъ: „Нѣтъ ничего, говоритъ онъ, имѣющаго постоянное бытіе ни внѣ меня, ни во мнѣ, но только одна непрестанная перемѣна. Повсюду я не знаю ни о какомъ бытіи, даже о моемъ собственномъ. Нѣтъ никакого бытія (*es ist kein Seyn*), я самъ вообще не познаю и не существую. Существуютъ только образы (*Bilder*); образы суть единственно то, что есть, и мы знаемъ о себѣ только по способу образовъ, — образовъ, которые проносятся мимо, не имѣя дѣйствительнаго *нѣчто*, мимо котораго они проносятся, — образовъ, не имѣющихъ въ себѣ чего-либо изображаемаго, — образовъ безъ цѣли и значенія. Я самъ только одинъ изъ этихъ образовъ; я самъ не есмь я, но только смѣшанный, сложенный образъ изъ образовъ. Вся дѣйствительность превращается въ какой-то чудный сонъ, безъ живаго существа, которое видить во снѣ, безъ духа, которому свится, — сонъ, который состоитъ въ сновидѣніи о самомъ себѣ. Чувственное воззрѣніе есть сонъ; мышленіе, источникъ всякаго бытія, всякой дѣйствительности, какуютолько я воображаю, — моего бытія, моихъ силъ, моихъ цѣлей, есть только сонъ того сна“ ¹⁾.

Нельзя сильнѣе выразить совершеннаго нигилизма по отношенію къ бытію и познанію, какъ этими словами Фихте. Но подобнаго рода нигилизмъ на самомъ дѣлѣ можетъ существовать только въ фантазіи идеалиста, но не можетъ быть осуществленъ ни въ какой философской системѣ, потому что съ разрушеніемъ коренныхъ основоположеній нашего знанія, — убѣжденія въ бытіи нашего я, не я и существа абсолютнаго разрушается и сама идеалистическая философія. Если все сонъ и призракъ, то идеалистъ долженъ сознаться, что и его собственная философія, какъ произведеніе того или другаго конкретнаго философствующаго мыслителя, есть такой-же призракъ и имѣетъ столь-же мало значенія, какъ и всякая дру-

¹⁾ Ueber die Bestimmung. d. Menschen. 2. B. 245. См. Hageman, Logik. 127.

гая философія, какъ и все вообще, что мы ни признаемъ истиннымъ и дѣйствительнымъ.

Какъ послѣдовательный теоретическій результатъ объективнаго идеализма есть отрицаніе истины всякаго знанія, такъ практической результатъ его необходимо есть отрицаніе всякой нравственности. Въ этомъ отношеніи крайній идеализмъ, хотя по своей сущности представляетъ совершенную противоположность матеріализму, но въ своемъ примѣненіи къ жизни приводитъ къ результатамъ столь-же разрушительнымъ для нравственности, какъ и матеріализмъ, замѣчательно оправдывая пословицу: крайности сходятся. Если-же на практикѣ онъ не выражается столь-же очевидно гибельными послѣдствіями, какъ матеріализмъ, то потому только, что по своему абстрактному характеру никогда не можетъ быть слишкомъ распространенымъ, общедоступнымъ и вліятельнымъ ученіемъ. Причина такого страннаго на первый взглядъ сродства между матеріализмомъ и идеализмомъ заключается въ томъ, что тотъ и другой одинаково отрицаютъ истину конкретно духовнаго бытія нашего я, какъ отдѣльнаго, самостоятельнаго существа, почитая наше я, первый—случайнымъ продуктомъ матеріи, послѣдній—случайнымъ феноменомъ абсолютной субстанціи. Но при такомъ воззрѣніи одинаково исчезаетъ всякая самоопредѣляемость человека, а съ нею вмѣстѣ и всякая нравственность. Что индивидуальная самостоятельность человека, первымъ признакомъ и выраженіемъ которой служитъ свобода, есть необходимое предположеніе нравственности, это несомнѣнно. Нравственность имѣетъ смыслъ только тогда, когда я убѣжденъ, что могу поступать такъ и иначе, хорошо или худо; на этомъ убѣжденіи основывается и нравственная вмѣняемость себѣ и другимъ тѣхъ или иныхъ дѣйствій, отвѣтственность за нихъ передъ судомъ совѣсти, общественнымъ мнѣніемъ и закономъ. Но эта вмѣняемость будетъ пустымъ самообольщеніемъ, даже величайшею несправедливостью, если всѣ дѣйствія, которыя я приписываю себѣ, на самомъ дѣлѣ суть не мои, а только сознательное или безсознательное выраженіе жизни абсолютнаго. Мы жалкіе слѣпцы, стоящіе на низшей степени разсудочнаго, нефилософскаго пониманія, когда думаемъ, будто дѣлаемъ или мо-

жемь дѣлать что-нибудь сами; въ дѣйствительности всѣ явленія идеалистическаго міра какъ въ царствѣ природы, такъ и духа, суть необходимыя проявленія единаго абсолютнаго.

Но при такомъ рѣшительномъ детерминизмѣ, при такомъ отрицаніи личной самостоятельности и свободы, что можетъ служить для человѣка побужденіемъ къ нравственности? Наименѣе еще вредное послѣдствіе такого возрѣнія есть полнѣйшій нравственный индифферентизмъ, сознаніе своего полного нравственнаго безсилія, сознаніе роковой необходимости какъ добра, такъ и зла, оправданіе увлеченій послѣднимъ силою неизбѣжнаго, стоящаго выше человѣка и его обманчивой свободы, закона абсолютной жизни,—закона, который въ сущности ничѣмъ не отличается отъ языческаго рока или судьбы. Но такъ какъ дѣйствительная, живая нравственная жизнь, въ силу присутствія человѣку свободы, никогда не можетъ остановиться на такомъ пассивномъ индифферентизмѣ, то при теоретическомъ отрицаніи свободы, вмѣняемости, загробнаго воздаянія (ибо личное безсмертіе души не имѣетъ мѣста въ идеализмѣ), практическимъ результатомъ всегда можетъ явиться рѣшительное склоненіе на сторону чувственныхъ и злыхъ влеченій, такъ какъ всякая преграда имъ въ сознаніи долга и отвѣтственности въ идеализмѣ разрушена, а всякаго рода оправданіе ихъ всегда готово въ представленіи неизбежности или по малой мѣрѣ въ ничтожности индивидуальныхъ человѣческихъ дѣйствій, какъ случайныхъ феноменовъ столь же случайнаго явленія въ бытіи абсолютномъ, какъ наше конкретное я *).

*) Отрицаніе свободы не единственный губительный для практической жизни результатъ идеализма. Послѣдовательный идеализмъ неизбежно долженъ прійти къ искаженію, даже отрицанію самыхъ коренныхъ нравственныхъ понятій добра и зла. Этотъ результатъ идеализма откровенно высказываетъ Спиноза, когда говоритъ, что различіе добра и зла, вины и заслуги основано только на предразсудкѣ. Такъ какъ люди вообразили себѣ, будто все, что ни происходитъ въ мірѣ, происходитъ для нихъ самихъ и для ихъ блага, то въ каждой вещи они преимущественно стали считать то, что доставляетъ имъ пользу или удовольствіе. Для обозначенія такихъ чисто субъективныхъ отношеній своихъ къ свойствамъ вещей, они и изобрѣли понятія такого рода, какъ напр., добро, зло, порядокъ, безпорядокъ, красота, безобразіе и т. п.; а такъ какъ при этомъ они считали себя свободными, то отсюда и возникли такого рода понятія, какъ похвальное и заслужи-

Предотвратить возможность этихъ столь разрушительныхъ для нравственной жизни результатовъ послѣдовательно проведеннаго идеалистическаго принципа идеализмъ рѣшительно не въ состояніи. Если на самомъ дѣлѣ, на практикѣ онъ оказывается не столь вреднымъ, какъ слѣдовало-бы ожидать, то этого отрицательнаго достоинства никакъ не можетъ ставить себѣ въ заслугу идеализмъ. По сознанию самихъ идеалистовъ, ихъ міровоззрѣніе никогда не можетъ быть всеобщимъ образомъ мыслей, но только спекулятивною философіею. Когда приходится дѣйствовать, то реализмъ овладѣваетъ всѣми нами и даже самымъ рѣшительнымъ идеалистомъ *). Это, конечно, вѣрно, но доказываетъ только несостоятельность идеализма, который не можетъ ни обосновать, ни оправдать того образа дѣйствій, того реализма, который однакоже считаетъ необходимымъ для жизни и непослѣдовательно принимаетъ иныя начала въ теоріи и иныя въ практикѣ, допуская для жизни такія воззрѣнія и такіе мотивы, которые противорѣчатъ принципу его философіи. Конечно въ жизни можно слѣдовать инымъ началамъ, чѣмъ тѣ, которые признаются теоретически; противорѣчіе своимъ убѣжденіямъ явленіе заурядное; но это явленіе никакъ нельзя назвать нормальнымъ и теорія не сдѣлается лучше и возвышеннѣе отъ того, что ей не слѣдуютъ на практикѣ. Изъ того, напримѣръ, что атеизмъ не можетъ стать образомъ мыслей большинства и что самый атеистъ въ жизни можетъ не проводить послѣдовательно своихъ атеистическихъ убѣжденій, а на дѣлѣ можетъ быть не дурнымъ человѣкомъ, ни сколько не слѣдуетъ, чтобы его убѣжденія были безукоризненно нравственны и не могли имѣть губительнаго вліянія на нравственную жизнь. А въ какой мѣрѣ согласны съ истиннымъ поня-

вающее порицаніе, заслуга и виновность. Все, что полезно для здоровья или считается важнымъ въ дѣлѣ религіи, люди называли добромъ, а противоположное тому—зломъ. Но все это не болѣе, какъ субъективныя представленія нашей низшей познавательной силы воображенія (Ethik, übers. v. Kirchmann. 1877. 46. 47). Хотя другіе идеалисты, повидимому, далеки отъ такого рѣзкаго отрицанія объективнаго значенія добра и зла, но въ сущности и ихъ понятія послѣдовательно приводятъ къ тому-же результату. Объ этихъ понятіяхъ и отношеніи ихъ къ нравственности см. „Прав. Обзор.“ за 1881 г. ноябрь, статью: „Пантеизмъ“, стр. 409—479.

*) Beneke. Metaph. 1840. p. 114.

тѣмъ о нравственности нравственные мотивы, указываемые даже наиболѣе далекими отъ рѣшительныхъ выводовъ въ этомъ отношеніи идеалистовъ, для этого достаточно указать на то моральное значеніе, какое придаетъ своей системѣ Фихте. Такъ отъ имени олицетвореннаго имъ духа, открывающаго конечному сознанію тайну абсолютнаго бытія я и ничтожества *не я*, онъ говоритъ: „При такомъ взглядѣ на міръ, о смертный! будь свободенъ и на вѣки искупленъ отъ того страха, который тебя унижалъ и мучилъ. Ты не будешь болѣе дрожать передъ закономъ необходимости, которая существуетъ только въ твоёмъ мышленіи, не будешь страшиться быть подавленнымъ предметнымъ бытіемъ, которое есть твое собственное произведеніе, не будешь болѣе ставить себя, свое мыслящее я въ одинъ классъ съ происшедшимъ изъ тебя, мыслимымъ. Пока ты вѣрилъ, что тотъ порядокъ вещей, какимъ ты его представляешь себѣ, дѣйствительно существуетъ внѣ тебя и, что ты самъ можешь быть звѣномъ въ этой міровой цѣпи, твой страхъ былъ основателенъ. Теперь, когда ты уяснилъ себѣ, что все это имѣетъ бытіе только въ тебѣ и чрезъ тебя самого, ты безъ сомнѣнія не будешь страшиться передъ самимъ собою, передъ тѣмъ, что ты сознаешь собственнымъ своимъ твореніемъ. Отъ этого страха я хочу освободить тебя“ *).

Кто не видитъ, что это нравственное значеніе идеализма противонравственно въ самомъ основаніи своемъ, что безстрашіе и спокойствіе духа, которое оно обѣщаетъ, въ сущности возможно только при томъ убѣжденіи, что всякаго рода нравственныя, ограничивающія свободу предписанія, не имѣютъ объективнаго, безусловно поэтому обязательнаго значенія, что всѣ они суть пустыя субъективныя произведенія моего я, которое также свободно можетъ ихъ отмѣнить, какъ свободно само на себя наложило ихъ? Но такое идеалистическое спокойствіе, какъ основанное на ложномъ принципѣ, слишкомъ не прочно; довольно перваго сильнаго столкновенія съ дѣйствительностію, чтобъ тотъ страхъ, который думаетъ навсегда разсѣять идеалистическая философія, возобновился, не смотря ни на какія увѣ-

*) Fichte, Bestim. d. Menschen.

ренія ея. Тяготѣющая надъ нами власть общественныхъ и нравственныхъ законовъ, мнѣній, обычаевъ, религіозныхъ учрежденій скоро убѣдитъ насъ, что не мы создали окружающій насъ иѳическій порядокъ, но что мы сами волей-не-волей должны подчиняться ему. Да и въ области нашей личной, чисто-внутренней и субъективной жизни, мы скоро убѣждаемся, что нравственные идеи и правила не суть что-либо нами самими созданное, — что мы властны также отмѣнить, какъ властны были узаконить, — но выраженія высшаго, чисто объективнаго и отъ внѣ даннаго закона, предполагающаго существованіе высочайшаго Законодателя. Никакое философское убѣжденіе, что не кто иной, а я самъ далъ себѣ законъ, не въ силахъ заглушить голосъ совѣсти, какъ скоро мы сдѣлали дурное дѣло, не можетъ уничтожить или отмѣнить непріятнаго для насъ нравственнаго предписанія. Истинное спокойствіе духа достигается не этимъ обманчивымъ спекулятивнымъ убѣжденіемъ, но сознаніемъ именно безусловной обязательности нравственнаго закона, какъ закона не нами себѣ даннаго, но верховнымъ Законодателемъ, и въ силу этого — свободнымъ подчиненіемъ этому закону въ сознаніи высочайшаго авторитета, его мудрости и святости.

В. Нудряцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

XXI.

Критическое обозрѣніе философіи Фихте. — Отличительныя черты этой философіи. — Примиреніе реализма и идеализма. — Единство теоретическаго и практическаго сознанія. — Господство теоретическихъ интересовъ въ философіи Фихте, связанное со взглядомъ его на мышленіе, не согласимо съ основнымъ принципомъ философіи Фихте. — Краткая характеристика взглядовъ Фихте на искусство, жизнь общественную, науку и религію, а также на исторію человечества, какъ доказательство очевиднаго отклоненія философіи Фихте отъ основнаго принципа этой философіи (единство теоретическаго и практическаго сознанія) въ пользу рѣшительнаго преобладанія теоретическаго духа. — Связь философіи Фихте съ *романтизмомъ*. — Сближеніе философіи съ искусствомъ въ понятіяхъ Фихте о мышленіи. — Важнѣйшія черты философской теоріи, лежащей въ основѣ романтизма. — Отношеніе философіи Фихте къ прежней философіи. — Понятіе Фихте о мышленіи сравнительно съ понятіемъ о томъ-же предметѣ въ прежней философіи.

Философія Фихте, на сколько широка и разнообразна по вопросамъ и выводамъ входящимъ въ нее, на столько-же проста и не многосложна по основному своему принципу. Принципъ этотъ заключается въ самосознаніи, именно въ способности нашего внутреннѣйшаго существа, обозначаемого словомъ *я*, обращаться къ самому себѣ съ тѣмъ, чтобы познать себя. Обращеніе это очевидно есть актъ, а потому *я* опредѣляется прежде всего, какъ сила дѣятельная, какъ начало активное, а самая дѣятельность, состоящая прежде всего въ самопознаніи, характеризуется тѣмъ, что это начало раздвояется; вслѣдствіе обращенія на себя (рефлексіи) образуется въ нашемъ *я* двой-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1886 г. № 6.

ство субъекта и объекта. Понятно, что и на всемъ продолженіи той-же дѣятельности, въ какихъ-бы формахъ она ни проявлялась, должно отражаться тоже первоначальное двойство ея (субъективность и объективность); дѣйствительно, развитіе ея состоитъ вообще въ непрерывно продолжающемся переходѣ отъ двойства къ единству и обратно.

Таковъ принципъ, положенный Фихте въ основу своей философіи. Изъ этого принципа не трудно вывести всѣ отличительныя свойства философіи Фихте. Прежде всего нельзя не замѣтить, что, по причинѣ двойственности основнаго принципа философіи Фихте, рѣшенія многихъ капитальныхъ вопросовъ также имѣютъ у него двойственный и потому не вполне опредѣленный и твердый характеръ. Для Фихте всякій предметъ, требующій изъясненія, есть прежде всего фактъ сознанія, а такъ какъ основной принципъ Фихте и не допускаетъ иного взгляда на все многообразіе познаваемой нами дѣйствительности, то можно сказать даже, что всякое явленіе дѣйствительности есть для Фихте не болѣе, какъ только представленіе, мысль, понятіе,—вообще сознательно или безсознательно совершаемый актъ сознанія, и вся задача философіи у него заключается въ томъ, чтобы показать, какъ именно мы приходимъ къ тому или иному представленію, понятію. Дѣло въ томъ, что вся дѣйствительность, съ точки зрѣнія Фихте, заключается въ предѣлахъ нашего сознанія и инымъ образомъ ничто для насъ не существуетъ, хотя конечно наше сознаніе и не способно во всемъ производимомъ имъ дать себѣ ясный отчетъ, ибо многое, что происходитъ въ сознаніи, производится невѣдомымъ для него самого образомъ. Правда, Фихте рѣшительно возстаетъ противъ навязыванія ему такого вывода. Онъ говоритъ, что не отвергаетъ существованія эмпирическаго міра внѣ нашего сознанія. Но когда Фихте высказывается такимъ образомъ, то утвержденіе это въ его устахъ имѣетъ и можетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что такъ какъ наше сознаніе раздвоится, именно представляетъ въ себѣ двойство субъективнаго и объективнаго, то и вообще міръ представляется намъ и можетъ быть разсматриваемъ двоякимъ образомъ: со стороны субъективной, такъ представленіе или совокупность представленій, и со сто-

роны объективной, какъ совокупность предметовъ или явленій, существующихъ внѣ насъ,—но и съ этой стороны міръ очевидно не выступаетъ изъ предѣловъ нашего сознанія, ибо хотя и полагается нами, какъ существующій внѣ насъ, но самое это положеніе вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ, что имъ и чрезъ него полагается, есть актъ нашего сознанія ¹⁾).

Указанное сейчасъ двойство рѣшенія относится къ вопросу о бытіи. Такая-же двойственность оказывается и во взглядѣ на познаніе. Всегда существовавшая въ философіи противоположность идеализма и реализма во взглядахъ на познаніе изъ-

¹⁾ „Система, утверждающая бытіе внѣ насъ чувственныхъ вещей (которую Фихте называетъ догматизмомъ и матеріализмомъ), говоритъ: въ объективныхъ представленіяхъ о мірѣ представляется чувственный міръ; мы-же напротивъ, говоримъ, что въ нихъ представляется жизнь самаго сознанія. Настоящій пунктъ, спорный между нашею системою и матеріализмомъ, заключается въ слѣдующемъ: матеріализмъ полагаетъ вещи въ качествѣ основанія, на которомъ утверждается жизнь сознанія вообще (*der Materialismus setzt die Dinge als begründend das Leben des Bewusstseyns überhaupt*); въ этомъ мы ему противорѣчимъ: въ сознаніи представляется жизнь и представляется только самой себѣ (*darstellt sich das Leben und stellt dar nur sich selbst*). Иной вопросъ, и притомъ высшій, заключается въ слѣдующемъ: не представляетъ-ли сознаніе въ самомъ себѣ, совместно съ представленіемъ себя, еще нѣчто иное внѣ себя? Это вопросъ объ основаніи. Но матеріализмъ пользуется этимъ положеніемъ (объ основаніи) неправильно. Онъ говоритъ: 1) есть вещи, и мы это утверждаемъ, 2) поэтому вещи суть основаніе нашихъ представленій, но это вымысль. Какъ возможно, чтобы вещь сдѣлалась образомъ существенно отличнымъ отъ самой вещи и находящимся въ другомъ отъ вещи отдѣльномъ и также существенно различнымъ отъ нея существѣ? (*Werke 2, 623* и д.). Чувственный міръ не что-либо чуждое мышленію и созерцанію, но на нихъ самихъ обоснованное. (*Ibid. 620*). Вещи являются намъ не чрезъ представителей ихъ (*die Dinge erscheinen dir nicht durch einen Repräsentanten*); мы непосредственно сознаемъ вещь и нѣтъ иного чего-либо кромѣ того, что сознается непосредственно. Ты самъ составляешь эту вещь (*Du selbst bist dieses Ding*). Ты самъ, чрезъ внутреннѣйшее основаніе своего существа, свою конечность выставляешь предъ самимъ собою и изъ себя самого исторгаешь, и все, что ты видишь внѣ себя, все это и всегда не что иное, какъ ты самъ. Очень удачно названо это сознаніе созерцаніемъ (*Anschauung*)“ (*2, 228*). „Вещи не что иное, какъ явленія и ничего въ нихъ нѣтъ кромѣ того, чѣмъ онѣ являются“ (*2, 721*). „Съ точки зрѣнія обычнаго сознанія наблюденіе, происходящее въ насъ, изъясняется существованіемъ вещи внѣ насъ. Но самое это положеніе обычнаго сознанія требуетъ изъясненія, и такое изъясненіе возможно лишь съ точки зрѣнія трансцендентальной, на которой не допускается исходить отъ чего-либо внѣ насъ, напротивъ, то, что внѣ насъ, надлежитъ изъяснять изъ того, что въ насъ“ (*Werke 4, 224*).

является, съ точки зрѣнія Фихте, тѣмъ, что идеализмъ беретъ во вниманіе преимущественно одну сторону въ познаніи, а реализмъ—другую, именно идеализмъ придаетъ главное значеніе въ познаніи субъективной сторонѣ и подчиняетъ ей объективную сторону, а реализмъ, напротивъ, преимущественное значеніе даетъ объективной сторонѣ, между тѣмъ какъ обѣ стороны одинаково необходимы въ познаніи, ибо имѣютъ въ основаніи своемъ одно начало (я какъ тожество субъекта и объекта) и раздѣляются только рефлексією; и само сознаніе бы-ло-бы невозможно, не будь противоположности субъективнаго и объективнаго, такъ какъ сознаніе именно и состоитъ въ противопоставленіи одного другому. Но опять совершенно иначе рѣшается тотъ же вопросъ объ идеализмѣ и реализмѣ, когда теоретическое сознаніе сопоставляется съ практическимъ, дѣятельность умственная съ дѣятельностію практическою. Собственно только практическая дѣятельность, по Фихте, приводитъ насъ къ признанію реальности міра; поэтому, казалось-бы, практическая дѣятельность должна быть наиболѣе благопріятною почвою для реалистическаго направленія. На самомъ-же дѣлѣ именно нравственно-практическая дѣятельность есть источникъ идеализма, такъ какъ цѣль таковой дѣятельности, по причинѣ своей безконечности, никогда не можетъ вполнѣ осуществиться, а всегда остается данною лишь въ *идеѣ*, какъ должное, и потому побуждаетъ насъ постоянно возвышаться надъ реальною дѣйствительностію,— т. е. дѣйствовать по мотивамъ идеальнымъ, а не реальнымъ. Такимъ образомъ теперь уже оказывается, что дѣятельность, наиболѣе соприкасающаяся съ *объективнымъ* міромъ и направленная на этотъ міръ, есть источникъ идеализма; теоретическая-же дѣятельность, замкнутая въ себѣ, и потому отличающаяся *субъективнымъ* характеромъ, напротивъ, развивается въ духѣ реалистическомъ.

Но какъ-бы различно ни опредѣлялось отношеніе между реализмомъ и идеализмомъ въ философіи Фихте, важно во всякомъ случаѣ то, что Фихте со всею ясностію провелъ мысль, что реализмъ и идеализмъ въ основаніи своемъ равно необходимы, какъ пополняющія взаимно другъ друга направленія мысли, что какъ то, такъ и другое направленіе равно происте-

каетъ изъ природы нашего духа. Однакожъ и этотъ выводъ философіи Фихте, повидимому твердо обоснованный, представляется несогласнымъ съ отличительнымъ характеромъ философіи самого Фихте. Если идеализмъ и реализмъ представляютъ лишь выраженіе двойственности, свойственной нашему сознанию какъ въ теоретической, такъ и въ практической его области, то философія, которая такъ смотритъ на идеализмъ и реализмъ, должна-бы быть равномерно выраженіемъ того и другого направленія, по крайней мѣрѣ не должна-бы становиться на сторону одного изъ нихъ, отвергая другое. Между тѣмъ Фихте самъ называетъ свою философію трансцендентальнымъ идеализмомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, опредѣляя принципъ своей философіи, Фихте указываетъ два такихъ принципа, признавая ихъ единственно возможными и потому различаетъ двѣ соотвѣтствующихъ тѣмъ принципамъ системы. Эти принципы — умъ и вещь въ себѣ, а системы, основанныя на нихъ, суть идеализмъ и догматизмъ. Фихте принимаетъ лишь первый принципъ, между тѣмъ какъ, по философіи самого Фихте, и другой принципъ столь-же необходимъ, коль скоро наше я есть и субъектъ и вмѣстѣ объектъ. Но безъ сомнѣнія Фихте потому только и отвергаетъ догматизмъ съ его принципомъ, что принципъ этотъ состоитъ въ признаніи бытія въ себѣ, т. е. въ предположеніи, что внѣ нашего сознанія и независимо отъ него, слѣдовательно въ самомъ себѣ существуетъ міръ, могущество котораго простирается и на сознаніе наше. Очевидно, отрицая догматизмъ, Фихте руководился тою мыслию, что для насъ весь міръ заключается въ предѣлахъ нашего сознанія, что не только наши понятія и представленія, вообще познаніе, но и самые объекты познанія даны для насъ только въ нашемъ сознаніи и инымъ какимъ-либо образомъ не существуютъ для насъ. Такимъ образомъ, что Фихте отвергаетъ предположеніе вещи въ себѣ и догматизмъ, основанный на этомъ предположеніи, — это не представляется несообразнымъ съ его философіею лишь при томъ единственномъ условіи, если онъ въ самомъ дѣлѣ отрицалъ реальное, т. е. независимое отъ нашего сознанія бытіе вещей. Итакъ, сколько-бы ни возставалъ Фихте противъ навязываема-

го будто-бы ему отрицанія реального, т. е. независимаго отъ нашего сознанія бытія міра, однако несомнѣнно, что только такое отрицаніе могло быть исходнымъ пунктомъ его философіи.

Впрочемъ не слѣдуетъ забывать и того, что умъ, который у него противопоставляется вещи въ себѣ, не есть тотъ умъ, который каждый въ своемъ сознаніи находитъ дѣйствующимъ по известнымъ законамъ, но умъ всеобъемлющій, содержащій все въ своей власти и познаваемый нами только чрезъ сообщеніе съ нимъ нашего ограниченнаго ума. Дѣйствительно Фихте приходитъ къ мысли объ умѣ всеобщемъ, какъ единственномъ и существенномъ основаніи всякаго индивидуальнаго сознанія ¹⁾; но когда онъ выводитъ познаваемую нами объективную дѣйствительность изъ рефлексивной дѣятельности ума, то ужъ конечно не міровой разумъ, а нашъ личный и субъективный разумъ при этомъ имѣется въ виду. При томъ же, видя необходимость призвать бытіе верховнаго разума, Фихте такимъ образомъ оставляетъ ту точку зрѣнія, на которой онъ предпринялъ построить свою философскую сис-

¹⁾ Всякая философія хочетъ изъяснить сознаніе, но вся донинѣшняя философія имѣла въ виду изъяснить лишь сознаніе индивидуальнаго субъекта. Сознаніе, которое требуется изъяснить, не было мыслимо, какъ сознаніе жизни, заключающей и поглощающей въ себѣ всякую индивидуальность. Наукословіе впервые установило такой взглядъ на сознаніе, и такъ какъ этотъ взглядъ былъ новостію, то и остался онъ незамѣченнымъ, ибо всѣ признали наукословіе индивидуализмомъ, но по крайней мѣрѣ то сдѣлалось очевиднымъ, что индивидуализмъ во взглядѣ на сознаніе ложенъ. Матеріалистъ хотя и можетъ изъяснить согласіе многихъ я въ представленіяхъ о чувственномъ мірѣ, опираясь на вещи въ себѣ, но не говоря о томъ, что себя самого, какъ существо представляющее, онъ не въ состояніи изъяснить, неизъяснимо для него представленіе о другихъ разумныхъ существахъ; ибо желалъ-бы я знать, отъ какого впечатлѣнія чувственнаго объекта можетъ прозойти образъ нечувственнаго я, и какое воздѣйствіе (на чувства) могло-бы дать образъ недѣйствующаго, заключеннаго въ себѣ и отдѣльнаго начала? Идеалистическій индивидуализмъ также бесплечъ объяснить представленіе о другихъ существахъ. Пространство—форма моего созерцанія; посему и все находящееся въ пространствѣ есть мое созерцаніе. Но что пространство—форма созерцанія,—ты знаешь это только чрезъ непосредственное внутреннее созерцаніе, которое индивидуально. И если нѣтъ высшихъ принциповъ (кромя индивидуальных), то свидѣтельствуемое внутреннимъ созерцаніемъ имѣетъ значеніе только для тебя. Пространство—форма индивидуальнаго созерцанія, а потому не слѣдуетъ отсюда, что оно также форма созерцанія и для другихъ индивидуумовъ (т. е. имѣетъ общечеловѣческое, а не индивидуальное значеніе). 2, 623—625.

тому, и состоящую въ томъ предположеніи, что вся дѣйствительность для насъ заключена въ предѣлахъ нашего сознанія и что выступить изъ этихъ предѣловъ для насъ абсолютно невозможно. Хотя-бы даже допустить, что верховный разумъ открывается въ нашемъ ограниченномъ разумѣ, но и при этомъ все-же остается полная невозможность мыслить верховный умъ иначе и не существующимъ, какъ только въ области нашего ограниченного сознанія. А полагая бытіе верховнаго разума внѣ себя, почему также непризнать и реальное бытіе внѣ насъ матеріальнаго міра, съ чѣмъ вмѣстѣ неминуемо также допускается и вещь въ себѣ.

Едва-ли не самою характеристическою чертою философіи Фихте слѣдуетъ признать его мысль о единствѣ теоретическо-познавательной и практическо-творческой дѣятельности духа. Важно въ этомъ случаѣ не столько то, какъ онъ обосновываетъ эту мысль, т. е. не столько самое предположеніе о первоначальномъ и коренномъ единствѣ духа самопознающаго,—сколько то, какъ проводится въ философіи Фихте означенная мысль, какъ понимается у него единство теоретическаго и пракческаго духа.

Полагая въ существѣ духа единство теоретической и практической дѣятельности, Фихте дѣлаетъ отсюда тотъ выводъ относительно познанія, что наше я не только познаетъ, но вмѣстѣ и производитъ предметы познаваемые имъ, такъ что въ самомъ познаніи проявляется свободное творчество духа. Съ другой стороны и самое это творчество, произведеніе объектовъ познанія, также по причинѣ единства теоретическаго и пракческаго сознанія у Фихте опредѣляется, какъ актъ теоретическій, какъ актъ мышленія. Именно этотъ взглядъ свой на познаніе Фихте выражаетъ въ томъ положеніи, что для нашего я все существуетъ на столько, на сколько *полагается* имъ (утвержденіе или положеніе—необходимая форма мысли), какъ существующее. Но прежде всего и болѣе всего сказанное вообще о познаніи прилагается къ самопознанію, причемъ практическая дѣятельность получаетъ болѣе тѣсное значеніе нравственной дѣятельности. Въ обращеніи нашего я на самого себѣ состоитъ самопознаніе, но, въ силу единства теоретическаго созна-

нія съ практическимъ, самопознаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *самообразование*. Силою рефлексіи наше я получаетъ власть надъ собою и какъ-бы создаетъ себя, производитъ свою многообразную жизнь. Наше я, или иначе—духовное наше существо не просто существуетъ, но должно сдѣлать и дѣйствительно дѣлаетъ себя тѣмъ, чѣмъ надлежитъ ему быть. А для того, чтобы наше я могло быть тѣмъ, чѣмъ должно быть, для этого необходима свобода: и на сколько нашему я существенно быть дѣятельнымъ, на столько же свобода есть необходимое его свойство и основной принципъ дѣятельности. Какимъ образомъ наше я свободно, это не можетъ быть объяснено. Конечно безъ рефлексіи, безъ обращенія нашего я къ самому себѣ, свобода не мыслима; но въ свою очередь рефлексія также необходимо предполагаетъ свободу, ибо всякій актъ рефлексіи есть дѣло свободы. Поэтому свобода есть принципъ абсолютный, такой принципъ, котораго нельзя уже вывести ни изъ какого высшаго принципа. А потому свобода служитъ основаніемъ какъ для теоретической, такъ и для практической дѣятельности: она открывается въ той и другой области. Въ области теоретической свободы открывается въ видѣ рефлексіи, которая съ одной стороны производитъ міръ объектовъ, составляющихъ ограниченіе нашего духа, а съ другой чрезъ это именно противопоставленіе духу объективнаго міра приводитъ наше я къ сознанію своего истиннаго существа и предназначенія, заключающагося не въ чемъ иномъ, какъ именно въ свободѣ, ограничиваемой міромъ объективнымъ, чувственнымъ. Въ области же практической свобода открывается въ видѣ стремленія, возбужденнаго именно сознаніемъ своей ограниченности, къ проявленію себя во вѣшнемъ мірѣ чрезъ преодоленіе своей ограниченности, т. е. чрезъ подчиненіе чувственнаго міра нравственнымъ цѣлямъ. Но замѣчательно, что и эта задача въ сущности сводится лишь къ расширенію нашего сознанія, къ развитію рефлексивной дѣятельности мысли; иначе и не могло быть, коль скоро вся дѣйствительность заключена въ предѣлахъ нашего сознанія. Вотъ почему, не смотря на признанное единство теоретическаго и пракческаго духа, господство перваго является въ духѣ философіи Фихте понятнымъ и необходимымъ. Конечно,

свобода есть исходный пунктъ и вмѣстѣ цѣль дѣятельности духа: какъ исходный пунктъ она есть первичное, коренное и потому абсолютное свойство духа, которое ничѣмъ не можетъ быть изъяснено; какъ послѣдняя цѣль дѣятельности, она состоитъ въ господствѣ нравственнаго порядка въ мірѣ, въ устройствѣ всѣхъ внѣшнихъ отношеній человѣка къ природѣ и къ своимъ ближнимъ сообразно съ требованіями разума, т. е. нравственнаго закона, каковая цѣль никогда исполнѣ не можетъ быть осуществлена, и вся исторія человечества есть только приближеніе къ этой цѣли.

Но будучи только исходнымъ пунктомъ и цѣлью дѣятельности, свобода хотя и есть необходимое предположеніе дѣятельности, однакожь не есть самая эта дѣятельность. Поэтому свобода—не дѣйствительное состояніе духа, а есть лишь идея, принципъ; въ дѣйствительномъ своемъ состояніи наше я всегда сознаетъ себя ограниченнымъ, слѣдовательно несвободнымъ. Рефлексія, правда, освобождаетъ насъ отъ ограниченности, но она-же, какъ сказано, и создаетъ опять снова ограниченность и потому процессъ освобожденія, происходящій чрезъ нее, состоитъ въ постепенномъ расширеніи границы, такъ что рефлексія хотя и есть всегда актъ свободный, не есть однако сама свобода, а только средство къ осуществленію свободы,—она происходитъ всегда въ интересѣ свободы. Иначе сказать,—вся дѣятельность духа есть дѣятельность умственная, рефлексивная, такъ что по идеѣ своей духъ есть царство свободы, сила торжествующая надъ всякою ограниченностію, а по своему дѣйствительному состоянію онъ всегда есть *мышленіе*, или точнѣе есть обнаруженіе дѣятельности мышленія, которая раскрывается въ большей или меньшей степени во всѣхъ индивидуальныхъ я.

Итакъ Фихте вышелъ изъ того предположенія, что духъ нашъ въ своемъ корнѣ есть на столько-же сила умственная, на сколько и творчески-производительная, и затѣмъ приходитъ къ тому выводу, что вся дѣятельность нашего духа есть рефлексивная, т. е. умственно-созерцательная, ибо состоитъ въ развитіи мышленія. Какъ мысль о необходимомъ единствѣ идеализма и реализма не оправдывается філософією самого Фихте исключи-

тельно идеалистическою, такъ равно, вопреки своему предположенію о первоначальномъ единствѣ практическаго и теоретическаго духа, Фихте является выразителемъ однихъ только умственно-теоретическихъ интересовъ и интересовъ просвѣщенія, и за нихъ только ратуетъ. Въ этомъ можно убѣдиться вполне на основаніи самаго бѣлаго обозрѣнія его взглядовъ на важнѣйшіе интересы человѣческой жизни, а равно и на всю историческую жизнь человѣчества.

Такъ какъ дѣятельность умственная, именно мышленіе, есть та сила, которая, по мѣрѣ своего развитія, ведетъ, по мнѣнію Фихте, къ осуществленію конечной цѣли жизни, ибо цѣль эта заключается въ свободѣ, а свобода безъ рефлексіи невозможна, то вотъ почему всѣ важнѣйшіе жизненные интересы и высшія стремленія, проявляемые человѣчествомъ въ религіи, искусствѣ, въ жизни общественной—все это сводится къ различнымъ видамъ обнаруженія одной и той-же дѣятельной силы мышленія, причемъ мышленіе для Фихте, согласно съ основнымъ принципомъ его философіи, есть не только субъективная дѣятельность, но и объективная міровая сила, которая проявляетъ свое творческое могущество какъ въ природѣ вообще, такъ и въ исторіи человѣчества по преимуществу ¹⁾. Съ другой стороны, полагая, что существо міротворящаго жизненнаго процесса какъ

¹⁾ Противъ метода философіи Фихте можно возразить, что необходимо мыслимое, въ силу законовъ мысли, философія эта принимаетъ за существующее и такимъ образомъ мыслимое смѣшиваетъ съ дѣйствительнымъ, произвольно переходя изъ области мышленія въ область дѣйствительнаго бытія. На это возраженіе Фихте такъ отвѣчаетъ: „мы никакъ этого не дѣлаемъ, мы остаемся въ области мышленія, и въ этомъ состоитъ все еще продолжающееся непониманіе (Misverstehen) трансцендентальной философіи, что признаютъ такой переходъ все еще возможнымъ, требуютъ его и находятъ мыслимымъ бытіе въ самомъ себѣ“. „Что мы въ дедукціи, посредствомъ нашихъ заключеній, выводимъ—есть мышленіе и то, что независимо отъ всякихъ заключеній содержится въ насъ, какъ первое и непосредственное, также есть мышленіе. Лишь въ томъ различается одно отъ другаго, что основанія, на которомъ утверждается послѣднее, мы не сознаемъ, а потому и представляется просто, какъ необходимое, и вслѣдствіе того получаетъ предпять *реальности*, наблюдаемости; напротивъ первое лежитъ въ ряду основаній сознаваемыхъ нами. О бытіи, какъ бытіи въ себѣ самомъ, и рѣчи быть не можетъ, ибо разумъ не можетъ изъ самого себя выступить“. (4. 16, 17). „И наше я и ви́шній объектъ равно полагаются (т. е. существуютъ) чрезъ общее и абсолютное мышленіе и потому составляютъ его произведенія“. (Кн. 2, 562).

въ природѣ, такъ и въ духѣ человѣческомъ, заключается въ дѣятельности мышленія, Фихте изъясняетъ этотъ процессъ на основаніи субъективныхъ формъ, свойственныхъ *нашему* мышленію. Дѣятельность нашего мышленія вообще состоитъ въ отвлеченіи. Въ приложеніи къ нашему я процессъ отвлеченія очевидно должно понимать, какъ отрѣшеніе нашего я отъ самого себя, именно отрѣшеніе отъ своей чувственной природы и преданіе себя во власть природы сверхчувственной, идеальной; такимъ образомъ рефлексія производитъ въ нашемъ я раздѣленіе этой двойкой природы — чувственной и сверхчувственной, реальной и идеальной. Далѣе отвлеченіе, какъ дѣйствіе мышленія, соединяется всегда съ другимъ дѣйствіемъ того-же мышленія — *обобщеніемъ*, т. е. усвоеніемъ общаго значенія тому, что получено чрезъ отвлеченіе; поэтому рефлексивная дѣятельность мышленія, производя означенное раздѣленіе двойкой природы нашего я, имѣетъ при этомъ своею цѣлью — освобожденіе нашего я отъ ограниченности индивидуальной (отъ эгоизма) и утвержденіе господства въ немъ *общаго* родоваго начала, для чего необходимо свободное служеніе нашего я общимъ идеямъ, т. е. стремленіе къ осуществленію ихъ въ жизни. „Все великое и доброе, говоритъ Фихте, чѣмъ обладаетъ наше время, сдѣлалось дѣйствительнымъ только благодаря самоотверженію нашихъ предковъ во имя идеи“. Ибо жизнь родовая (какъ противоположность индивидуальной) выражается въ идеяхъ. Поэтому предать свою жизнь на служеніе роду (человѣческому) значитъ быть преданнымъ идеямъ. Идея же, по опредѣленію Фихте, есть самостоятельная въ себѣ живущая и матерію оживляющая мысль. Фихте признаетъ превратнымъ (*die verkehrte Ansicht*) то представленіе, господствовавшее въ XVIII в., что самостоятельность, стойкость и внутренняя непоколебимость (*das auf sich selber Beruhen und in sich selber Bestehen*) свойственны только бытію мертвому и неподвижному, т. е. матеріи, причемъ мышленіе оказывается совершенно излишнимъ и непонятнымъ придаткомъ (*Zugabe*). „Нѣтъ, мышленіе само есть несомнѣнно и единственно самостоятельное и опирающееся на самоъ себѣ начало, — конечно не то мышленіе, для котораго нуженъ особый мыслящій индивидуумъ, но

мышленіе вѣчное и единое, въ которомъ всѣ индивидуумы составляютъ только мыслимое (Gedachtes) ¹⁾. Не смерть, а жизнь есть корень міра и все кажущееся мертвымъ есть только меньшая степень жизни“. А мышленіе и есть жизнь, ибо самостоятельное есть существенно живое. Вся жизнь въ матеріи есть выраженіе идеи; матерія—проявленіе скрытой идеи; открыто же и явно идея представляется тогда, когда личная жизнь приносится въ жертву идеи; низшая степень жизни—жизнь чувственная—при этомъ поглощается собственною жизнью идеи: не плоть живетъ въ собственномъ смыслѣ, а только духъ. *Идея самостоятельна*, а потому довлѣетъ себѣ и вичего кромѣ себя не ищетъ; она цѣнитъ и любитъ свою жизнь не по чуждому для нея какому-либо масштабу удачи, пользы или выгоды. И въ цѣломъ родѣ, и въ каждомъ особомъ ея проявленіи, цѣлью для нея служить не счастье, а абсолютное достоинство. *Идея сама по себѣ достаточна для живой и дѣятельной жизни*, которая вѣчно изъ самой себя истекаетъ, ни въ чемъ постсровнемъ не нуждаясь. Поэтому и блаженство жизни—въ идеѣ; удовлетвореніе, доставляемое служеніемъ идеѣ, должно быть всегда полно, совершенно и неизмѣнно.

И такъ мышленіе, по философіи Фихте, или иначе жизнь идеи, обладаетъ бытіемъ самостоятельнымъ, всеобъемлющимъ, первоначальнымъ. Понятно, что такое субстанціальное мышленіе, эта абсолютная идея (по терминологіи Гегеля), можетъ различаться для нашего сознанія лишь по предметамъ, въ отношеніи которыхъ оно проявляетъ свою творческую силу. Первый, равнѣ другихъ возникшій въ человѣчествѣ и далеко распространенный родъ выраженія идеи въ матеріи и служенія общему идеальному началу, представляетъ собою искусство. Въ искусствѣ творческая дѣятельность идеи сама на себѣ опирается, а никакъ не на опытъ и наблюденіи: опытъ и наблюденіе показываютъ намъ повсюду лишь отдѣльные случаи, а всякій отдѣльный случай всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто небла-

¹⁾ Die Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters. Dritte Vorlesung. Werke 7, 34 п д.

Das Individuum als solches ist gar nicht das Leben in seiner Einheit, sondern es ist nur ein Bruchstück desselben. 2, 607.

городное и ненавистное, такъ что повтореніе отдѣльныхъ случаевъ въ искусствѣ было-бы только умноженіемъ недостойнаго и ненавистнаго. Несомнѣнно, что художникъ, когда отдается своему искусству, то испытываетъ величайшее наслажденіе, ибо все его существо поглощено свободнымъ и самодовольнымъ творчествомъ (*Urthätigkeit*). Другая форма идеи, ея творческой производительности, представляется намъ въ сферѣ общественныхъ отношеній, въ дѣятельности гражданской. Здѣсь творческая сила мысли является источникомъ міровыхъ гражданскихъ идей, рождаетъ героевъ и есть виновница всякаго права и порядка между людьми. Какимъ наслажденіемъ и въ этой области наполняетъ она преданную ей душу, — это знаетъ по собственному опыту тотъ, кто думаетъ о мірѣ и отечествѣ и способенъ служить имъ съ забвеніемъ самого себя. Третья форма идеи есть изліяніе первичной, т. е. творческой силы въ видѣ построенія, и воспроизведенія единственно изъ себя, т. е. изъ мышленія, всего мірозавія, — такова наука. Наслажденіе, доставляемое наукою посвященнымъ въ нее, духовнѣе и потому глубже (*durchdringender*) и выше, чѣмъ всякое другое, также почерпаемое изъ идеи, ибо въ дѣятельности научной идея не просто присутствуетъ, но, сама же изъ себя самой истекая, является дѣятельною и въ этой дѣятельности сама себя ощущаетъ и наслаждается собою. Безъ всякаго сомнѣнія это величайшее блаженство, какое только возможно для смертнаго въ этой жизни.

Накопецъ наиболѣе широкая, все въ себя приемлющая и на каждую душу простирающаяся, форма идеи состоитъ въ устремленіи всякой дѣятельности и всякой сознательной жизни въ единый непосредственно ощущаемый первоисточникъ жизни, — такова *религія*. У кого это сознаніе своего непосредственнаго общенія съ первоисточникомъ жизни, со свойственными такому сознанію искренностію и непоколебимой увѣренностію, — возникло и сдѣлалось душою всего прочаго знанія, мышленія и чувствованія, тотъ сдѣлался обладателемъ такого блаженства, котораго уже ничто не можетъ смутить. Что-бы ни случилось съ нимъ, во всемъ онъ будетъ видѣть проявленіе того первоисточника жизни, который для него всегда святъ и благъ и

котораго онъ не можетъ не любить во всякомъ видѣ; что-бы ни случилось ему дѣлать и какъ-бы ни было его дѣло тягостно и мелочно, для него это воля Божія, между тѣмъ нѣтъ большаго счастья для него, какъ быть орудіемъ воли Божіей, съ которою воля такого человѣка всегда составляетъ одно. Кто съ этою вѣрою и съ этою любовью пашетъ свое поле, тотъ безконечно благороднѣе и блаженнѣе того, кто безъ этой вѣры горы передвигаетъ.

Всѣ означенныя формы идеи различнымъ образомъ проявляютъ одну и ту-же всеобъемлющую жизнь. Такое возрѣвіе на разнообразныя жизненныя отношенія и стремленія, какъ на выраженія абсолютной идеи, или иначе,—всеобщаго субстанціального, т. е. единственно на себѣ опирающагося, мышленія стоитъ въ необходимой связи, какъ было уже замѣчено, съ нравственнымъ побужденіемъ къ отрѣшенію своего я отъ чувственной природы и возвышенію его въ область сверхчувственнаго, идеальнаго. „Ничто отдѣльное, говоритъ Фихте, не можетъ жить въ себѣ и для себя, но все живетъ въ цѣломъ и это цѣлое связанное узами невыразимой любви, умираетъ непрестанно для самого себя, дабы вновь ожить. Такимъ образомъ вѣчно себя объемлющая (erfassende), въ себѣ самой и изъ себя самой живущая, единая идея вьется сквозь единый потокъ времени и притомъ такъ, что въ каждый моментъ времени себя вполнѣ объемлетъ и проникаетъ. Ибо что содержится въ каждомъ моментѣ на столько-же опредѣляется всѣмъ предъидущимъ, на сколько опредѣляетъ собою послѣдующее ¹⁾).

П. Линицкій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Die Grundzüge des gegenwärt. Zeitalters. Vierte Vorlesung.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

22. Симонидъ Кеосскій.

Къ архаическому періоду мыслительной дѣятельности греческаго генія принадлежитъ нѣсколько поэтовъ-мыслителей. Мы уже отмѣчали нѣчто подобное относительно Солона и нѣкоторыхъ другихъ изъ семи мудрецовъ, также относительно Ксенофана. Къ числу такихъ же поэтовъ-мыслителей принадлежалъ и Симонидъ Кеосскій, родившійся въ 559-мъ и умершій въ 469 году до Р. Хр. Онъ былъ современникомъ лучшей поры греческой исторіи и стоялъ близко ко всѣмъ важнѣйшимъ событіямъ этой поры и къ лицамъ, игравшимъ болѣе или менѣе видную роль въ этихъ событіяхъ. Будучи художникомъ-поэтомъ и услаждая слухъ тиранновъ своего времени, равно какъ и свободныхъ гражданъ своими лирическими произведеніями, онъ въ то же время всматривался всесторонне въ жизнь и разсудкомъ, извлекая изъ нея поучительныя мысли въ назиданіе современникамъ. Его мудрыми совѣтами не пренебрегали и такія лица, какъ знаменитые тиранны Сиракузскіе: Оеронъ и Гіеронъ. Его мнѣнія цѣнились и по всей обширной греческой территоріи, записывались на память потом-

ству и въ послѣдствіи вошли въ сборники поучительныхъ мнѣній поэтовъ, которые потому такъ и называются гримическими (γρῳμικῆ—мнѣніе). Съ любовью вносили эти мнѣнія въ свои сборники и такіе собиратели изреченій древне-греческихъ мыслителей, какъ Плутархъ, Стобей и др. Вотъ изреченія, извѣстныя съ именемъ Симонида:

Когда кто-то сказалъ Симониду, что многіе злословятъ его при немъ самомъ, поэтъ мыслитель замѣтилъ сказавшему: да перестанешь-ли ты когда-нибудь напѣвать мнѣ въ уши злословія?

Когда кто-то просилъ Симонида сочинить ему похвальные стихи, сказавъ, что онъ выразитъ ему за это благодарность, а денегъ не давалъ, то Симонидъ сказалъ ему: я имѣю два ящичка: одинъ для собиравія въ него благодарностей, а другой—для собиравія денегъ; и во время нужды первый, когда открою, нахожу пустымъ, а послѣдній одинъ только способнымъ привести пользу и удовлетворить нуждѣ.

Спрошенный о томъ, почему въ глубокой старости былъ сребролюбивъ, онъ отвѣтилъ: потому что я болѣе желаю по смерти оставить богатство врагамъ, нежели при жизни—раздавать его друзьямъ,—каковыми словами указалъ на непрочность дружбы многихъ людей.

Вся ревность о честности, говорилъ Симонидъ, въ концѣ концовъ сводится подъ землю ¹⁾.

По словамъ Симонида, квадратомъ (четыреугольникомъ прямоугольнымъ) можетъ быть названъ тотъ, кто при всякой перемѣнѣ счастья и обстоятельствъ остается непоколебимымъ, хорошо ладитъ съ начальствующими и подчиненными, а также со всѣми, къ нему относящимися, и всякое во всемъ различіе приводитъ въ согласіе на одномъ основаніи правильности отношеній.

Въ одно время Симонидъ пришелъ къ Герону, тирану Сиракузскому. На досугѣ Симонидъ говорилъ Герону: не расскажешь-ли ты мнѣ о томъ, что, по всей вѣроятности, знаешь

¹⁾ Смыслъ изреченія тотъ, что слава за честную жизнь воздается только за гробомъ.

лучше меня?—Что-же это такое, спросилъ Гіеронъ, что бы зналъ я лучше тебя, мужа столь мудраго?—Я знаю, сказалъ Симонидъ, что ты родился простымъ, частнымъ человѣкомъ, а теперь сталъ тиранномъ: такъ, по всей вѣроятности, ты испыталъ и то и другое состояніе и лучше меня знаешь, чѣмъ различается жизнь тирана отъ жизни частнаго человѣка со стороны человѣческихъ радостей и скорбей. Не правда-ли, что въ жизни тирана больше радостей, нежели скорбей? Но Гіеронъ возразилъ: не совсѣмъ такъ. Знай, что тираны гораздо менѣе испытываютъ радостей, нежели посредственно живущіе частные люди, и наоборотъ гораздо болѣе, нежели послѣдніе, испытываютъ скорбей.—Ты говоришь невѣроятное, сказалъ Симонидъ; если это такъ, то почему-же многіе желаютъ достигнуть власти тирана и въ особенности изъ тѣхъ, которые, повидимому, болѣе всего должны были-бы быть довольны своимъ положеніемъ? Почему всѣ такъ завидуютъ тиранамъ?—Потому, отвѣтилъ Гіеронъ, что, клянусь Зевсомъ, они не испытали хорошо ни того, ни другаго: ни жизни простыхъ людей, ни жизни тирана. Тогда Симонидъ сказалъ: если это все вѣрно, то уже нельзя отрицать того, что жизнь тирана во много разъ превосходитъ жизнь простаго человѣка тѣмъ, что тиранъ многое можетъ замыслить и замышляемое скоро исполнять, имѣя всѣ способы къ тому. Съ этимъ не могъ не согласиться Гіеронъ.

Въ другой разъ Гіеронъ задалъ Симониду вопросъ: что есть Богъ? Симонидъ попросилъ на размышленіе три дня. Когда прошло три дня и Гіеронъ опять спросилъ у Симонида отвѣта на данный вопросъ, поэтъ-мыслитель попросилъ на размышленіе еще нѣсколько дней. Когда же Гіеронъ спросилъ его, почему онъ такъ долго думаетъ надъ этимъ вопросомъ, Симонидъ сказалъ: чѣмъ глубже вникаю я въ то, что такое Богъ, тѣмъ менѣе объемлю Его разумомъ, и чѣмъ дольше о томъ размышляю, тѣмъ менѣе удобнымъ нахожу для размышленія этотъ серьезный предметъ.

Спросившему о томъ, кто суть благородные люди, Симонидъ отвѣтилъ: тѣ, которые рождены отъ людей, издавна извѣстныхъ своимъ богатствомъ.

На вопросъ о томъ, сколь долго онъ живетъ на свѣтѣ, Симонидъ отвѣчалъ: времени не много, но лѣтъ много.

Когда кто-то спросилъ Симонида: что лучше всего для человѣка? онъ отвѣтилъ: добрая совѣсть.—А что хуже всего?—другой человѣкъ.

На вопросъ: кто истинно богатъ?—Симонидъ отвѣчалъ: кто ничего не желаетъ;—а кто бѣднѣе всѣхъ?—похотливый.

На вопросъ: какое лучшее приданное невѣстѣ? Симонидъ отвѣтилъ: чистота и стыдливость.

На вопросъ: какъ узнать благоразумнаго? Симонидъ отвѣтилъ: его узнать можно потому, что онъ не вредитъ, когда-бы могъ вредить.—А безумнаго?—Этого можно узнать потому, что онъ и хочетъ вредить, да не умѣетъ и не можетъ осуществить своего желанія.

Иныя изреченія Симонида:

Выгоднѣе молчать, нежели говорить; ибо при молчаніи ни одинъ не впадалъ въ безчестіе; а отъ многословія—многіе.

Не вини никого за несчастіе.

Невинному пріятно страдать не по правдѣ.

Счастіе оставляетъ скоро, а добрая надежда—никогда ¹⁾).

23. ТЕОГНИДЪ МЕГАРСКІЙ.

Подобнымъ Симониду поэтомъ-мыслителемъ былъ и Теогнидъ Мегарскій, младшій современникъ Симонида. Время процвѣтанія его относится къ 540—500 г. до Р. Хр. Название „Мегарскій“ шло къ нему съ двухъ сторонъ: по рожденію въ Мегарѣ аттической и по многолѣтнему пребыванію въ Мегарѣ Сицилійской. Онъ принадлежалъ по рожденію къ благородному дорическому семейству и твердо отстаивалъ права аристократіи по отношенію къ низшимъ классамъ народа въ Мегарѣ аттической. Но когда династія Кипселидовъ взяла верхъ надъ аристократіею и даровала свободу и собственность низшимъ сословіямъ, тогда Теогнидъ, вмѣстѣ съ другими аристократа-

¹⁾ Stobei, Florilegium, pagg. 32; 130; 132; 303; 311; 332; 333; 495; 533 ed. cit. Сравни также „Апофѳегмата, т. е., краткихъ витѣватыхъ и правоучительныхъ рѣчей книги три“, стр. 86—87. Спб. 1765.

ми, вынужденъ былъ бѣжать изъ Мегары аттической и тогда же, быть можетъ, переселился въ Мегару Сицилійскую. Большихъ подробностей о жизни его неизвѣстно, кромѣ того немногаго, о чемъ можно заключать изъ дошедшихъ до насъ элегій его, въ которыхъ напръ есть указаніе на привязанность поэта-мыслителя къ молодому аристократу Кирну, на нѣкоторыя войны время поэта и др. Изъ самыхъ дошедшихъ до насъ элегій Теогида, собранныя во едино, большею частію нравоучительнаго характера. Въ общемъ такого-же характера и другія, приписываемыя ему изреченія. Вотъ эти изреченія:

Даже Зевсъ не всѣмъ пріятель, если не орошаетъ землю дождемъ и не наблюдаетъ правосудія.

Не будь исполненъ дѣлами ни постыдными, ни несправедливыми.

Ни почестей, ни преимуществъ, ни богатства не домогайся.

Съ людьми дурными не веди бесѣдъ, но держись постоянно людей хорошихъ; съ ними пей и ѣшь; съ ними сиди и старайся понравиться имъ. Значеніе ихъ велико; ибо отъ хорошихъ и научишься хорошему; а если будешь имѣть общеніе съ дурными людьми, то потеряешь и тотъ умъ, какой имѣешь.

Хорошіе люди не служатъ къ гибели государства; а когда дурнымъ людямъ вздумается своевольничать, когда они начнутъ развращать народъ, оправдывать несправедливыхъ изъ-за своихъ выгодъ и изъ-за того, чтобы показать свою силу, тогда не надѣйся, чтобы государство было долго въ безопасности.

Государство бываетъ одно и то-же, а люди въ немъ различны въ разное время.

Безъ всякой нужды не дѣлай другомъ кого-бы то ни было изъ гражданъ; ибо часто кто-либо на словахъ является другомъ, а на дѣлѣ полонъ коварства, обмана и лукавства.

Никогда не будь на столько довѣрчивъ, чтобы совѣтоваться съ дурнымъ человѣкомъ по какому-либо важному дѣлу. Лучшее и длинный путь сдѣлай, да только посоветуйся съ человѣкомъ хорошимъ.

Даже и друзьямъ не всѣмъ сообщай о какомъ-либо важномъ дѣлѣ: подлинно только не многіе изъ многихъ имѣютъ заслуживающій довѣрія умъ.

Вѣрный человекъ заслуживаетъ предпочтенія золоту и серебру въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Не многихъ людей найдешь вѣрными друзьями въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Если кто-либо будетъ хвалить тебя только тогда, когда ты при немъ находишься, а вдали отъ тебя будетъ говорить о тебѣ нехорошее, тотъ нехорошій другъ: на языкѣ у него хорошее, а на умѣ иное.

Дѣлать добро людямъ злымъ совершенно напрасно: это все равно, что сѣять сѣмена въ пучину морскую.

Много можетъ быть у тебя друзей по пищѣ и питью; но мало ихъ по дѣламъ серьезнымъ.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ узнать человекъ двуличнаго. Легче для человекъ разумнаго узнать поддѣльность золота и серебра, нежели двуличность человекъ.

Ничего для человекъ нѣтъ лучше отца и матери, которые заботятся быть во всемъ справедливыми и благочестивыми.

Никто самъ не бываетъ виновникомъ своего матеріальнаго благополучія или неблагополучія: раздаватели того и другаго суть боги.

Никто изъ людей, дѣлая какое-либо дѣло, не вѣдаетъ, хорошо или дурно кончится оно: ибо часто думая, что оно окончится дурно, онъ оканчиваетъ его хорошо и, наоборотъ, думая, что оно окончится хорошо, оканчиваетъ его дурно. Конецъ всему полагаютъ боги по своему разуму.

Никто изъ смертныхъ, обманувшій чужестранца или просящаго о защитѣ, не утаится отъ бессмертныхъ.

Деньги Богъ даетъ и весьма дурному человекъ; добродѣтель же достается на долю лишь немногихъ.

Первое зло, какое попустилъ Богъ человекъ, была надменность.

Пресыщеніе рождаетъ наглость, когда человекъ дурному выпадаетъ на долю счастье и когда человекъ этотъ не обладаетъ здоровымъ умомъ.

Никогда не гнѣвайся на людей за бѣдность и не называй нищеты пагубною; ибо Зевсъ въ различное время различно распределяетъ таланты, иногда даетъ богатѣть, а иногда—ничего не имѣть.

Многіе имѣютъ худыя мысли, но счастіемъ пользуются, такъ что и кажущееся дурнымъ у нихъ обращается въ хорошее.

Есть люди, которые подаютъ разумныя совѣты, но сами не имѣютъ въ жизни счастья, и конецъ дѣла не соотвѣтствуетъ предпріятіямъ ихъ.

Безъ Бога никто изъ людей не бываетъ ни богатымъ, ни бѣднымъ, ни дурнымъ, ни хорошимъ.

Различныя несчастія посѣщаютъ различныхъ людей; но истинно счастливаго нѣтъ ни одного изъ людей, какихъ только видитъ солнце.

Молись богамъ: богамъ принадлежитъ власть; безъ боговъ не бываетъ у людей ни добраго, ни злаго.

Болѣе всего удручаетъ хорошаго человѣка бѣдность.

Бѣдному человѣку лучше умереть, нежели жить удручаемому тяжкою бѣдностію.

Мы живемъ среди барановъ и ословъ и лошадей благородныхъ, ибо и они происходятъ изъ хорошихъ породъ; и хорошій человѣкъ старается не жениться на дурной жещинѣ, происшедшей отъ дурнаго человѣка, если только этотъ послѣдній не дастъ за нею много денегъ. Равнымъ образомъ и жещина не отказывается выходить замужъ за богатаго, предпочитая богатство мужа хорошимъ качествомъ его, потому что всѣ любятъ деньги. Поэтому нѣтъ надобности удивляться тому, что родъ гражданъ все болѣе и болѣе унижается чрезъ смѣшеніе хорошихъ съ дурными.

Богатство, которое получается отъ Бога и котораго достигаетъ человѣкъ правдою и чистотою, всегда процвѣтаетъ на долго. Если-же человѣкъ прибрѣтетъ его неправедно, то хотя на видъ онъ и кажется счастливымъ, однако конецъ такого богатства всегда бываетъ несчастливъ; ибо разумъ боговъ превосходитъ умъ человѣческой и не допуститъ онъ, чтобы несправедливость оставалась не отмщенною.

Для бѣглеца нѣтъ вѣрнаго друга и пріятели; и это—самое большее несчастіе въ бѣгствѣ.

Много пить вина не хорошо; а если кто пьетъ его умѣючи, тотъ человѣкъ хорошій, а не дурной.

Различнымъ образомъ испытывай нравъ друзей, особенно же смотри, каковъ кто во гнѣвѣ.

Не очень печалься о томъ, что граждане находятся въ смятеніи; самъ-же иди средеимъ путемъ между крайностями.

Кто считаетъ другихъ ничего не знающими, а себя одного—обладающимъ великими помыслами, тотъ неразуменъ.

Будучи крѣпостію и твердынею для пустоголовой толпы, доблестный мужъ обыкновенно удостоивается малой чести отъ нея.

Прекрасное дѣло—полнѣйшая справедливость; весьма хорошо—быть вполне здоровымъ; пріятнѣйшая вещь—быть любимымъ отъ того, кого кто любить.

Я подобевъ прекрасной выведенной на арену лошади, носящей на себѣ весьма дурнаго человѣка—сѣдока. И это для меня величайшее несчастіе. Часто я намѣревался, сбросивъ узду, бѣжать, свергнувъ съ себя дурнаго возницу.

Бѣдность всѣмъ извѣстна и всѣхъ чуждается. Ни на площадь не выходитъ она, ни на судъ; ибо всюду она привижается, всюду осмѣивается, вездѣ она враждебна, куда-бы ни появилась.

Человѣку, привыкшему все порицать, ничего не нравится въ государствѣ; а чтобы спасти государство, на это многихъ не хватаетъ.

Въ нынѣшнее время несчастіе хорошихъ людей служить къ счастію дурныхъ людей. Люди руководятся дурными законами. Стыдъ потерянь. Безстыдство и наглость, преодолевъ справедливость, возобладали во всей землѣ.

Даже и левъ не всегда пользуется мясомъ, но иногда самъ попадаетъ въ ловушку охотника, будучи сильнымъ животнымъ.

Для человѣка болтливаго молчаніе есть тягостнѣйшая скорбь. Непріятно трещать, онъ привязывается ко всякому, съ кѣмъ бываетъ въ обществѣ. Его всѣ ненавидятъ и однако присутствіе такого человѣка дѣлается необходимымъ для пирушки.

Никто не хочетъ быть другомъ, когда съ человѣкомъ случится несчастіе.

Добрую жизнь не должно ограждать рѣшеткою, а только оставлять въ покоѣ и отвращать зло, если-бы оно постигло не по справедливости.

Злые люди дѣлаются злыми не всегда только изъ голода,

но, соединяясь узами дружбы съ злыми людьми, они научаются злымъ дѣламъ, непохвальнымъ рѣчамъ и наглости, надѣясь, что они все говорятъ хорошо.

Не дружись съ человѣкомъ, гоняющимся за надеждою на что-либо; потому что, пришедши домой, онъ уже не становится тѣмъ-же человѣкомъ.

Не нужно слишкомъ усердствовать: середина во всемъ—самое лучшее дѣло; благодаря ей можно стяжать славу доблестнаго мужа, которую получить вообще весьма трудно.

Въ бѣдствіи не унывай, если ты былъ порадованъ и счастлиемъ и если судьба къ счастью присоединила и несчастіе. И если ты отъ добра получилъ зло, то старайся выпутаться изъ него, молясь богамъ.

Никакого сокровища не оставишь ты дѣтямъ лучше стыдливости, присущей хорошимъ людямъ.

Многимъ людямъ не положено двери огражденія на уста, и они много заботятся о томъ, о чемъ вовсе не слѣдовало-бы имъ заботиться.

Родить и воспитать человѣка тѣлесно легче, нежели вложить въ него добрыя мысли.

Не сообразно женѣ молодой принадлежать мужу старому; ибо, подобно челноку, привязанному къ кораблю, она не можетъ сообразоваться съ движеніями кормы и не имѣетъ подъ собою якоря; но, оторвавъ веревки, часто по ночамъ находитъ другую пристань.

Съ добродѣтелию лишь имѣй дѣло, и да будетъ любезно тебѣ сираведливое; да не возобладаетъ надъ тобою корысть, постыднѣе которой нѣтъ ничего.

Вино, если его пить не въ мѣру, и неблагоприятнаго и мудраго человѣка умъ дѣлаетъ одинаково легкомысленнымъ.

Золото и серебро свѣдущіе люди познаютъ на огнѣ, а умъ человѣка показываетъ себя чрезъ вино.

О если-бы люди не слишкомъ чтили богатства! Оно легко приноситъ зло.

Хорошимъ людямъ прилично имѣть и богатство, а злему болѣе приличествуетъ бѣдность.

Сердце мое всегда смягчается, когда я услышу тихіе звуки игры на флейтѣ.

Какъ изъ морской луковицы не родится роза или гіацинтъ, такъ и отъ человѣка низкой породы не происходитъ человѣкъ истинно благородный.

Слава—великое зло для людей, а опытъ—самое лучшее дѣло. Многіе неиспытанные люди пользуются славой людей хорошихъ.

Легче отъ добраго получить злое, нежели отъ злаго доброе.

Не должно унывать при всѣхъ обстоятельствахъ, какія-бы ни посылали боги людямъ; но слѣдуетъ благодушно переносить и счастье и несчастье.

Ни въ трудныхъ обстоятельствахъ не очень падай духомъ, ни въ счастливыхъ обстоятельствахъ не спѣши радоваться, а сперва высмотри конецъ дѣла.

Обдумывай по дважды и по трижды то, что приходитъ тебѣ на умъ.

Богатствомъ владѣютъ многіе люди не свѣдущіе; и, наоборотъ, многіе стремятся къ прекрасному, удручаемые тяжкою бѣдностію. Дѣйствовать же невозможно ни тѣмъ, ни другимъ: однимъ—по бѣдности, а другимъ—по недостатку ума.

Смертнымъ не можно бороться съ бессмертными, или судиться съ ними.

Добрыхъ и доблестныхъ людей, по крайней мѣрѣ, одинъ очень порицаетъ, другой восхваляетъ; о дурныхъ-же и ничтожныхъ не остается даже и никакой памяти.

Не было и не будетъ человѣка, который-бы сошелъ въ преисподнюю всѣмъ угодивши. Даже самъ Зевсъ, царствующій надъ смертными и бессмертными, не можетъ угодить всѣмъ людямъ.

Есть люди только или худшіе, или лучшіе въ каждомъ дѣлѣ; а нѣтъ такого человѣка, который былъ-бы во всемъ мудрымъ.

Лучше быть бережливымъ; иначе, если и умрешь, никто не будетъ тебя оплакивать, не видя оставляемыхъ по смерти твоей денегъ.

Кто дѣлаетъ добро злему человѣку, тотъ имѣетъ двойную невыгоду: теряетъ свое имущество и не получаетъ никакой благодарности.

Не восхваляй никогда человѣка прежде, нежели не узнаешь его хорошенько, со стороны его стремлений, настроенія духа и образа жизни.

Не памятуй о несчастіяхъ, претерпѣнныхъ тобою.

Отошла отъ насъ вѣра—великій божественный даръ; отошло цѣломудріе; хариты ¹⁾ покинули землю; уже нѣтъ между людьми вѣрности въ клятвахъ; никто не чтитъ безсмертныхъ боговъ; родъ людей благочестивыхъ погибъ, и не вѣдаютъ они ни правъ законныхъ, ни законныхъ порядковъ. Остается для людей одна лишь надежда.

Никогда не поступай такъ, чтобы, покинувъ стараго друга, искать новаго, прислушиваясь лишь къ наговору злыхъ людей.

Я не люблю богатства и не желаю его; для меня было бы достаточно жить немногимъ, но безъ всякаго несчастія.

Отъ боговъ истекаютъ людямъ лучшія мысли.

Мысль у людей объемлетъ предѣлы всего.

Если ты не пристрастенъ къ дѣламъ постыднымъ и имъ не причастенъ, то ты достигъ великаго предѣла добродѣтели.

Чти боговъ и бойся ихъ. Это побуждаетъ человѣка ни дѣлать, ни говорить ничего нечестиваго.

Нѣтъ ни одного человѣка на Божіемъ свѣтѣ, въ которомъ не было бы какого-либо порока.

Великое благо—умъ и языкъ; но не много есть людей, которые умѣли-бы хорошо ими пользоваться.

Никто не избѣжитъ какъ смерти, такъ и тяжкаго несчастія, хотя бы и за большія деньги, если только судьба пошлетъ то и другое. Равнымъ образомъ никакими дарами не откупится смертный отъ послѣдствій неразумія, если его уже Богъ ему послалъ.

Я не желалъ-бы возлежать и на царскомъ одрѣ мертвымъ, хотя живому мнѣ онъ и былъ-бы пріятенъ. Для мертваго и терномъ покрытый одрѣ подобенъ покрытому коврами, будетъ ли онъ изъ дерева или чего-либо другаго, жесткій или мягкій

Не клянись богами; ибо невозможно укрыться отъ боговъ, не исполнивъ клятвы.

¹⁾ Хариты—богини, подагельницы благъ.

Никогда не должны мы смѣяться надъ плачущимъ, радуясь своему счастью.

Дитя и конь подобны другъ другу: какъ конь не плачетъ о всадникѣ, лежащемъ во прахѣ, но, насытившись ячменемъ, спокойно носить на себѣ другаго всадника, такъ и дитя любить только того, кто при немъ находится въ данную минуту.

Не пристало дитяти участвовать въ пирушкѣ.

Зевсъ смиряетъ гордыя мысли людей, и нѣтъ столь сильнаго и мудраго изъ нихъ, который-бы избѣгъ Его силы ¹⁾.

Ц. Ж.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Bergk, Poetae lyrici graeci, t. II, pagg. 120--234. Lipsiae, 1882.

ЛИСТОКЪ

Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Апрѣля № 7. 1886 года.

Содержаніе: Опредѣленія Святѣйшаго Синода.—Отъ Правленія Харьковской духовной семинаріи.—Копія съ отношенія Г. Оберъ-Прокурора на имя Его Преосвященства Преосвященнѣйшаго Амвросія епископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Отъ общества спасенія на водахъ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы.—Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Отъ 6-го—18-го марта 1886 года, за № 539, о порядкѣ ношенія священнослужителями наперсныхъ крестовъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о порядкѣ ношенія священнослужителями наперсныхъ крестовъ: а) жалуемыхъ имъ, за отлично-усердную и ревностную пастырскую службу, отъ Святѣйшаго Синода; б) выдаваемыхъ изъ кабинета Его Императорскаго Величества безъ украшеній и съ украшеніями, и в) подносимыхъ имъ отъ прихожанъ или отъ обществъ офицеровъ и другихъ лицъ. И, по справкѣ, приказали: Принимая во вниманіе, что наперсные кресты, подносимые священнослужителямъ отъ прихожанъ, разныхъ лицъ и учреждений, по силѣ Высочайшаго повелѣнія 25 февраля 1881 г. („Церк. Вѣстн.“ № 15—16), имѣютъ значеніе не награды, а подарка, и что одновременное ношеніе ихъ съ синодальнымъ наперснымъ крестомъ, жалуемымъ духовенству въ награду, за ревностное пастырское служеніе, не имѣетъ основанія ни въ законѣ, ни въ особыхъ на сей случай Высочайшихъ повелѣніяхъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) воспретить священнослужителямъ бѣлаго и монашествующаго духовенства одновременное ношеніе двухъ наперсныхъ крестовъ—синодальнаго и полученнаго въ видѣ подарка, предоставивъ священнослужителямъ возлагать на себя одинъ изъ упомянутыхъ крестовъ; 2) изъятіе изъ сего правила допустить лишь

по отношенію къ наперснымъ крестамъ, установленнымъ въ память войны 1853—1856 гг. и жалуемымъ, за военныя заслуги, на георгиевской лентѣ; о чемъ, для зависящихъ къ исполненію сего распоряженій, объявить епархіальнымъ преосвященнымъ и синодальнымъ конторамъ — Московской и Грузино-Имеретинской, циркулярно, чрезъ „Церковный Вѣстникъ“.

II. Отъ 27-го марта 1886 года, за № 674, о порядкѣ производства испытаній ученикамъ церковно-приходскихъ школъ и о выдачѣ имъ свидѣтельствъ на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора (по Училищному при Святѣйшемъ Синодѣ Совѣту), отъ отъ 26-го марта 1886 года за № 77, о порядкѣ производства испытаній ученикамъ церковно-приходскихъ школъ, оканчивающимъ въ текущемъ году курсъ ученія и о выдачѣ симъ ученикамъ свидѣтельствъ на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности. Приказали: На основаніи § 14 Высочайше утвержденныхъ 13 іюня 1884 года правилъ о церковно-приходскихъ школахъ испытанія оканчивающихъ курсъ учениковъ этихъ школъ для полученія свидѣтельствъ, дающихъ право на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности, производятся на основаніи общихъ установленныхъ для начальныхъ училищъ правилъ. Между тѣмъ, по примѣчанію къ § 2 помннутыхъ правилъ, утвержденныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія 16-го ноября прошлаго года и опубликованныхъ въ № 121 собранія узаконеній и распоряженій правительства за тотъ-же годъ, дѣйствию сихъ правилъ не подлежатъ церковно-приходскія школы. Изъятіе это установлено въ виду ходатайства г. синодальнаго Оберъ-Прокурора предъ Государственнымъ Совѣтомъ о предоставленіи епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ права производить испытанія и выдачу свидѣтельствъ на означенную льготу ученикамъ церковно-приходскихъ школъ. Въ виду приближенія послѣднихъ мѣсяцевъ текущаго учебнаго года, когда должны происходить испытанія на упомянутую льготу въ начальныхъ народныхъ училищахъ, г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ сдѣлано было сношеніе съ министромъ народнаго просвѣщенія о томъ, чтобы въ текущемъ учебномъ году, желающіе изъ учениковъ церковно-приходскихъ школъ, оканчивающихъ нынѣ курсъ, были допускаемы къ испытаніямъ въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, образуемыхъ по §§ 17, 27, съ примѣчаніемъ, и 31 правилъ

16-го ноября 1885 года, съ предоставленіемъ ученикамъ церковно-приходскихъ школъ права подвергаться испытаніямъ въ тѣхъ изъ сихъ комиссій, въ кои имъ по мѣсту ихъ жительства и по времени открытія комиссій удобнѣе будетъ явиться, и чтобы ученикамъ церковно-приходскихъ школъ, кои успѣшно выдержатъ испытанія, уѣздные училищныя и педагогическія совѣты, поименованныя въ правилахъ 16 ноября 1885 года, выдавали указанныя въ сихъ правилахъ свидѣтельства на одинаковыхъ съ учениками прочихъ училищъ основаніяхъ. Министръ народнаго просвѣщенія, признавъ возможнымъ удовлетворить изъясненное ходатайство, предложилъ о томъ циркулярами попечителямъ учебныхъ округовъ, съ 8 марта 1886 года за № 4073. За симъ воспослѣдовало Высочайше утвержденное 10 февраля 1886 года мнѣніе Государственнаго Совѣта объ увеличеніи сроковъ дѣйствительной военной службы для лицъ, получившихъ высшее и среднее образованіе и о вызываемыхъ сею мѣрою измѣненіяхъ въ уставѣ о воинской повинности, распубликованное въ № 20 собранія узаконеній и распоряженій правительства 1886 года 11 марта, въ силу коего (п. 6) свидѣтельства о знаніи курса начальныхъ училищъ воспитанниками церковно-приходскихъ школъ выдаются епархіальными училищными совѣтами на основаніи правилъ, устанавливаемыхъ духовнымъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что за краткостью времени, остающагося до конца текущаго учебнаго года не представляется возможнымъ преподавать нынѣ же надлежащія правила для производства испытаній оканчивающимъ курсъ ученикамъ церковно-приходскихъ школъ и для выдачи симъ ученикамъ епархіальными училищными совѣтами упомянутыхъ льготныхъ свидѣтельствъ на основаніи узаконенія 10 февраля сего года, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) дать знать епархіальнымъ преосвященнымъ печатными циркулярными указами, что, вслѣдствіе соглашенія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода съ министромъ народнаго просвѣщенія, ученики церковно-приходскихъ школъ, оканчивающіе въ текущемъ учебномъ году курсъ ученія, могутъ, буде пожелаютъ, подвергаться испытаніямъ въ тѣхъ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ кои имъ по мѣсту ихъ жительства и по времени открытія комиссій удобнѣе будетъ явиться, или-же могутъ подвергнуться испытаніямъ въ началѣ слѣдующаго учебнаго года на основаніи новыхъ правилъ, имѣющихъ быть къ тому времени преподаваемыми отъ Святѣйшаго Синода епархіальнымъ училищнымъ

совѣтамъ; 2) для напечатанія о семъ во всеобщее свѣдѣніе сообщить редакціи „Церковнаго Вѣстника“ по принятому порядку.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

На основаніи § 122 семинарскаго устава въ каждомъ изъ первыхъ трехъ классовъ семинаріи должно быть не болѣе 50 учениковъ, а въ остальныхъ не болѣе 55 человекъ въ каждомъ классѣ.

Въ настоящемъ учебномъ году въ III классѣ Харьковской духовной семинаріи числится 45 учениковъ, во II классѣ въ двухъ отдѣленіяхъ—69 учениковъ, такъ что, по приблизительному соображенію, въ будущемъ учебномъ году имѣетъ быть отъ 65 до 70 учениковъ, способныхъ къ продолженію ученія въ III классѣ семинаріи. Въ виду этого представляется необходимымъ: или открыть въ III классѣ параллельное отдѣленіе, или же, по окончаніи годичныхъ испытаній въ семинаріи и удостоеніи всѣхъ способныхъ учениковъ II класса къ переводу въ III классъ, помѣстить въ III классѣ Харьковской семинаріи число, опредѣленное Высочайше утвержденнымъ уставомъ духовныхъ семинарій, именно 50 учениковъ, а остальнымъ выдать свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи ими курса II класса семинаріи и удостоеніи перевода въ III классъ, но за немѣніемъ вакансій въ Харьковской семинаріи, предоставить имъ право искать мѣста въ другихъ семинаріяхъ, въ которыхъ число учениковъ въ III классѣ не достигаетъ нормальнаго числа, опредѣленнаго уставомъ.

На основаніи § 9 семинарскаго устава, по желанію духовенства, для дѣтей его могутъ быть открываемы на мѣстныхъ средства сверхштатныя параллельныя отдѣленія, на одинаковыхъ основаніяхъ съ классами, по штату положенными.

Въ собраніи постановленій Святѣйшаго Синода, относительно устройства духовныхъ семинарій и училищъ, по вопросу объ открытіи духовенствомъ параллельныхъ классовъ въ семинаріи, въ разъясненіе вышеуказаннаго 9 § устава (въ уставѣ 1867 г. § 8), говорится: п. 1: „въ случаѣ необходимости открытія при семинаріи параллельнаго отдѣленія, епархіальное духовенство заблаговременно ходатайствуетъ о томъ законнымъ порядкомъ“ (Опред. Св. Синода ¹³/₂₉ января 1871 года). П. 6: „въ видахъ облегченія духовенства въ его обязанностяхъ по содержанію сверхштатныхъ параллельныхъ классовъ, дозволяется: а) разрѣшать штатнымъ наставникамъ семинаріи преподавать предметы ихъ кафедръ въ сверх-

штатныхъ классахъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда число уроковъ у нихъ, въ классахъ штатныхъ, не будетъ превышать 22, и б) приглашать, для преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ въ сверхштатныхъ классахъ семинаріи, наставниковъ тѣхъ же предметовъ въ свѣтскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ“. (Опред. Св. Синода отъ 22 января—7 февраля 1871 г.). П. 7: „штатнымъ наставникамъ семинаріи, имѣющимъ уроки въ открываемыхъ духовенствомъ параллельныхъ классахъ, производится за каждый годичный урокъ въ тѣхъ классахъ добавочное изъ мѣстныхъ средствъ вознагражденіе въ размѣрѣ, указанномъ § 61 устава и примѣчаніемъ къ оному (въ новомъ уставѣ § 59, т. е. по 50 р. за урокъ, а прослужившимъ 5 лѣтъ—по 60 руб.); если же для таковыхъ классовъ опредѣляются особые преподаватели, то они получаютъ одинаковое съ штатными наставниками жалованье, сообразно вышеупомянутой статьѣ устава“ (опред. Св. Синода 13/20 декабря 1867 г. и 21 августа 1868 года).

По расчету поурочной платы наличнымъ наставникамъ Харьковской семинаріи за добавочные уроки въ предполагаемомъ къ открытію параллельномъ отдѣленіи III класса за 21 урокъ въ недѣлю, полагая высшую норму вознагражденія—по 60 руб. за урокъ согласно § 59 семинарскаго устава,—такъ какъ всѣ наставники III класса прослужили болѣе 5 лѣтъ,—и за 1 урокъ церковнаго пѣнія 50 р.,—на содержаніе параллельнаго отдѣленія въ III классѣ потребуется ежегодно 1310 руб. и одновременно—на устройство классной каѳедры, нѣсколькихъ партъ и классной доски—не менѣе 90 руб., итого 1400 руб. При этомъ общее число всѣхъ недѣльныхъ уроковъ, вмѣстѣ съ штатными классами, у наставниковъ параллельнаго отдѣленія III класса, согласно опредѣленію Св. Синода 22 января—7 февраля 1871 года, не будетъ превышать 22; одинъ только преподаватель словесности будетъ имѣть 22 урока, всѣ же прочіе отъ 11 до 18 уроковъ въ недѣлю, и особыхъ преподавателей для параллельнаго отдѣленія этого класса не потребуется.

Въ интересахъ семинаріи, Харьковской епархіи, учениковъ, которые могутъ оказаться внѣ штатнаго числа III класса семинаріи, и ихъ родителей, признавая крайне нежелательнымъ выпускъ изъ Харьковской семинаріи сверхштатныхъ учениковъ будущаго III класса въ другія семинаріи, правленіе Харьковской духовной семинаріи, съ соизволенія Преосвященнѣйшаго Амвросія, Епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, поставяетъ духовенство Харьковской епархіи въ извѣстность объ изъясненныхъ выше обстоятельствахъ и пред-

лагаеть духовенству: не признаеть-ли оно необходимымъ открыть къ началу будущаго 188⁶/7 учебнаго года параллельное отдѣленіе въ III классѣ Харьковской семинаріи, на одинаковыхъ основаніяхъ съ штатными классами, ассигновавъ потребную на сіе сумму въ количествѣ 1310 р. ежегодно и единовременно въ текущемъ году 90 р. на восполненіе классныхъ принадлежностей;—и въ случаѣ согласія духовенства, правленіе семинаріи просить о.о. благочинныхъ Харьковской епархіи безъ промедленія представить о семъ епархіальному начальству для дальнѣйшихъ съ его стороны распоряженій.

Копія съ отношенія Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода на имя Его Преосвященства Преосвященнѣйшаго Амвросія Епископа Харьковского и Ахтырскаго, отъ 13 февраля 1886 г. за № 766.

Преосвященнѣйшій Владыко,

Милостивый Государь и Архипастырѣ!

Большинство сельскаго населенія Россіи, въ особенности въ малонаселенныхъ и отдаленныхъ отъ городовъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ врачей и фельдшеровъ, лишено возможности подавать разумную помощь вытасяннымъ изъ воды утопленникамъ, которымъ во многихъ случаяхъ могла-бы быть возвращена жизнь при употребленіи приѣмовъ, указанныхъ наукою и опытомъ. Этому отсутствію знанія слѣдуетъ приписать весьма значительное число изъ столь многочисленныхъ случаевъ гибели людей на нашихъ внутреннихъ водахъ.

Озабочиваясь распространеніемъ знанія способовъ приведенія въ чувство утопленниковъ, состоящее подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы „Общество спасанія на водахъ“ признаеть, что при вышеозначенныхъ обстоятельствахъ большую помощь дѣлу спасенія утопленниковъ могутъ оказать священники прибрежныхъ сельъ, и просить меня принять мѣры къ тому, чтобы сельскіе пастыри указанныхъ мѣстностей обязательно ознакомились съ правилами возвращенія къ жизни людей утопавшихъ. Для осуществленія таковаго предположенія, Главное Правленіе названнаго общества издало въ свѣтъ особое „наставленіе для спасанія утопающихъ и возвращенія утопленниковъ къ жизни“ и беретъ на себя трудъ разослать экземпляры таковаго „Наставленія“ Вашему Преосвященству и другимъ епархіальнымъ Преосвященнымъ, для распространенія сихъ „На-

ставленій“ въ свою очередь по приходамъ прибрежныхъ мѣстностей въ средѣ сельскихъ священниковъ.

Вполнѣ сочувствуя благимъ цѣлямъ упомянутаго общества, долгомъ поставляю сообщить о вышеизложенномъ Вашему Преосвященству, покорнѣйше прося Васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, по полученіи отъ Главнаго Правленія названнаго общества экземпляровъ упомянутаго „Наставленія“, не оставить сдѣлать распоряженіе о разсылкѣ оныхъ, по Вашему усмотрѣнію, приходскимъ священникамъ прибрежныхъ селъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видахъ наибольшаго распространенія этого полезнаго изданія, приказать перепечатать таковое „Наставленіе“ въ мѣстномъ епархіальномъ листкѣ.

Поручая себя молитвамъ Вашимъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю чести быть Вашего Преосвященства, Милостиваго Государя и Архипастыря, покорнѣйшимъ слугою, К. Побѣдоносцевъ. На подлинномъ отношеніи резолюція Его Преосвященства 10 марта 1886 года послѣдовала такая: „Консисторіи, по полученіи брошюръ, разослать ихъ священникамъ селъ и городовъ, стоящихъ на рѣкахъ, и сообщить экземпляръ сего наставленія въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“ съ копіею сего отношенія“.

НАСТАВЛЕНІЕ

для спасанія утопающихъ и возвращенія утопленниковъ къ жизни.

Наставленія для спасанія утопающихъ.

1. Приближаясь къ утопающему, увѣрьте его громкимъ и твердымъ голосомъ, что онъ спасенъ.

2. Прежде чѣмъ броситься въ воду, для спасанія его, снимите, или сорвите съ себя какъ можно скорѣе и сколько возможно болѣе платья; но если нѣтъ времени, то во всякомъ случаѣ, снимите сапоги, развяжите завязки исподняго платья и выверните карманы, — въ противномъ случаѣ, наполнившись водою, они будутъ тянуть васъ къ низу.

3. Подплывая къ утопающему, не хватайте его, если онъ бьется, но держитесь нѣсколько секундъ въ небольшомъ разстояніи отъ него, до тѣхъ поръ, пока онъ не успокоится: — въ высшей степени опасно хватать бьющагося въ водѣ человѣка. Если же нельзя ждать, пока онъ совершенно выбьется изъ силъ, то приблизитесь

къ нему съ вытянутыми впередъ руками, чтобъ схватить его, нижеуказаннымъ образомъ, прежде, чѣмъ онъ успѣетъ схватиться за васъ и лишитъ васъ свободы движенія.

4. Подплывъ къ утопающему, схватите его тотчасъ за волосы и переверните его какъ можно скорѣе на спину; если же волосы коротко выстрижены, или ихъ вовсе нѣтъ, то старайтесь схватить за плечо или за руку, повыше кисти, а въ случаѣ утопающій въ одеждѣ, захватите ее въ складку на груди, близъ шеи, и поверните утопающаго на спину; дерните его, чтобъ онъ всплылъ, и потомъ сами повернитесь также на спину и плывите къ берегу, или къ судну, держа спасаемаго человѣка такъ, чтобы и онъ и вы были на спинѣ и его спина прилегала-бы къ вашему животу.

Этимъ способомъ вы достигнете берега, или судна, гораздо скорѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ способѣ, и можете плыть поддерживая двухъ и даже трехъ человѣкъ. Достоинство этого способа состоитъ также въ томъ, что онъ даетъ возможность держать лицо спасаемаго человѣка надъ уровнемъ воды. Самое важное обстоятельство при всемъ вышесказанномъ состоитъ въ томъ, чтобы быстро схватить утопающаго и положить какъ его, такъ и себя, на спину.

5. Если утопающій пошелъ ко дну, мѣсто, гдѣ онъ находится, при спокойной водѣ, опредѣляется воздушными пузырями, которые отъ времени до времени появляются на поверхности воды. При этомъ, разумѣется, надо принимать въ расчетъ дѣйствіе теченія, которое сноситъ пузыри въ сторону. Можно не рѣдко спасти пошедшаго ко дну человѣка и возвратитъ его къ жизни, нырнувъ за нимъ по направленію, указанному этими пузырями.

6. Нырнувъ за лежащимъ на днѣ человѣкомъ, слѣдуетъ схватить его одною рукою, вышеуказаннымъ образомъ, а другою рукою и ногами дѣйствовать, чтобы всплыть на поверхность вмѣстѣ съ утопшимъ.

7. Если дѣло происходитъ въ морѣ и отъ берега идетъ сильное теченіе, то благоразумнѣе удерживаться на мѣстѣ, лежа на спинѣ, пока не подоспѣетъ помощь. Не мало людей погибло отъ истощенія силъ, вслѣдствіе желанія добраться до берега во время отливнаго теченія; если бы они, вмѣсто того, держались на мѣстѣ, къ нимъ могла-бы быть выслана шлюпка, или другаго рода помощь. Держаться на спинѣ возможно въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

8. Эти наставленія относятся одинаково ко всѣмъ обстоятельствамъ и примѣнимы какъ къ самой взволнованной, такъ и спокойной водѣ.

Наставленія для подавія первой помощи утопленникамъ.

Утопленнику, какъ-бы долго онъ ни находился подъ водою и какой бы ни былъ родъ мнимой смерти, *непрелмнно слѣдуетъ по-давать пособіе*, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда обнаружил-ся единственно вѣрный признакъ дѣйствительной смерти—гниѣ-ніе трупа.

Прежде всего, не теряя времени, слѣдуетъ:

- а) послать за врачомъ;
- б) послать за одѣялами и сухимъ платьемъ;
- в) приготовить все, что нужно для согрѣванія утопленника, т. е. бутылки или кувшины съ горячею водою, нагрѣтые кирпичи или утюги, мѣшки съ горячею золою или пескомъ, грѣлки и т. п.;
- г) удалить всѣхъ лишнихъ людей: 3 или 4 человекъ совершенно достаточно для подачи пособія.

Вынутаго изъ воды утопленника *ни подъ какимъ видомъ не слѣ-дуетъ ни откачивать на бочкѣ или другимъ способомъ, ни вооб-ще раскачивать, ни ставить на ноги, ни сажать*, хотя бы онъ обнаруживалъ слабые признаки жизни, *ни приподымаютъ за ноги*.

Подавать пособіе слѣдуетъ *на мѣстѣ, куда вытасченъ утоплен-никъ*, на берегу или на лодкѣ, *не теряя ни минуты и буквально исполняя слѣдующее наставленіе, въ томъ порядкѣ, какъ оно из-ложено *)*:

- 1) Положить утопленника на правый бокъ такъ, чтобы голова была немного выше ногъ.
- 2) Очистить ротъ, глотку и ноздри отъ находящихся тамъ жид-костей и слизи, посредствомъ пальца, платка или бородки пера.
- 3) Наклонить голову впередъ, приподымая слегка за плечи, под-держивая лобъ и разводя челюсти, чтобы облегчить изліяніе воды.
- 4) Обнажить быстро, но безъ толчковъ и сотрясеній тѣла, верх-нюю часть туловища (шею, грудь) отъ одежды, разрѣзавъ платье въ случаѣ надобности; распуснуть поясъ, разстегнуть исподнее платье и бѣлье.
- 5) Стараться вызвать чиханіе, давая нюхать нашатырный спиртъ, эссенция перья, уксусъ и т. п. или щекотать въ ноздряхъ и въ зѣвъ бородкою пера или жесткимъ шнуркомъ.
- 6) Спрыснуть внезапно лицо и грудь холодною или теплою водою:

*) Одинъ изъ присутствующихъ можетъ читать наставленіе, а другой при-водитъ въ исполненіе продиктованное.

Если дыханіе не появляется, то слѣдуетъ возбудить его искусственно, для чего:

7) Быстро осушить тѣло, слегка обтереть его, особенно голову, руки и ноги.

8) Открыть ротъ, разведя челюсти, вытаскивать языкъ и удерживать его вытянутымъ изъ рта, прикрѣпивъ тесемкою, кускомъ полотна или платкомъ, черезъ подбородокъ къ нижней челюсти; челюсти-же удерживать разведенными, засунувъ между коренными зубами кусочекъ пробки или дерева.

9) Положить утопленника на спину, а подъ плечи и голову положить туго свернутое платье.

10) Окутать нижнюю часть туловища одѣяломъ или сухимъ платьемъ.

11) Помѣститься у головы утопленника и исполнять слѣдующіе приемы:

Приемъ 1-й. Захвативъ утопленника за руки, у локтей, отводитъ ихъ отъ туловища, притягивая къ себѣ медленно, ровно и сильно, пока руки утопленника не будутъ вытянуты за голову, удержатъ ихъ въ такомъ положеніи около двухъ секундъ.

Приемъ 2-й. Привести руки утопленника къ туловищу, согнувъ ихъ въ локтяхъ, и прижимать сильно, но безъ толчковъ, къ объѣмамъ сторонамъ груди, тоже около двухъ секундъ.

Повторять эти приемы попеременно около 12—14 разъ въ минуту. Лучше всего сообразоваться съ собственнымъ дыханіемъ, т. е. во время вдыханія дѣлать первый приемъ, а во время выдыханія—второй приемъ.

Продолжать эти приемы ровно и настойчиво, пока утопленникъ не начнетъ вновь дышать, или пока врачъ не признаетъ, что утопленникъ дѣйствительно мертвъ *).

13) Во время этихъ приемовъ, не останавливая ихъ и не мѣшая имъ, одинъ изъ помощниковъ можетъ докончить раздѣваніе утопленника, не раскрывая его.

14) Когда утопленникъ начнетъ дышать, только тогда, но ни въ какомъ случаѣ не раньше, покрыть все тѣло сухими одѣялами или одеждою и растирать подъ одѣяломъ, не обнажая утопленника, ноги и руки, производя растираніе снизу вверхъ, т. е. отъ кистей рукъ и отъ стопъ къ туловищу. Растирать фланелью, сук-

*) Были случаи оживленія только послѣ настойчиваго употребленія означенныхъ приемовъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

немъ, щетками, шерстяными рукавицами, сѣномъ, а въ случаѣ крайности—соломой и т. п. Подошвы и ладони растирать дольше.

15) *Согрѣвать тѣло*, проводя по немъ согрѣтыми утюгами, кирпичами или бутылками съ горячею водою, обернутыми въ салфетки, или полотно, или часть одежды, или мѣшками съ горячею золою, *останавливая ихъ* на болѣе продолжительное время *подъ ложечкой, подъ мышками и на подошвахъ.*

16) Когда больной придетъ въ сознаніе, *но не раньше*, дать ему одну или двѣ чайныхъ ложки воды съ виномъ или водкой, или теплаго кофе, или чаю.

17) Перенести больного на носилкахъ, *весьма бережно*, положивъ на спину или на правый бокъ и закутавъ одѣялами, въ хорошо провѣтренное помѣщеніе и уложить въ согрѣтую постель, представивъ ему *полное спокойствіе.*

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго общества.

Въ составъ суммъ Комитета въ февралѣ мѣсяцѣ сего 1886 года поступило:

Получено кружечнаго сбора отъ церквей 2 округа Зміевского уѣзда 31 р. 70 к., отъ священниковъ: Михаила Котлярова 3 р., Стефана Дахневскаго 3 р., Іоанна Стефановскаго 3 р., Евѡма Пономарева 3 р., Василя Степурскаго 3 р., Варсонофія Антоновскаго 3 р., собрано отъ разныхъ лицъ: священникомъ Михаиломъ Котляровымъ 3 р. 10 к., отъ свящ. Петра Мураховскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 2 р. 10 к., собрано свящ. Василиемъ Степурскимъ отъ разныхъ лицъ 50 к., отъ свящ. Н. Прокоповича 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. 10 к., отъ свящ. Михаила Ковалевскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 35 к., отъ свящ. Андрея Курасовскаго 1 р. 50 к., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р. 50 к., отъ свящ. Николая Хижнякова 40 к., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 60 к., отъ Пономарева 3 р., собрано отъ разныхъ лицъ: свящ. села Лозовеньки Ахтырск. уѣзд. 4 р. 14 к., свящ. Михаиломъ Руневскимъ 1 р., свящ. Іосифомъ Кирше 50 к., свящ. Іоанномъ Крутьевымъ 40 к., свящ. Василиемъ Мураховскимъ 50 к., свящ. Стефаномъ Дахневскимъ 1 р. 5 к., отъ свящ. Ѳедора Слюсарева 1 р. 50 к., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 80 к., собрано отъ разн. лицъ: свящ. Іоанномъ Стефановскимъ 50 к., свящ. Павломъ Филевскимъ 45 к., отъ свящ. Василя Торанскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 5 к., собрано отъ разныхъ лицъ: свящ. села Глазуновки, Ахтырск. уѣзда 42 к., свящ. Константиномъ Ѳедоровымъ 2 р. 89 к. Получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа Ахтырскаго уѣзда 56 р. 59 к., Протоіерей Игнатія Клементьева 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 31 к., свящ. Адріана Мухина 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 50 к., свящ. Іоанна Пуковскаго 3 р., собрано отъ разныхъ лицъ: свящ. Василиемъ Хижняковымъ 70 к., свящ. Кирилломъ Чебановымъ 50 к., свящ. Ѳедоромъ Добро-

славскимъ 30 к., свящ. Васи́лемъ Кі́яновскимъ 1 р. 55 к., свящ. Нико-
номъ Па́нкратьевымъ 1 р. 30 к., отъ свящ. Іосифа Троянова 1 р., чрезъ
него-же отъ разн. лицъ 35 к., отъ свящ. Виталія Башинскаго 3 р., чрезъ
него-же отъ разн. лицъ 80 к., собрано отъ разн. лицъ: свящ. Никола-
емъ Акимовымъ 2 р., свящ. Стефаномъ Фляпиновымъ 2 р. 50 к., свящ.
Васи́лемъ Рудискимъ 3 р., свящ. Фодоромъ Дюковымъ 2 р., свящ. Але-
ксандромъ Пантелѣевымъ 1 р. 50 к., отъ свящ. Мелетія Чернявскаго 3 р.,
собрано отъ разн. лицъ: свящ. Николаемъ Артемьевымъ 50 к., свящ. Ге-
оргіемъ Давидовымъ 1 р., отъ свящ. Григорія Рудискаго 1 р., чрезъ не-
го-же отъ разн. лицъ 2 р., собрано отъ разн. лицъ: свящ. Павломъ Ру-
бискимъ 60 к., свящ. Павломъ Брайловскимъ 78 к., отъ священниковъ:
Максима Сергіевскаго 3 р., Николая Любцакаго 3 р., отъ дочери подпол-
ковника Лядін Мариповской 2 р., свящ. Николаемъ Любичкимъ собрано
отъ разн. лицъ 1 р. 10 к., отъ свящ. Константина Труфанова 1 р., чрезъ
него-же отъ разн. лицъ 2 р. 80 к., отъ свящ. Симеона Людвикормина 3 р.,
чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 80 к., отъ свящ. Антонія Щеписка-
го 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р., собрано священникомъ Ан-
дреемъ Аксененковымъ отъ разн. лицъ 3 р., отъ протоіерея Виктора Ан-
дріевскаго 4 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 95 к., отъ свящ.
Николая Ходскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 30 к., отъ свящ.
Стефана Проконовича 3 р., отъ псаломщика Андрея Полянскаго 1 р., отъ
мѣщанина Алексѣя Полянскаго 1 р., отъ мѣщанина Григорія Стешенко 1 р.,
отъ купца Ивана Харченко 3 р., отъ Герасима Комисаренко 1 р., отъ
Самсона Макаренко 50 к., отъ Маріи Калениченковой 20 к., отъ от-
ставнаго унтеръ-офицера Григорія Ерошенко 1 р., собрано отъ разныхъ
лицъ: свящ. Петромъ Чижевскимъ 1 р. 73 к., свящ. Александромъ Сте-
фановскимъ 1 р. 90 к., отъ свящ. Кирилла Щелкунова 3 р., чрезъ него-
же отъ разныхъ лицъ 1 р. 48 к., собрано свящ. Константиномъ Остро-
горскимъ отъ разн. лицъ 3 р. 15 к., отъ свящ. Іоанна Молижевовскаго
2 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р. 61 к., отъ Николая Ковалев-
скаго 3 р., А. Кондратьева 3 р., свящ. Михаіла Подольскаго 3 р., чрезъ
него-же отъ разныхъ лицъ 1 р., отъ свящ. Іоанна Проскурникова 3 р.,
чрезъ него-же отъ разн. лицъ 4 р., собрано свящ. Николаемъ Фодоро-
вымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 50 коп., отъ свящ. Іоанна Сятенко 3 р.,
чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 80 к., отъ причта Лебединскаго уѣз-
да сл. Мартиновки, Николаевской церкви 2 р., собрано священникомъ Пав-
ломъ Мухинымъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 90 к., отъ свящ. Петра Под-
луцкаго 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 2 р., свящ. Андрея Ма-
ляревскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 45 к., отъ свящ. Але-
ксѣя Милостанова 1 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р. 63 к. Полу-
чено кружечнаго сбора отъ благочиннаго 2 округа Лебединскаго уѣзда отъ
церквей вибренаго ему округа 23 р. 61 к., свящ. Петра Никулищева
3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 50 к., собрано отъ разныхъ лицъ:
свящ. Іоанномъ Ящепковымъ 60 к., свящ. Адри́аномъ Кръжановскимъ
1 р. 85 к., отъ свящ. Павла Любарскаго 3 р., чрезъ него-же 10 к. По-
лучено кружечнаго сбора отъ церкви 2 округа Купянскаго уѣзда 27 р.
37 к., отъ свящ. Михаіла Чернявскаго 3 р., свящ. Іоанна Куницына 3 р.,
протоіерея Евгенія Квитницкаго 3 р., свящ. Васи́лія Рождественскаго 3 р.,

свѣщ. Алексѣя Оптовцева 3 р., свѣщ. Дмитрія Косьмина 3 р., свѣщ. Іоакима Ѳедорова 3 р., протоіерея Александра Басанскаго 3 р., свѣщ. Василя Ерофалова 3 р., свѣщ. Іоанна Измайлова 3 р., діакона Василя Царевскаго 3 р., крест. Никиты Акимова 3 р. Получено кружечнаго сбора отъ церквей 1 округа Купянскаго уѣзда 34 р. 84 к., отъ свѣщ. Василя Попова 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р., отъ протоіерея Александра Ѳомина 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 3 р., собрано въ приходѣ слоб. Покровки Купянск. уѣзда 1 р., собрано отъ разныхъ лицъ: свѣщ. Іоанномъ Флоринскимъ 1 р., свѣщ. Матвѣемъ Богославскимъ 49 к., отъ свѣщ. Іоанна Макаровскаго 3 р., свѣщ. Петра Вересовича 3 р., собрано отъ разныхъ лицъ: свѣщ. Николаемъ Чугаовымъ 1 р., свѣщ. Козьмою Лазаревскимъ 1 р. 5 к., свѣщ. Іосифомъ Самойловымъ 1 р. 50 к., свѣщ. Симеономъ Капустинимъ 60 к., свѣщ. Дмитріемъ Вородаевымъ 1 р. 21 к., свѣщ. Василиемъ Соколовскимъ 50 к., отъ свѣщ. Григорія Макухина 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р., отъ свѣщ. Павла Сирятскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 1 р., собрано отъ разн. лицъ: свѣщ. Василиемъ Макухинымъ 50 к., свѣщ. Михаиломъ Сѣкирскимъ 1 р., свѣщ. Александромъ Подольскимъ 46 к. протоіер. Северіаномъ Сулимою 60 к., отъ свѣщ. Ѳеодосія Новродскаго 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р., отъ свѣщ. Ѳедора Приходькова 1 р., собрано свѣщ. Георгіемъ Сулимою отъ разн. лицъ 1 р. Получено кружечнаго сбора отъ Харьковскаго Кафедральнаго Собора 33 р. 3 к., отъ протоіер. Андрея Дюкова 1 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 1 р. Получено кружечнаго сбора отъ церквей 3 окр. Волчанск. уѣзда 10 р. 94 к., отъ свѣщ. Дмитрія Рубинскаго 3 р., Ѳеодора Платонова 3 р., Ѳеодора Булгакова 3 р., Іоанна Склабинскаго 3 р., Павла Колосовскаго 3 р., собрано отъ разн. лицъ: свѣщ. Дмитріемъ Рубинскимъ 13 р. 60 к., свѣщ. Іоанномъ Склабинскимъ 1 р., отъ свѣщ. Григорія Попова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 2 р., отъ свѣщ. Василя Самойлова 3 р., чрезъ него-же отъ разн. лицъ 3 р. 11 к., отъ свѣщ. Андрея Попова 3 р.

(Окончаніе будетъ).

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Харьковской духовной семинаріи изъявляетъ искреннюю благодарность о. протоіерею слободы Бѣловодска Старобѣльскаго уѣзда Алексію Иннокову за пожертвованныя имъ 5 р. с. на благолѣпіе семинарскаго Іоанно-Богословскаго церкви.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Настоятельское мѣсто при Старобѣльскомъ Покровскомъ соборѣ представлено священнику Никлаю Ѳедорову.

— При Николаевской церкви слободы Каменки Староб. уѣзда мѣсто священника праздно.

— Праздное священническое мѣсто при Богоявленской церкви слоб. Молодоваго, Волчанскаго уѣзда, предоставлено діакону церкви Харьковскаго земледѣльческаго училища Платону *Пономареву*.

— На праздное священническое мѣсто при Покровской церкви села Бригадировки, Богодуховскаго уѣзда, опредѣленъ воспитанникъ Харьковской духовной семинаріи, Петръ *Лукашевъ*.

— Праздное псаломщицкое мѣсто при церкви слоб. Ганусовки предоставлено потомственному почетному гражданину Андрею *Максимову*.

— Праздное псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви слоб. 1-й Николаевки, Волчанскаго уѣзда, предоставлено сыну дьячка Петру *Пантелеимонову*.

— На псаломщицкое мѣсто къ Петро-Павловской церкви слоб. Петропавловки, Купянскаго уѣзда, опредѣленъ заштатный діаконъ Евграфъ *Өеневъ*.

— На праздное псаломщицкое мѣсто къ Вознесенской церкви села Борщеваго, Зміевскаго уѣзда, опредѣленъ сынъ псаломщика Павелъ *Еварницкій*.

— Псаломщицкое мѣсто при Троицкой церкви с. Проруба, Сумскаго уѣзда, Его Преосвященствомъ 20 марта н. г. предоставлено діакону Успенской церкви сл. Климовки, Сумскаго уѣзда, Іоанну *Ковалевскому*.

— Псаломщикъ Троицкой церкви слоб. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Иванъ *Лебединскій*, за гордость и неуживчивость удаленъ отъ должности безъ права впредь поступать въ духовное вѣдомство.

— Штатнымъ псаломщикомъ къ Троицкой церкви слоб. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, Его Преосвященствомъ 3 апрѣля н. г. опредѣленъ сверхштатный псаломщикъ Троицкой церкви слоб. Нещеретовой, Старобѣльскаго уѣзда, Николай *Прядкинъ*.

— Церковный староста слоб. Римаревки Старобѣльскаго уѣзда Александръ Георгіевъ *Кравцовъ*, за болѣзнію, уволенъ отъ должности.

— При Архангельской церкви слоб. Бѣлявки того-же уѣзда въ должности церковнаго старосты утвержденъ крестьянинъ Платонъ Васильевъ *Козюберда*.

— Къ церкви слоб. Брусовки того-же уѣзда крестьянинъ Василій Максимовъ *Заська* утвержденъ церковнымъ старостою.

— Къ Николаевской церкви слоб. Ново-Пскова того-же уѣзда въ должности церковнаго старосты утвержденъ крестьянинъ Петръ Филипповъ *Изюмскій*.

— Къ Преображенской церкви слоб. Бѣлолуцка того-же уѣзда въ должности церковнаго старосты утвержденъ крестьянинъ Харитонъ Филиповъ *Лободинъ*.

— Къ церкви Ново-Александровскаго коннаго завода того-же уѣзда въ должности церковнаго старосты утвержденъ полковникъ Г. *Гротель*.

— Старостою къ Николаевской церкви села Будаць, Лебедниск. уѣзда, утверждень крестьян. Калистратъ *Гайворонскій*.

— Старостою къ Николаевской церкви села Чернетчины утверждень крестьянинъ Павелъ *Голодь*.

— Старостою къ Борисо-Глѣбской церкви с. Ясенка, Ахтырскаго уѣзда, утверждень отставной рядовой Варфоломей *Безрукъ*.

— Старостою къ Успенской церкви с. Локни, Сумскаго уѣзда, утверждень крестьянинъ Прокофій *Вдовенко*.

— Старостою къ Успенской церкви с. Хотѣни, Сумскаго уѣзда, утверждень крестьянинъ Петръ *Гавриленко*.

— Старостою къ Рождество-Богородичной церкви хутора Казаченкова, Сумскаго уѣзда, утверждень крестьянинъ Василій *Рыбалко*.

В а н т н ы я м ѣ с т а.

Священническія: Въ слоб.: Каменкѣ Старобѣльскаго уѣзда и Сидоренковой Валковскаго уѣзда. *Діаконскія*: Въ слоб.: Крючкахъ Изюмскаго уѣзда, Каплуновкѣ Богодуховскаго уѣзда, Станичномъ Валковск. уѣзда, Минковкѣ того-же уѣз., и г. Валкахъ при Благовѣщенской церкви. *Исаоломшицкія*: Въ слоб.: Котельвѣ Ахтыр. уѣзда при Троицкой церкви, Старо-Покровскомъ Зміев. уѣзда при Успенской церк. и при церкви Харьков. земледѣльчesk. училища.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Мѣры къ матеріальному обезпеченію церковно-приходскихъ школъ.— По поводу измѣненія паспортной системы.— Къ вопросу объ отѣнѣ нѣкоторыхъ обычаевъ при погребеніяхъ.— Дополненіе положенія о наймѣ рабочихъ.— Сельскіе книжные склады.

Въ „Моск. Вѣд.“ сообщаются очень важныя свѣдѣнія о мѣрахъ къ матеріальному обезпеченію церковно-приходскихъ школъ. До сихъ поръ матеріальныя средства церковно-приходскихъ школъ еще крайне скудны и не обезпечены. Они почерпаются преимущественно изъ добровольныхъ пожертвованій и изъ особаго кредита, отпускаемаго изъ казны Святѣйшему Синоду на нужды этихъ школъ. Нынѣ, въ видахъ болѣе прочнаго обезпеченія церковно-приходскихъ школъ, въ правительственныхъ сферахъ возбужденъ вопросъ о томъ, чтобы мѣстныя земства обязательно привлечены были къ участию въ расходахъ на содержаніе названныхъ школъ. Предполагается выработать и опредѣлить самымъ точнымъ образомъ тѣ способы и формы, въ какихъ должно выразаться участіе земствъ въ матеріальномъ положеніи школъ духовенства. Кромѣ того, повсемѣстное

распространеніе церковно-приходскихъ школъ вызвало еще весьма важный вопросъ, который нынѣ подлежитъ разсмотрѣнію Святѣйшаго Синода; могутъ-ли обучаться иновѣрцы въ церковно-приходскихъ школахъ. Какъ слышно, послѣдній вопросъ предполагается разрѣшить въ положительномъ смыслѣ, предоставивъ особенное наблюденіе за нимъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ, учрежденнымъ въ каждой губерніи для наблюденія за церковно-приходскими школами.

— „Новое Время“ сообщаетъ, что въ непродолжительномъ времени на обсужденіе Государственнаго Совѣта поступитъ давно уже возбужденный вопросъ объ измѣненіи существующей у насъ паспортной системы. Недостатки ея слишкомъ извѣстны; не принося пользы дѣлу, въ то же время она служитъ бременемъ для низшихъ классовъ населенія, а потому проектируемымъ закономъ предполагается, въ видахъ ихъ устраненія, произвести цѣлый рядъ облегченій, касающихся паспортной части. Въ настоящее время проектъ названнаго закона уже переданъ на заключеніе подлежащихъ вѣдомствъ и вслѣдъ за полученіемъ отзывовъ поступитъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

— Говоря по поводу недавняго опредѣленія Св. Синода о воспрещеніи употребленія вѣнковъ и другихъ знаковъ и эмблемъ, не имѣющихъ церковнаго и государственно-оффиціальнаго значенія, при погребальныхъ процессіяхъ, „Южный Край“ (№ 1773) между прочимъ выразилъ желаніе, чтобы были выведены изъ употребленія нѣкоторые другіе обычаи при погребеніяхъ. Къ числу таковыхъ газета относитъ прежде всего обычай употреблять при погребеніяхъ дорогія, роскошныя колесницы. „Конечно, для богача, который не знаетъ, на что-бы можно съ пользою для души почившаго родственника употребить 100, 150 рублей, еще не тяжело уплатить эти деньги за колесницу; но жаль, что этому подражаютъ и люди недостаточные и даже иногда бѣдные, которые изъ-за того входятъ въ долги. Затѣмъ газета возстаетъ противъ обычая, который практикуется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ — носить гробы съ покойниками не на носилкахъ, какъ это было принято изстари, а на холстѣ который обыкновенно подкладывается подъ гробъ, а несущіе перекидываютъ концы онаго чрезъ спину на свои плечи, при этомъ роскошная колесница, со всѣмъ ея воинствомъ, непременно слѣдуетъ пустая за гробомъ отъ дома до церкви и отъ церкви до кладбища“. Странно, затѣмъ въ этомъ случаѣ берутъ колесницу и за что платятъ деньги? Но дѣло не въ этомъ, замѣчаетъ газета, а въ

томъ, что такой способъ несенія гроба съ покойникомъ на холстахъ очень вредно вліяетъ на здоровье несущихъ и идущихъ вблизи гроба. „Такое несеніе гроба совершенно сходно съ тою лямкою, которую тянуть такъ называемые бурлаки на Волгѣ и на другихъ судоходныхъ рѣкахъ. Всѣ несущіе чувствуютъ необыкновенную тяжесть, всѣ мышцы находятся въ напряженномъ состояніи, груди ихъ вздымаются, лица багровѣютъ, и потъ градомъ катитъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою, даже при сильномъ морозѣ. Какъ-же тутъ не подорвать силъ, какъ не простудиться? Но, это еще не все. Обыкновенно при такомъ способѣ несенія гробъ тянетъ къ землѣ и отъ земли выше двухъ аршинъ его поднять не возможно, а потому всѣ вредныя міазмы, отъ нерѣдко уже разложившагося трупа, прямо стремятся и входятъ въ носъ и ротъ несущихъ и вблизи идущихъ. Какъ-же тутъ не заразиться?“

Конечно въ видахъ охраненія народнаго здравія было-бы хорошо, если-бы указанный способъ носить гробы съ покойниками на холстѣ вышелъ изъ употребленія; не дурно-бы было также и то, если-бы роскошныя колесницы при погребеніяхъ были замѣнены простыми и вполне приличными случаю, такъ какъ излишняя роскошь едвали-прилична при погребеніяхъ.

— Въ видахъ огражденія интересовъ нанимателей и сельскихъ рабочихъ, въ обсуждаемомъ въ настоящее время положеніе о наймѣ рабочихъ, по словамъ „Новаго Времени“, включенъ, между прочимъ, цѣлый рядъ новыхъ уголовныхъ наказаній, заключающихся въ арестъ и денежномъ штрафѣ. По отношенію къ нанимателямъ будутъ примѣняться уголовныя взысканія за нижеслѣдующіе проступки: а) арестъ или штрафъ: 1) за нарушеніе правилъ о пищѣ и помѣщеніи для рабочихъ и о работѣ малолѣтнихъ подростковъ; 2) непринятіе мѣръ къ огражденію личной безопасности рабочихъ при исполненіи ими разныхъ работъ; 3) ложное заявленіе полицейскимъ властямъ объ утратѣ договорнаго листа, принадлежащаго нанятому имъ рабочему; 4) за безстыдныя или безнравственныя дѣйствія по отношенію къ служащимъ у него рабочимъ, и наконецъ, 5) за завѣдомый наемъ рабочихъ, связанныхъ договоромъ найма съ другимъ нанимателемъ, а также за сманиваніе рабочихъ, и б) штрафъ: 1) за произвольное удержаніе договорнаго листа или вида рабочаго; 2) за нарушеніе установленныхъ правилъ о призрѣніи или леченіи больныхъ рабочихъ и 3) за производство вознагражденія рабочаго за трудъ какимъ-бы то ни было товаромъ или провіантомъ вмѣсто наличныхъ денегъ. Въ свою очередь рабочіе бу-

дуть подвергаться: а) аресту или штрафу: 1) за ложное заявленіе о потерѣ договорнаго листа; 2) за оскорбленіе или оклеветаніе нанимателя, кого-либо изъ членовъ его семейства или же лицъ, назначенныхъ нанимателемъ для надзора за исполненіемъ работъ (за эти проступки наказаніе будетъ опредѣляться по уставу о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, какъ за нанесеніе обиды лицу, заслуживающему особаго уваженія), и 3) за причиненіе нанимателю умышленно матеріальнаго ущерба, и б) штрафу (съ замѣной его арестомъ при несостоятельности): 1) за грубость противъ нанимателя, членовъ семьи и его лицъ, поставленныхъ надъ рабочими, а также за неповиновеніе послѣднимъ и нанимателю; 2) за самовольный уходъ или неявку безъ законныхъ причинъ къ сроку на работы; 3) за необьясненіе при наймѣ о страданіи заразительною болѣзнию (когда будетъ доказано, что это было сдѣлано сознательно), и 4) за причиненіе нанимателю неумышленно ущерба вслѣдствіе нерадѣнія и неисполненія своихъ прямыхъ обязанностей. Для возбужденія какъ въ уголовномъ, такъ и въ гражданскомъ порядкѣ дѣлъ, проистекающихъ изъ взаимныхъ отношеній между нанимателями и рабочими, предположено назначить общій срокъ—мѣсячный, начиная со дня совершенія проступка или возникновенія претензіи.

— „Русск. Кур.“ указываетъ на важное значеніе, какое могутъ имѣть въ дѣлѣ народнаго образованія книжные склады, въ которыхъ крестьяне могли-бы пріобрѣтать для чтенія книги. „Среди крестьянства въ настоящее время существуетъ большой спросъ на книги, и потому мы должны, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ, сейчасъ-же приступить къ этой организаціи. Правда, въ данную минуту мы располагаемъ очень незначительнымъ матеріаломъ для народнаго чтенія; но, во всякомъ случаѣ, и этотъ незначительный матеріалъ, при лучшей организаціи книжной торговли, можетъ удовлетворить потребностямъ народа въ чтеніи.

Въ настоящее время книжная торговля находится въ рукахъ офеней и невѣжественныхъ купцовъ-кулаковъ. Чтобы достать книжку, крестьянинъ долженъ ѣхать въ городъ или въ ближайшее большое село, или-же, наконецъ, ждать, когда офеня съ коробомъ лубочныхъ изданій посѣтитъ глухую деревню. Естественно, что при такомъ положеніи книжной торговли дѣло народнаго образованія будетъ подвигаться впередъ очень медленно“.

Газета находитъ, что земству ближе всего принять на себя починъ въ дѣлѣ учрежденія народныхъ книжныхъ складовъ и биб-

ліотекъ. „Земство завѣдуетъ устройствомъ и распространеніемъ школъ среди крѣстьянства; слѣдовательно, на его обязанности должно лежать и доставленіе крѣстьянамъ книжекъ для чтенія, ибо чтеніе, внѣ школы, есть продолженіе школьнаго образованія. Земство въ этомъ отношеніи сдѣлаетъ больше, чѣмъ кто-либо другой. Оно ближе стоитъ къ народу, ему лучше извѣстны народныя интересы, и ко всему этому оно обладаетъ достаточными средствами для этого дѣла“.

Далѣе газета указываетъ на благопріятныя результаты, достигнутыя нѣкоторыми земствами въ дѣлѣ распространенія въ народѣ книгъ. „Для примѣра укажемъ на Самарское земство. Въ прошломъ году въ Самарскомъ уѣздѣ, по распоряженію земскаго собранія, открыто три склада въ селахъ: въ Коткахъ, Елховкѣ и Екатериновкѣ. Дѣла означенныхъ складовъ идутъ очень хорошо. За пять мѣсяцевъ со времени ихъ открытія было продано книгъ и канцелярскихъ письменныхъ принадлежностей на тысячу рублей. Есть надежда, что въ будущемъ дѣла складовъ пойдутъ еще лучше.“

Складъ народныхъ книгъ, существующій въ Одессѣ при аудиторіи народныхъ чтеній, дѣйствуетъ также очень успѣшно. Въ первые годы существованія чтеній въ каждое чтеніе выручалось за книги 1—2 р., теперь-же весьма часто продается книгъ на 10—15 руб. Въ 1885 году было продано книгъ цѣною отъ 1 до 20 к. на сумму 309 р. 74 к. Считая среднюю стоимость книжки 5 к. (громное большинство книгъ расходуется цѣнностью до 5 к.), оказывается, что при посредствѣ аудиторіи народныхъ чтеній въ теченіи года продано 6,195 экземпляровъ“.

ВЪ МОСКОВСКОЙ СУНОДАЛЬНОЙ КНИЖНОЙ ЛАВКѢ

(на Никольской улицѣ)

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ. МЕЖДУ ПРОЧИМИ, СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Церковной печати:

Анаѣисты. Великомуч Варварѣ, въ 32 д. съ кнн. въ печ. об. цѣна 10 к. въсь 1 ф. Св. Николаю, въ 32 д. съ кнн. въ печ. об. цѣна 10 к., въсь 1 ф. Преподобному Сергію, въ 32 д. съ кнн. въ печ. об. цѣна 10 к., въсь 1 ф. Успенію Пресв. Богородицы, въ 32 д. съ кнн. въ печ. об. цѣна 10 к., въсь 1 ф. Алфавитъ духовный, въ 8 д. въ кож. цѣна 45 к., въсь 2 ф., въ кор. цѣна 35 к., въсь 2 ф., въ бум. цѣна 30 к., въсь 1 ф. Апостоль, въ 8 д. съ кнн., въ кож. цѣна 2 р. 25 к., въсь 5 ф., въ кор. цѣна 2 р. 15 к., въсь 4 ф., въ бум. цѣна 2 руб. въсь 3 ф. Тоже въ 8 д. Слав. Русскій въ кол. цѣна 90 к., въсь 2 ф., въ печ. об. цѣна 50 к., въсь 2 ф. Библия, въ 4 д., съ паралл. мѣст. на бѣл. бум., въ кож. цѣна 2 р. 55 к., въсь 8 ф., въ печ. об. цѣна 2 р., въсь 7 ф. Библия, въ 8 д., на бѣл. бум. въ кож. цѣна 2 р. 45 к., въсь 5 ф. въ бум. цѣна 1 р. 90 к., въсь 4 ф. Тоже, въ 16 д. (изданіе компактное): а) на велен. бум., въ кож. цѣна 2 р. 10 к., въсь 5 ф., въ кор. цѣна 1 р. 90 к., въсь 5 ф., въ бум. цѣна 1 р. 50 к., въсь 4 ф.; б) на бѣл. бум., въ кож. цѣна 1 р. 75 к., въсь 4 ф., въ кор. цѣна 1 р. 50 к., въсь 4 ф., въ бум. цѣна 1 р. 10 к., въсь 3 ф. Добротолубіе, въ 8 д. въ 2 кнпгахъ, въ кож. цѣна 3 р. 65 к., въсь 7 ф., въ кор. цѣна 3 р. 15 к., въсь 7 ф., въ бум. цѣна 2 р. 85 к., въсь 6 ф. Евангеліе, въ 8 д., съ хромолит. изобр., на велен. бум., въ бархатѣ цѣна 8 р. 50 к., въсь 4 ф., въ бум. цѣна 4 р. 65 к., въсь 3 ф. Тоже въ 8 д. съ кнн. на бѣл. бум. въ доскахъ цѣна 1 р. 40 к., въсь 4 ф., въ бум. цѣна 1 р. 5 к., въсь 3 ф. Тоже въ 8 д., безъ кнн., въ кол. цѣна 50 к., въсь 1 ф., въ кор. цѣна 40 коп., въсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 20 к., въсь 1 ф. Тоже, въ 8 д., Слав. Русск. въ кол. цѣна 75 к., въсь 3 ф., въ кор. цѣна 55 к., въсь 3 ф. Евангелія, чтומыя во св. великій Четвертокъ на литургіи, на умовеніи и по умовеніи погъ, и во св. великій Пяттокъ, на утрени и вечерни: а) въ лѣсть, съ кнн., въ бум. цѣна 45 к., въсь 2 ф.; б) въ 16 д., на велен. бум. въ кол. цѣна 75 к., въсь 1 ф., печ. об. цѣна 30 к., въсь 1 ф.; в) въ 16 д., на бѣл. бум. въ кор. цѣна 45 к., въсь 1 ф., печ. об. цѣна 8 к., въсь 1 ф. Ефрема Св. Цвѣты язь сада, въ 8 д., въ печ. об. цѣна 6 к., въсь 1 ф. Иннокентія, Митрополита Московскаго, Указаніе пути въ царствіе небесное, въ 12 д. въ печ. об. цѣна 12 к., въсь 1 ф. Ирмологъ простой, въ 4 д., съ кнн. въ кож. цѣна 1 р. 55 к., въсь 2 ф., въ бум. цѣна 1 р. 15 к., въсь 1 ф. Тоже, 8 д., безъ кнн. въ кож. цѣна 60 к., въсь 2 ф., въ бум. цѣна 45 к., въсь 1 ф. Іоанна Св. Дамаскина, точное изложеніе православной вѣры, или Богословіе, въ 4 д., на прост. бум. въ кож. цѣна 1 р., въсь 3 ф., въ кор. цѣна 80 к., въсь 3 ф., въ бум. цѣна 65 к., въсь 2 ф. Іоанна Св. Златоустаго, Бесѣды о покаяніи, въ 4 д. въ кож. цѣна 2 р., въсь 4 ф., въ кор. цѣна 1 р. 55 к., въсь 3 ф., въ бум. цѣна 1 р. 35 к., въсь 3 ф. Іоанна Св. Ксифилина, Пять поученій, въ 8 д., въ печ. об. цѣна 9 к., въсь 1 ф. Іоанна Св. Лѣстничника. лѣстница: а) 8 д., съ кнн. въ кож. цѣна 1 р. 20 к., въсь 4 ф., въ кор. цѣна 1 р., въсь 3 ф., въ бум. цѣна 80 к., въсь 3 ф.; б) 8 д., безъ кнн. въ кож. цѣна 90 к., въсь 4 ф., въ кор. цѣна 70 к., въсь 3 ф., въ бум. цѣна 50 к., въсь 3 ф. Каноникъ, въ 8 д., съ кнн., въ кож. цѣна 80 к., въсь 1 ф., въ бум. цѣна 65 к., въсь 1 ф., Тоже, въ 32 д. съ кнн., въ шагрен. цѣна 1 р. 40 к., въсь 1 ф., въ кол. цѣна 50 к., въсь 1 ф., въ бум. цѣна 25 к., въсь 1 ф. Каноны Богослужебные, профессора Ловягина: а) въ 4 д., на греко-славяно-русскомъ языкѣ. Въ печ. об. цѣна 1 р. 65 к., въсь 3 ф.; б) въ 8 д., на славяно-русскомъ языкѣ въ печ. об. цѣна 1 р., въсь 2 ф. Канонъ великій св. Андрея Критскаго, расположенный въ порядкѣ, чтенія: а) на 1-й недѣлѣ Великаго поста, въ 16 д. въ кож. цѣна 45 к., въсь 1 ф., въ кор. цѣна 35 к., въсь 1 ф., въ бум. 20 к., въсь 1 ф.; б) на 5-й недѣлѣ Великаго поста, въ 16 д., въ кож. цѣна 45 к., въсь 1 ф., въ кор. цѣна 35 к.,

вѣсь 1 ф., въ бум. цѣна 20 к., вѣсь 1 ф. Послѣдованіе въ первый день Св. Пасхи въ 32 д. на бѣл. бум. въ печ. об. цѣна 3 к., вѣсь 1 ф. Катихизисъ, въ 8 д., на бѣл. бум. въ кор. цѣна 28 к., вѣсь 1 ф., въ бум. цѣна 20 к., вѣсь 1 ф. Минея Мѣсячная, въ листь, въ 12 кн., въ кож. цѣна 33 р., вѣсь 62 ф. Минея праздничная въ 8 д., съ кин., въ кож. цѣна 2 р. 10 к., вѣсь 4 ф., въ бум. цѣна 1 р. 80 к., вѣсь 4 ф. Минеи-Четы, въ листь, въ 4 книгахъ, въ кож. цѣна 25 р. 65 к., вѣсь 43 ф., въ бум. цѣна 21 р. 10 к. вѣсь 40 ф. Минеи-Четы, въ 8 д., въ 12 книгахъ, въ кож. цѣна 18 р., вѣсь 27 ф., въ кор. цѣна 15 р., вѣсь 27 ф., въ бум. цѣна 12 р. 65 к., вѣсь 23 ф. Молитвословъ полный съ хром. пзоб. а) въ 16 д., на вел. бум. съ зол. обр. цѣна 10 р., вѣсь 5 ф., въ бум. цѣна 6 р. 65 к., вѣсь 4 ф.; б) въ 16 д., на бѣл. бум. съ лит. изоб. въ кож. цѣна 2 р., вѣсь 3 ф. въ бум. цѣна 1 р. 40 к., вѣсь 2 р. Молитвословъ для мірянъ, въ 16 д., на бѣл. бум. въ кож. цѣна 45 к., вѣсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 20 к., вѣсь 1 ф. Молитвословъ сокращен. въ 24 д., на бѣл. бум. въ кож. цѣна 22 к., вѣсь 1 ф., въ кор. цѣна 17 к., вѣсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 12 к., вѣсь 1 ф. Молитвы, чтומья въ день Св. Пятдесятницы, въ 16 д., въ печ. об. цѣна 7 к., вѣсь 1 ф. Молитвы при божественной литургіи, въ 32 д., въ печ. об. цѣна 10 к., вѣсь 1 ф. Молитвы на сонъ грядущимъ и утреннія, въ 8 д., круп. печ., съ кин. на лучш. бум. въ печ. об. цѣна 20 к., вѣсь, на бѣл. бум. въ печ. об. цѣна 15 к. вѣсь 1 ф. Мѣсяцесловъ (Святцы), въ 8 д. съ кин. въ кож. цѣна 55 к., вѣсь 2 ф., въ бум. цѣна 40 к., вѣсь 1 ф. Новый заветъ, 8 д., на бѣл. бум., въ кож. цѣна 75 к., вѣсь 3 ф., въ кор. цѣна 60 коп., вѣсь 3 ф., въ бум. цѣна 40 к., вѣсь 2 ф. Новый заветъ, въ 32 д. на бѣл. бум., въ кож. и футлярѣ цѣна 50 к., вѣсь 2 ф., въ печ. об. цѣна 18 к., вѣсь 1 ф. Тоже, съ псалтырю, въ 32 д., на бѣл. бум. въ кож. цѣна 45 к., вѣсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 25 к., вѣсь 1 ф. Тоже, въ 16 д. на слав.-русск. яз., въ кож. цѣна 85 к., вѣсь 3 ф., въ кож. цѣна 80 к., вѣсь 3 ф., въ печ. об. цѣна 45 к., вѣсь 2 ф. Октоихъ, въ 8 д. съ кин. въ кож. цѣна 3 р. 45 к., вѣсь 6 ф., въ кор. цѣна 3 р. 5 к., вѣсь 6 ф., въ бум. цѣна 2 р. 85 к., вѣсь 5 ф. Октоихъ нотнаго цѣнія, въ 4 д., съ кин. въ кож. цѣна 1 р. 40 к., вѣсь 3 ф., съ бум. цѣна 1 р. 5 к., вѣсь 2 ф., Октоихъ Учебный, 8 д., въ кор. цѣна 35 к., вѣсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 25 к., вѣсь 1 ф. Пентикостаріонъ (Тріодъ цвѣтная) а) въ листь, съ кин., въ кож. цѣна 3 р. 40 к., вѣсь 8 ф.; б) въ 4 л., безъ кин., въ кож. цѣна 1 р. 75 к., вѣсь 5 ф., въ кор. цѣна 1 р. 55 к., вѣсь 5 ф.; въ бум. цѣна 1 р. 40 к.; вѣсь 4 ф.; в) въ 8 д., съ кин., въ кож. цѣна 1 р. 60 к., вѣсь 4 ф., въ кор. цѣна 1 р. 40 к., вѣсь 4 ф., въ бум. цѣна 1 р. 30 к., вѣсь 3 ф. Послѣдованіе ко св. Причащенію, въ 8 д., въ печ. об. цѣна 5 к., вѣсь 1 ф. Послѣдованіе (краткое) во Свягую и великую недѣлю Пасхи и во всю свѣтлую седмицу, въ 12 д., съ кин. въ кож. цѣна 40 к., вѣсь 1 ф., въ кор. цѣна 30 к., вѣсь 1 ф. Послѣдованіе въ недѣлю православія, въ 3 д. въ печ. об. цѣна 20 к., вѣсь 1 ф. Послѣдованіе парастаса, сирѣчь, великія панихиды и всенощнаго бдѣнія, пѣваемыхъ по усопшихъ, въ 8 д., на бѣл. бум. въ печ. об. цѣна 20 к., вѣсь 1 ф. Правила св. Апостоловъ, св. Соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ и св. Отцовъ, въ 12 д. на бѣл. бум. въ кож. цѣна 80 к., вѣсь 5 ф., въ кор. цѣна 70 к., вѣсь 5 ф., въ бум. цѣна 60 к., вѣсь 4 ф. Прологъ (собраніе житій, страданій и чудотвореній Святыхъ), въ листь, въ двухъ книгахъ, въ кож. цѣна 7 р. 70 к., вѣсь 17 ф. въ бум. цѣна 6 р. 25 к., вѣсь 15 ф. Псалтирь (учебная): а) въ 4 д. съ кин. (круп. печ.) въ кож. цѣна 2 р. 50 к. вѣс. 6 ф., въ бум. цѣна 2 р. 10 к., вѣсь 5 ф.; б) въ 4 д., съ кин., обыкн. печ. въ кож. цѣна 1 р., вѣсь 4 ф., въ кор. цѣна 75 к., вѣсь 4 ф. въ бум. цѣна 65 к. вѣсь 3 ф.; в) въ 4 д. безъ кин., въ кож. цѣна 80 к., вѣсь 4 ф., въ кор. цѣна 60 к., вѣсь 4 ф. въ бум. цѣна 45 к., вѣсь 3 ф.; г) въ 8 д. безъ кин., въ кож. цѣна 55 к., вѣсь 3 ф. въ кор. цѣна 45 к., вѣсь 3 ф. въ бум. цѣна 30 к., вѣсь 2 фун. Псалтирь учебная, въ 36 д. безъ кин., въ кор. цѣна 25 к. вѣсь 1 ф. въ печ. об. цѣна 15 к., вѣсь 1 ф. Псалтирь (слѣдованная): а) въ листь, съ кин. въ кож. цѣна 5 р. 30 к., вѣсь 8 ф.; б) въ 8 д. съ кин., въ кож. цѣна 2 р. 85 к., вѣсь 6 ф. въ бум. цѣна 2 р. 65 к., вѣсь 5 ф. Служба на каждый день первыя седмицы Великаго поста, въ 4 д. въ 2 книгахъ, въ кож. цѣна 4 р. 20 к., вѣса 5 ф. въ бум. цѣна 3 р. 50 к., вѣсь 4 ф. Служба на каждый день Страстныхъ седмицы Великаго поста, въ 4 д. въ 2 книгахъ, въ кож. цѣна 3 р. 60 к., вѣсь 5 ф. въ бум. цѣна 2 р. 90 к. вѣсь 4 ф. Служба, житіе и чудеса Николая Архі-

епископа Мирлиійскаго Чудотворца, въ 4 д. въ кож. цѣна 1 р. 30 к. вѣсъ 4 ф., въ кор. цѣна 1 р. 10 к. вѣсъ 4 ф., въ печ. об. цѣна 95 к. вѣсъ 3 ф. Служба преподобному Нилу Столобенскому Чудотворцу, въ 16 д. печ. об. цѣна 15 к. вѣсъ 1 ф. Тихона св., Епископа Воронежскаго: наставленіе о собствѣнныхъ каждаго христіанина должнестяхъ въ 8 д. въ кож. цѣна 40 к. вѣсъ 2 ф., въ кор. цѣна 35 к. вѣсъ 2 ф., въ печ. об. цѣна 25 к. вѣсъ 1 ф. Типиконъ (Уставъ Церков.) въ 8 д. съ кнн. въ кож. цѣна 3 р. 40 к. вѣсъ 7 ф., въ кор. цѣна 3 р. 20 к. вѣсъ 7 ф. въ бум. цѣна 3 р. 10 к. вѣсъ 5 ф. Требникъ, въ 16 д. безъ кнн. въ кож. цѣна 1 р. вѣсъ 3 ф. Тріодіонъ или Тріодъ Постная: а) въ листъ съ кнн. въ кож. цѣна 5 р. 50 к. вѣсъ 10 ф.; б) въ 4 д., безъ кнн. въ кож. цѣна 1 р. 70 к. вѣсъ 7 ф., въ кор. цѣна 2 р. 50 к. вѣсъ 7 ф., въ бум. цѣна 2 р. 35 к. вѣсъ 5 ф.; в) въ 8 д. съ кнн. въ кож. цѣна 3 р. вѣсъ 6 ф., въ кор. цѣна 2 р. 85 к. вѣсъ 6 р., въ бум. цѣна 2 р. 75 к. вѣсъ 5 ф. Часословъ: а) въ 8 д. съ кнн., въ кож. цѣна 55 к. вѣсъ 2 ф., въ бум. цѣна 40 к. вѣсъ 2 ф.; б) въ 32 д. съ кнн. въ шагр. цѣна 1 р. 40 к. вѣсъ 2 ф.; б) въ 3^ю д. съ кнн. въ шагр. цѣна 1 р. 40 к. вѣсъ 1 ф., въ кож. цѣна 40 к. вѣсъ 1 ф. въ бум. цѣна 25 к. вѣсъ 1 ф. Чинъ освященія храма отъ Архіерея творимаго, въ 4 д. въ кож. цѣна 75 к. вѣсъ 2 ф. въ кор. цѣна 55 к. цѣна 2 ф., въ бум. цѣна 40 к. вѣсъ 1 ф. Чинъ о исповѣданіи, въ 8 д. на бѣл. бум. въ бум. цѣна 25 к. вѣсъ 1 ф. Полный курсъ богослужбныхъ книгъ, большаго формата въ перепл. кож. цѣна 100 р. 53 к. Малый кругъ богослужбныхъ книгъ, малаго формата, въ перепл. кож. цѣна 32 р. 15 к.

Гражданской печати.

Акакисты: Великомуч. Варварѣ, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 10 к. вѣсъ 1 ф. Св. Николаю, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 10 к. вѣсъ 1 ф. Преп. Сергію, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 10 к. вѣсъ 1 ф. Успенію Пресвят. Богородицы, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 10 к. вѣсъ 1 ф. Алфавитъ духовный, въ 8 д. въ кож. цѣна 45 к. вѣсъ 2 ф., въ кор. цѣна 35 к., вѣсъ 1 ф., въ бум. цѣна 30 к. вѣсъ 1 ф. Амвросія Еписк. Медиоланскаго, двѣ книги о покаяніи, въ 16 д. въ кожѣ цѣна 80 к. вѣсъ 2 ф. въ кореш. цѣна 70 к. вѣсъ 2 ф., въ печ. об. цѣна 55 к., вѣсъ 2 ф. Апостоль, въ 8 д., на бѣл. бум., въ кол. цѣна 60 к., вѣсъ 3 ф. Библия, въ 16 д., въ 1 кн., въ шагр. съ зол. обр. цѣна 5 р. 25 к., вѣсъ 8 ф., въ саф. цѣна 3 р. 70 к., вѣсъ 7 ф. въ кож. цѣна 3 р. 30 к., вѣсъ 7 ф., въ печ. об. цѣна 2 р. 50 к., вѣсъ 5 ф. Тоже въ 2 кн. въ шагр. цѣна 4 р. 30 к., вѣсъ 7 ф., въ кож. цѣна 3 р. 70 к., вѣсъ 7 ф., въ печ. об. цѣна 2 р. 50 к., вѣсъ 5 ф. Тоже въ 3 кн., въ саф. цѣна 4 р. 90 к., вѣсъ 8 ф., въ кож. цѣна 4 р. 10 к., вѣсъ 8 ф., въ печ. об. цѣна 2 р. 50 к., вѣсъ 5 ф. Тоже въ 8 д., въ 2 кн. въ шагр. съ зол. обр. цѣна 5 р., вѣсъ 7 ф., въ саф. цѣна 3 р. 50 к., вѣсъ 6 ф. въ бѣл. тисн. кож. цѣна 3 р. 25 к., вѣсъ 6 ф., въ кож. цѣна 3 р., вѣсъ 6 ф., въ печ. об. цѣна 2 р., вѣсъ 4 ф. Братское слово православному христіанину о святости церковнаго обряда, въ 16 д., смщ. І. Наумовича, въ бум. цѣна 3 к., вѣсъ 1 ф. Благоговѣнное увѣщаніе ко св. Причащенію въ 16 д. въ печ. об. цѣна 20 к., вѣсъ 1 ф. Букварь, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 4 к., вѣсъ 1 ф. Геннадія, Архіеп. Константинопольскаго, о вѣрѣ и жизни христіанской въ бум. цѣна 4 к., вѣсъ 1 ф. Діонисія Ареопагита, о небесной іерархіи, въ 8 д. въ кож. цѣна 40 к., вѣсъ 1 ф. въ кор. цѣна 30 к., вѣсъ 1 ф., въ печ. об. цѣна 15 к., вѣсъ 1 ф. Евангеліе, въ 8 д. на бѣл. бум. въ кол. цѣна 50 к., вѣсъ 2 ф., въ печ. об. цѣна 15 к. вѣсъ 2 ф. Тоже въ 32 д. на бум. бѣл. въ кол. цѣна 15 к., вѣсъ 1 ф., въ печ. об. цѣна 7 к., вѣсъ 1 ф. Тоже въ 32 д. отдѣльными Евангелистами, отъ Матѳея въ печ. об. цѣна 2 к. вѣсъ 1 ф., отъ Марка, въ печ. об. цѣна 2 к. вѣсъ 1 к., отъ Луки печ. об. цѣна 2 к. вѣсъ 1 ф., отъ Іоанна, печ. об. цѣна 2 р. вѣсъ 1 ф. Евангелія, чтומья во св. великій Четвертокъ на литургіи. на умовеніи и по умовеніи ногъ и во св. великій Пятокъ на утрени и вечерни, въ 16 д. въ кол. цѣна 35 к. вѣсъ 1 ф. въ печ. об. цѣна 15 к. вѣсъ 1 ф. Тоже чтומья въ св. великій Пятокъ въ 8 д. въ кол. цѣна 45 к. вѣсъ 1 ф. Св. Ефрема Сирина, Цвѣты изъ сада въ бум. цѣна 6 к. вѣсъ 1 ф. Изложеніе краткое божественной литургіи. въ 32 д. въ печ. об. цѣна 4 к. вѣсъ 1 ф. Избранныя мѣста изъ твореній св. Отце въ (духовно-правственное чтеніе), въ 16 д. въ бум.: Св. Евангелистовъ, вып. 1, цѣна 7 к. вѣсъ 1 ф. Св. Кирилла Іерус. II, цѣна 4 к. вѣсъ 1 ф. О таинствахъ вып.

III, цѣна 11 к. вѣсь 1 ф. Св. Василія великаго выпускъ IV, цѣна 4 р вѣсь 1 ф. Св. Іоанна Златоуста выпускъ V цѣна 12 к. вѣсь 1 ф. Св. Ефрема Сирина вып. VI цѣна 12 к. вѣсь 1 ф. Св. Димитрія Рост вып. VII цѣна 10 к. вѣсь 1 ф. Его-же вып VIII цѣна 6 к. вѣсь 1 ф. Св. Тихона Воронеж. вып. IX цѣна 10 к. вѣсь 1 ф. Его-же вып. X цѣна 5 к. вѣсь 1 ф. Св. Дѣяній в Посланій вып. XI цѣна 6 к. вѣсь 1 ф. Состояніе первенствующихъ христіанъ вып. XII цѣна 10 к. вѣсь 1 ф. Св. Іоанна Златоуст. вып XIII цѣна 13 к. вѣсь 1 ф. **Иннокентія, Митрополита Московскаго, Указаніе пути въ царствіе небесное, въ 12 д. въ печ. об. цѣна 7 к. вѣсь 1 ф. Иринаея Арх. Псковскаго, Толкованіе на Псалтирь въ 8 д. въ 2 кн. въ кож. цѣна 2 р. 70 к. вѣсь 7 ф., въ кор. цѣна 2 р. 35 к. вѣсь 7 ф., въ печ. об. цѣна 2 р. вѣсь 5 ф.** **Исторія краткая Русской Церкви, Филарета Архіеп. Черниговскаго, въ 8 д. въ печ. об. цѣна 50 к. вѣсь 2 ф.** **Іоанна св. Златоустаго, бесѣды на Евангеліе Маттея, въ 16 д. въ 3 кн. въ кож. цѣна 2 р. 50 к. вѣсь 5 ф., въ кор. цѣна 2 р. 25 к. вѣсь 5 ф. въ печ. об. цѣна 1 р. 90 к. вѣсь 4 ф.** **Каноны богослужебные, проф. Ловгина въ 16 д. въ печ. об. цѣна 45 к. вѣсь 2 ф.** **Канонъ Св. Андрея Критскаго, расположенный въ порядкѣ чтенія на 1 недѣли великаго поста въ 16 д. въ кол. цѣна 40 к. вѣсь 1 ф. въ печ. об. цѣна 20 к. вѣсь 1 ф.** **Манарія Архіеп. Литовскаго, руководство къ изученію догматическаго богословія, въ 8 д. въ кор. цѣна 60 к. вѣсь 3 ф. въ печ. об. цѣна 40 к. вѣсь 2 ф.** **Молитвословъ съ акафистами, въ 16 д. на вел. бум., въ кол. цѣна 1 р. 25 к. вѣсь 2 ф. на бѣл. бум., въ кол. цѣна 45 к. вѣсь 1 ф. въ кор. цѣна 40 к. вѣсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 20 к. вѣсь 1 ф.** **Тоже сокращенный, въ 36 д. на бѣл. бум. въ кол. цѣна 15 к. вѣсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 8 к. вѣсь 1 ф.** **Тоже краткій, съ политинажами въ 24 д. въ печ. об. цѣна 4 к. вѣсь 1 ф.** **Молитвы при литургіи, въ 32 д. въ печ. об. цѣна 10 к. вѣсь 1 ф.** **Молитвы на сонъ грядущимъ и утреннія въ 16 д. въ печ. об. цѣна 4 к. вѣсь 1 ф.** **Мѣсяцесловъ (Святцы) въ 36 д. въ кож. цѣна 50 к. вѣсь 2 ф. въ кол. цѣна 40 к. вѣсь 2 ф. въ печ. об. цѣна 20 к. вѣсь 2 ф.** **Тоже христіанскій, въ 12 д. въ кож. цѣна 75 к. вѣсь 3 ф. въ кор. цѣна 70 к. вѣсь 3 ф., въ бум. цѣна 58 к. вѣсь 3 ф.** **Начатки христіанскаго ученія, въ 12 д. въ кор. цѣна 17 к. вѣсь 1 ф. въ печ. об. цѣна 9 к. вѣсь 1 ф.** **Новый завѣтъ, въ 16 д. на бѣл. бум. въ кол. съ саф. кор. цѣна 55 к. цѣна 2 ф., въ кол. цѣна 45 к. вѣсь 2 р. Тоже въ 22 д., на бѣл. бум. въ кол. цѣна 35 к. вѣсь 1 ф., въ кор. цѣна 30 к. вѣсь 1 ф. въ печ. об. цѣна 18 к. вѣсь 1 ф.** **Новый Завѣтъ, съ Псалтирю: а) въ 8 д. круп. печ. въ кол. цѣна 1 р. 30 к. вѣсь 5 ф. въ печ. об. цѣна 75 к. вѣсь 4 ф. б) въ 8 д. обыкн. печ. въ кол. цѣна 5 к. вѣсь 2 ф. въ кор. цѣна 80 к. вѣсь 2 ф. въ печ. об. цѣна 60 к. вѣсь 2 ф.: в) въ 32 д. въ кож. цѣна 45 к. вѣсь 1 ф. въ кор. цѣна 40 к. вѣсь 1 ф. въ печ. об. цѣна 25 к. вѣсь 1 ф.** **Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Св. Синода, въ 8 д. на бѣл. бум. Т. I, въ бум. цѣна 4 р. вѣсь 7 ф. Т. II, ч. 1, въ бум. цѣна 5 к. вѣсь 7 ф. Тоже ч. 2, въ бум. цѣна 2 р. 80 к. вѣсь 6 ф. Т. III, въ бум. цѣна 4 р. вѣсь 6 ф. Т. IV, въ бум. цѣна 2 р. 80 к. вѣсь 6 ф. Т. VI, въ бум. цѣна 3 р. 50 к. вѣсь 6 ф. Т. VII, въ бум. цѣна 2 р. 30 к. вѣсь 6 ф.** **Послѣдованіе ко св. Причащенію, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 10 к. вѣсь 1 ф.** **Православное исповѣданіе вѣры въ 8 д. на бѣл. бум. въ кор. цѣна 25 к. вѣсь 1 ф., въ бум. цѣна 20 к. вѣсь 1 ф.** **Псалтирь въ 36 д. въ кор. цѣна 25 к. вѣсь 1 ф., въ печ. об. цѣна 15 к. вѣсь 1 ф.** **Тоже въ 32 д. въ печ. об. цѣна 4 к. вѣсь 1 ф.** **Служба, житіе и чудеса Николая, Архіепископа, Мирликійскаго Чудотворца, въ 4 д. въ кож. цѣна 1 р. 10 к. въ кореш. цѣна 90 к. вѣсь 4 ф. въ печ. об. цѣна 70 к. вѣсь 3 к.** **Служба преп. Нилу Столобенскому чудотворцу, въ 16 д. въ печ. об. цѣна 15 к. вѣсь 1 ф.** **Собраніе (полное) постановленій и распоряженій по духовному вѣдомству, въ 8 д. на бѣл. бум. Т. I, въ бум. цѣна 1 р. вѣсь 3 ф. Т. II, въ бум. цѣна 2 р. вѣсь 3 ф. Т. III, въ бум. цѣна 75 к. вѣсь 2 ф. Т. IV, въ бум. цѣна 1 р. 20 к. вѣсь 3 к. Т. V, въ бум. цѣна 1 р. 50 к. вѣсь 4 ф.** **Собраніе мнѣній и отзывовъ Митрополита Филарета по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ, въ 8 д. Т. I, въ бум. цѣна 2 р. вѣсь 3 ф. Т. II, въ бум. цѣна 2 р. вѣсь 3 ф. Т. III, въ бум. цѣна 2 р. вѣсь 3 ф.** **Св. Тихона, Епископа Воронежскаго: а) Наставленіе о собственныхъ каждого христіанина должностяхъ, въ 8 д. въ кож. цѣна 55 к. вѣсь 3 ф. въ кор. цѣна 40 к. вѣсь 3 ф., въ печ. об. цѣна 30 к. вѣсь 2 ф.: б) Сокровище духовное, отъ міра собираемое въ 12 д. часть 1 и 2**

въ печ. об. цѣна 50 к. вѣсь 2 ф.; часть 3 и 4 въ печ. об. цѣна 30 к. вѣсь 2 ф.
 в) Полное собраніе сочиненій въ 8 д. въ 5 ч. въ кож. цѣна 7 р., вѣсь 7 ф., въ
 кор. цѣна 6 р. вѣсь 7 ф., въ печ. об. цѣна 5 р. 50 к. вѣсь 7 ф. Тома Кемпій-
 скаго, о подражаніи Христу, въ 16 д. въ бум. цѣна 60 к. вѣсь 1 ф. Поступили
 въ продажу сочиненія Епископа Порфирія (Успенскаго): Исторія Аеона, въ 3 отд.
 книгахъ, въ бум. цѣна 3 р. вѣсь 3 ф. Первое и Второе путешествіе въ Афонскій
 монастырь и скиты, въ 6 кн. въ бум. цѣна 6 р. вѣсь 10 ф. Четыре бесѣды Архі-
 епископа Константинопольскаго Фотія, въ бум. цѣна 1 р. вѣсь 1 ф.

Печатаются новыми изданіями:

Псалтирь учебная, въ 8 д. безъ кн. церк. печ. Часословъ учебный, въ 8 д.
 безъ кн., церк. печ. Евангеліе на слав. русск. яз. въ 8 д.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ

ПЕРВАЯ КНИГА

„ТВОРЕНІЯ ИННОКЕНТІЯ“

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Собраны Иваномъ Барсуковымъ.

Цѣна 2 руб. сер.

Продается въ книжныхъ магазинахъ: Суворина, Ступина, Глазунова и Ферапонтова.

Складъ изданія: Странноприимный въ Москвѣ домъ графа Шереметева, у Су-
 харевой башни, въ квартирѣ 1-го помощника главнаго смотрителя Ивана Пла-
 тоновича Барсукова. Тамъ-же можно получить книгу: „Инокентій митрополитъ Мос-
 ковскій по его сочиненіямъ, письмамъ и разсказамъ современниковъ“. Цѣна 5 руб.

Приступлено къ печати второй книги „Твореній Иннокентія“.

Первая книга „Твореній Иннокентія“ митрополита Московскаго содержитъ
 въ себѣ слова и рѣчи преосвященнаго архиепископа, а также и многія весьма за-
 мѣчательныя мысли и совѣты его по разнымъ вопросамъ церковной практики.

Имя преосвященнаго Иннокентія слѣшкомъ хорошо извѣстно большинству лю-
 бителей духовнаго просвѣщенія. Человѣкъ, всю жизнь свою посвятившій на слу-
 женіе Богу и при томъ на служеніе многотрудное и опасное—неволью уже од-
 нимъ этимъ привлекаетъ къ себѣ всеобщее вниманіе и уваженіе. Жить среди дѣ-
 лавъ — съ цѣлю просвѣтити ихъ свѣтомъ истины христіанской, просвѣщать сре-
 ди постоянной суровой борьбы съ препятствіями, есть несомнѣнно высокая сте-
 пень самоотверженія во имя Христа, есть подвигъ апостольскій. Его творенія
 представляютъ полнѣйшее отраженіе его высокой дѣятельности; повсюду читатель
 найдетъ въ нихъ любовь къ человѣку, желаніе помочь ему на пути спасенія, под-
 держать его въ борьбѣ съ трудностями на пути въ царствіе небесное и все это
 выражено такъ просто, такъ сердечно и въ тоже время такъ христіански-глубо-
 ко, что неволью поражаетъ cadaго читающаго. Несомнѣнно, что то глубокое
 знаніе человѣческаго сердца, его нужды и страданій, которое вездѣ замѣтно въ
 произведеніяхъ Московскаго архиепископа, было плодомъ его истинно-христіанской
 вѣры и любви, — любви, по которой можно было душу свою положить за други своя,
 и вотъ почему всѣмъ ищущимъ христіанскаго назиданія и утѣшенія мы рекомен-
 довали-бы книгу преосвященнаго Иннокентія, какъ наилучшее пособіе въ дѣлѣ
 нравственнаго самоусовершенствованія.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части — изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: Въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.